

ISSN 3034-6975 (print)
ISSN 3033-8549 (online)

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал

№ 3(7) 2026

- Теоретические и методологические проблемы ономастики
- Региональные ономастические исследования
- Имя в пространстве художественного текста
- Прагматический аспект имятворчества
- Онимная периферия
- Ономастика в лицах
- События, обзоры, рецензии

ONOMASTIC BULLETIN

Scientific journal

№ 3(7) 2026

- Theoretical and methodological problems of onomastics
- Regional onomastic studies
- Name in the literary text space
- Pragmatic aspect of name creation
- Onym periphery
- Onomastics in faces
- Events and reviews

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал

Журнал выходит четыре раза в год.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – С.А. Скуридина, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Н.Б. Бугакова, доктор филологических наук

Ответственный секретарь – О.В. Сулемина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

М.Р. Багомедов – доктор филологических наук – Махачкала, Россия; **М.Ю. Беляева** – доктор филологических наук – Славянск-на-Кубани, Россия; **В.Л. Васильев** – доктор филологических наук – Великий Новгород, Россия; **Н.В. Васильева** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Л.Н. Верховых** – доктор филологических наук – Борисоглебск, Россия; **В.В. Вязовская** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **И.А. Дамбуев** – кандидат филологических наук – Улан-Удэ, Россия; **З.М. Дударева** – доктор филологических наук – Стерлитамак, Россия; **Г.А. Заварзина** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **В.М. Калинин** – доктор филологических наук – Донецк, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **И.А. Кюршунова** – доктор филологических наук – Петрозаводск, Россия; **И.А. Меркулова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **С.А. Мызников** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.С. Обухова** – доктор филологии – Скопье, Северная Македония; **Ф. Пашаева** – доктор филологических наук – Карс, Турция; **С.А. Попов** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Е.А. Попова** – доктор филологических наук – Липецк, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Р.В. Разумов** – кандидат филологических наук – Ярославль, Россия; **И.Э. Ратникова** – доктор филологических наук – Минск, Республика Беларусь; **О.А. Селеменова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В.И. Супрун** – доктор филологических наук – Волгоград, Россия; **А.С. Щербак** – доктор филологических наук – Тамбов, Россия.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.

© ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2026

ONOMASTIC BULLETIN

Scientific journal

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – S.A. Skuridina, doctor of philology

Deputy chief editor – N.B. Bugakova, doctor of philology

Executive secretary – O.V. Sulemina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

M.R. Bagomedov – Doctor of Philology – Makhachkala, Russia; **M.Yu. Belyaeva** – doctor of philology – Slavyansk on the Kuban, Russia; **V.L. Vasiliev** – Doctor of Philology – Veliky Novgorod, Russia; **N.V. Vasilyeva** – doctor of philology – Moscow, Russia; **L.N. Verkhovnykh** – doctor of philology – Borisoglebsk, Russia; **V.V. Vyazovskaya** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **I.A. Dambuev** – PhD in philology – Ulan-Ude, Russia; **Z.M. Dudareva** – doctor of philology – Sterlitamak, Russia; **G.A. Zavarzina** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **V.M. Kalinkin** – doctor of philology – Donetsk, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.O. Kuzminykh** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **I.A. Kyurshunova** – doctor of philology – Petrozavodsk, Russia; **I.A. Merkulova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **S.A. Myznikov** – Doctor of Philology – Moscow, Russia; **E.S. Obukhova** – doctor of philology – Skopje, Northern Macedonia; **F. Pashayeva** – Doctor of Philology – Kars, Turkey; **S.A. Popov** - PhD in philology – Voronezh, Russia; **E.A. Popova** – doctor of philology – Lipetsk, Russia; **Yu.S. Popova** - PhD in philology – Voronezh, Russia; **R.V. Razumov** – PhD in philology – Yaroslavl, Russia; **I.E. Ratnikova** – Doctor of Philology – Minsk, Republic of Belarus; **O.A. Selemeneva** – doctor of philology – Yelets, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V.I. Suprun** – doctor of philology – Volgograd, Russia; **A.S. Shcherbak** – Doctor of Philology, Tambov, Russia.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Address of the founder and publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

© Voronezh State Technical University, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Скуридина С.А.</i> Вступительное слово главного редактора.....	6
Теоретические и методологические проблемы ономастики	
<i>Попов С.А.</i> Конфликт идентичностей в городском пространстве: борьба официального и народного топонимического кода (воронежские кейсы).....	7
Региональные ономастические исследования	
<i>Голощапов В.В.</i> Отражение культурной ауры региона в годонимике Орла.....	13
<i>Цзоу Чэнь</i> Когнитивные модели формирования китайских астионимов: семантика, мотивировка, культурный код.....	18
<i>Малыхина Т.М., Боева Е.А.</i> Гидронимы <i>Киень</i> и <i>Татарка</i> в курской топонимике: историко-этимологический аспект.....	24
Имя в пространстве художественного текста	
<i>Бугакова Н.Б.</i> Термин родства <i>брат</i> в романе А. Платонова «Чевенгур».....	30
<i>Клопотюк Д.И., Семьян Т.Ф.</i> Ономастика мини-романа Генриха Сапгира «Сингапур».....	36
<i>Правда Е.А.</i> О некоторых особенностях антропонимов в повести Н.С. Лескова «Запечатленный ангел».....	41
<i>Го Цзюаньцзюань</i> «Державин – держава»: концептуальные основы державности в поэзии Гавриила Державина.....	46
<i>Николаев Е.Р.</i> Зоонимы в «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского.....	51
<i>Денисова М.А.</i> Библионимы в творчестве Н.С. Дашевской.....	56
<i>Дрепина К.Е.</i> Ономастика как зеркало русской души в прозе и драматургии Л.Н. Андреева.....	64
Прагматический аспект имятворчества	
<i>Саенко О.А., Степанова Н.П.</i> Наименование ресторанов традиционной кухни À LA FRANÇAISE.....	70
<i>Корнеева О.С.</i> Структура эргоурбонимов в лингвистическом ландшафте маленьких городов Беларуси.....	76
<i>Алешин Н.С., Четчик В.И.</i> Бэби-бумеры в современном медиаконтенте.....	82
Онимная периферия	
<i>Овсяник М.А.</i> Топонимы в составе артионимов современных белорусских художников.....	87
<i>Ананьина М.А.</i> Особенности реализации лингвокогнитивного потенциала аллюзивных антропонимов (на материале британской прозы XX века).....	92
<i>Попова Е.А., Хассан К.А.</i> Палестина и «палестинские» топонимы как коннотативные онимы и прецедентные феномены русской лингвокультуры.....	96
Ономастика в лицах	
<i>Скуридина С.А.</i> Ирина Алексеевна Кюршунова: притяжение Русского Севера.....	107
Правила оформления статей	111

CONTENTS

<i>Skuridina S.A.</i> Opening remarks of the chief editor	6
<i>Theoretical and methodological problems of onomastics</i>	
<i>Popov S.A.</i> Conflict of identities in urban space: the struggle between official and folk toponymic codes (Voronezh case studies).....	7
<i>Regional onomastic studies</i>	
<i>Goloshchapov V.V.</i> The reflection of the cultural aura of the region in the godonymy of Orel.....	13
<i>Zou Chen</i> Cognitive models of the formation of Chinese astionyms: semantics, motivation and cultural code.....	18
<i>Malykhina T.M., Boeva E.A.</i> Hydronyms <i>Kshen</i> and <i>Tatarka</i> in Kurskaya toponymics: historical and etymological aspect.....	24
<i>Name in the literary text space</i>	
<i>Bugakova N.B.</i> The kinship term <i>brother</i> in A. Platonov's novel "Chevengur".....	30
<i>Klopotyuk D.I., Semyan T.F.</i> Onomastics of Genrich Sapgir's mini-novel "Singapore".....	36
<i>Pravda Ye.A.</i> About some features of anthroponyms in N.S. Leskov's novel "The imprinted angel".....	41
<i>Guo Juanjuan</i> "Derzhavin – power": conceptual foundations sovereignty in the poetry of Gavriil Derzhavin... ..	46
<i>Nikolaev E.R.</i> Zoonyms in the "Dictionary of the Yakut language" by E.K. Pekarsky.....	51
<i>Denisova M.A.</i> Bibliographical names in N.S. Dashevskaya's works.....	56
<i>Drepina K.E.</i> Onomastics as a Mirror of the Russian Soul in the Prose and Drama of L. N. Andreev.....	64
<i>Pragmatic aspect of name creation</i>	
<i>Saenko O.A., Stepanova N.P.</i> Names of restaurants serving traditional cuisine À LA FRANÇAISE.....	70
<i>Korneeva O.S.</i> The structure of ergourbonyms in the linguistic landscape of small towns in Belarus.....	76
<i>Alyoshin N.S., Chechetka V.I.</i> Baby boomers in modern media content.....	82
<i>Onym periphery</i>	
<i>Ovsyanik M.A.</i> Toponyms in the composition of artionyms in the works of contemporary Belarusian artists....	87
<i>Ananyina M.A.</i> Features of realizing the linguocognitive potential of allusive anthroponyms (based on British prose of the XX century).....	92
<i>Popova E.A., Hassan K.A.</i> Palestine and Palestinian toponyms as connotative onyms and precedent phenomena of Russian linguistic culture.....	96
<i>Onomastics in fasec</i>	
<i>Skuridina S.A.</i> Irina Alekseyevna Kyurshunova: The Attraction of the Russian North.....	107
<i>Layout of the articles</i>	111

Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей 3(7) выпуск научного журнала «Ономастический вестник» Воронежского государственного технического университета, который включает работы, посвященные актуальным проблемам ономастики, прозвучавшие на II Всероссийской ономастической конференции с международным участием «Воронежские ономастические чтения» 18 февраля 2026 года.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Теоретические и методологические проблемы ономастики», II – «Региональные ономастические исследования», III – «Прагматический аспект имятворчества», IV – «Имя в пространстве текста», V – «Онимная периферия», VI – «Ономастика в лицах».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 18 научных работ.

Раздел «Теоретические и методологические проблемы ономастики» включает работу, в которой исследуется лингвосоциокультурный феномен конфликта между официальной и народной (неофициальной) урбанонимией как формы конкуренции идентичностей в городском пространстве (С.А. Попов).

Раздел «Региональные ономастические исследования» содержит статьи, рассматривающие особенности топонимического пространства города Орла как комплексного историко-культурного феномена, отражающего региональную идентичность и социокультурное развитие территории (В.В. Голощапов), представляющие когнитивные модели, лежащие в основе формирования китайских астионимов (Чэнь Цзоу), предлагающие этимологическое исследование гидронимов Курского региона *Кишень* и *Татарка* в этимологическом и историческом аспектах (Т.М. Мальхина, Е.А. Боева).

В разделе «Имя в пространстве текста» представлены работы, рассматривающие функционирование термина родства *брат* и его дериватов в ономастическом и смысловом пространстве романа «Чевенгур» (Н.Б. Бугакова), ономастическую систему мини-романа Г. Сапгира «Сингапур» как значимый элемент постмодернистской художественной поэтики, определяющий семантические, нарратологические и пространственные особенности организации художественного произведения (Д.И. Клопотюк, Т.Ф. Семьян), наименования персонажей в повести Н.С. Лескова «Запечатлённый ангел» (Е.А. Правда), мотивированный корень «держ-» в значении «держать, владеть, защищать» в поэзии Г.Р. Державина (*Цзюаньцзюань Го*), зоонимы, представленные в трёхтомном «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского (Е.Р. Николаев), библионимическое пространство в творчестве Н.С. Дашевской (М.А. Денисова), ономастические приемы в творчестве Л. Андреева как средство раскрытия русской ментальности в эпоху исторических катаклизмов начала XX века (К.Е. Дрепина).

Раздел «Прагматический аспект имятворчества» содержит работы, выявляющие специфику наименования ресторанов традиционной кухни во Франции на примере регионов Савойя, Прованс, Бретань и Нормандия (О.А. Саенко, Н.П. Степанова), компонентной и языковой структуры эргонимических единиц в сфере общественного питания, представленных в лингвистическом ландшафте маленьких городов Беларуси (О.С. Корнеева), механизмы формирования и тиражирования стереотипов о поколении бэби-бумеров (родившихся приблизительно в 1946–1964 гг.) в современном медиаконтенте (Н.С. Алешин, В.И. Чететка).

В разделе «Онимная периферия» представлены результаты лингвокультурологического анализа топонимического компонента в артионимах современных белорусских художников (М.А. Овсяник), рассматривается лингвокогнитивный потенциал аллюзивных антропонимов (М.А. Ананьина), описывается семантическая трансформация трех библейских топонимов – *Палестина*, *Иордан*, *Иерихон* – в русском языке и культуре (Е.А. Попова, К.А. Хассан).

В разделе «Ономастика в лицах» представлена деятельность выдающегося российского филолога-ономатолога, доктора филологических наук, профессора Ирины Алексеевны Кюршуновой, отмечающей в 2026 году свой юбилей (С.А. Скуридина).

Содержащиеся в выпуске 3(7) научные работы затрагивают проблемы современной ономастики, рассматриваемые на основе анализа разнопланового материала, что обусловлено особым положением имен собственных в языке. Данное издание может быть интересно специалистам-ономатологам, историкам, географам, преподавателям русского языка, литературы и краеведения, учителям школ, гимназий и лицеев, аспирантам, магистрантам и студентам, а также всем, кого интересует имя как знаменательный элемент лингвокультуры.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук

С.А. Скуридина

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ОНОМАСТИКИ
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL
PROBLEMS OF ONOMASTICS**

УДК 811.161.1'373.21

С.А. Попов

*Воронежский государственный университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: spo@bk.ru*

**КОНФЛИКТ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
БОРЬБА ОФИЦИАЛЬНОГО И НАРОДНОГО ТОПОНИМИЧЕСКОГО КОДА
(ВОРОНЕЖСКИЕ КЕЙСЫ)**

В статье исследуется лингвосоциокультурный феномен конфликта между официальной и народной (неофициальной) урбанонимией как формы конкуренции идентичностей в городском пространстве. На примере корпуса устойчивых народных названий районов и локаций г. Воронежа (типа «Чижевка», «БАМ», «Магадан», «ВАИ», «Колдуновка», «Машмет») автор выявляет системный характер этого противостояния, корнящийся в различных принципах кодирования реальности. Официальный топонимический код, детерминированный административно-идеологическими задачами, анализируется в оппозиции к народному коду, который порождается повседневными практиками, коллективной памятью и эмоциональным опытом горожан. Методологическую основу составляют принципы социолингвистики, лингвокультурологии и семиотики пространства. В результате исследования доказывается, что народная топонимия выполняет ключевые социальные функции: сохранения альтернативной исторической памяти, критического и эмоционального освоения территории, создания «инсайдерской» карты и маркировки групповой принадлежности. Делается вывод о том, что устойчивый дуализм топонимических кодов отражает глубинное противоречие между проектируемым, нормативным образом города и его стихийно сложившейся, аутентичной идентичностью, формируемой «снизу». Работа вносит вклад в развитие региональной ономастики и урбанистики.

Ключевые слова: ономастика, урбанонимия, народная топонимия, городское пространство, конфликт идентичностей, лингвосоциокультурный код, Воронеж, историческая память, локальная идентичность, семиотика города.

S.A. Popov

*Voronezh State University
(Voronezh, Russia)
e-mail: spo@bk.ru*

**CONFLICT OF IDENTITIES IN URBAN SPACE: THE STRUGGLE BETWEEN
OFFICIAL AND FOLK TOPONYMIC CODES (VORONEZH CASE STUDIES)**

The article explores the linguistic and sociocultural phenomenon of conflict between official and folk (unofficial) urbanonymy as a form of identity competition in urban space. Using the example of the corpus of stable folk names of Voronezh districts and locations (such as "Chizhovka", "BAM", "Magadan", "VAI", "Koldunovka", "Mashmet"), the author identifies the systemic nature of this confrontation, rooted in various principles of reality encoding. The official toponymic code, determined by administrative and ideological tasks, is analyzed in opposition to the national code, which is generated by everyday practices, collective memory and emotional experience of citizens. The methodological basis consists of the principles of sociolinguistics, linguoculturology and semiotics of space. As a result of the research, it is proved that folk toponymy performs key social functions: preserving alternative historical memory, critical and emotional development of the territory, creating an "insider" map and marking group affiliation. The con-

clusion is drawn that the stable dualism of toponymic codes reflects the deep contradiction between the projected, normative image of the city and its spontaneously formed, authentic identity, formed "from below". The work contributes to the development of regional onomastics and urban studies.

Keywords: onomastics, urbanonymy, folk toponymy, urban space, identity conflict, linguistic and socio-cultural code, Voronezh, historical memory, local identity, semiotics of the city.

Современный мегаполис представляет собой сложный семиотический текст, в котором непрерывно происходит борьба за смыслы, память и право на идентичность. Одним из наиболее репрезентативных полей этой символической борьбы является городская топонимия. Традиционно в ней выделяются два взаимодействующих, но часто конфликтующих пласта: официальный (санкционированный властными структурами) и народный (неофициальный, стихийно бытующий в речи жителей). Этот конфликт далеко не сводится к простому расхождению в номинациях; он является поверхностным проявлением более глубокого столкновения между разными способами восприятия, осмысления и присвоения городского пространства – то есть, между разными городскими идентичностями. Если официальная урбанонимия стремится к созданию унифицированного, идеологически выверенного и управляемого пространства, то народная топонимия отражает «взгляд изнутри», фиксируя опыт, память и эмоции локального сообщества.

Актуальность исследования обусловлена растущим интересом гуманитарных наук к проблемам локальной идентичности, культурной памяти и неписаным правилам организации городской среды.

Целью данной статьи является комплексный анализ механизмов, функций и социокультурных оснований конфликта между официальным и народным топонимическим кодом на материале г. Воронежа.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

- 1) систематизировать корпус устойчивых воронежских народных урбанонимов;
- 2) выявить принципиальные различия в логике двух кодов;
- 3) построить типологию народных названий на основе их генезиса и семантики;
- 4) определить ключевые социальные функции народной топонимии в контексте конфликта идентичностей.

1. Теоретико-методологические основания и материал исследования. Теоретической основой работы служит интеграция социолингвистического, семиотического и лингвокультурологического подходов. В рамках социолингвистики имя собственное рассматривается как социальный знак, чья коннотация и употребление детерминированы групповыми практиками и отношениями власти. По мнению И.В. Крюковой, «введение термина “социо-ономастика” в наши дни представляется актуальным, так как позволяет объединить аспекты ономастических и социолингвистических исследований, требующих глубокой научной разработки» [Крюкова 2014 : 30]. Как отмечает Р.В. Разумов, «одной из возможных точек соприкосновения интересов ономастики и социолингвистики может стать проблема реализации государством языковой политики в области имен собственных» [Разумов 2022 : 121]. Семиотика пространства позволяет интерпретировать город как «котел текстов и кодов, разнотроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [Лотман 2000 : 325], где топоним выступает ключевым знаком, организующим восприятие и наделяющим территорию смыслом. Лингвокультурологический подход фокусируется на связи языка с коллективным сознанием и культурной памятью.

Материалом исследования послужил корпус из более 30 устойчивых народных урбанонимов Воронежа, собранный и верифицированный автором. Под «устойчивостью» понимается долговременность бытования названия (не менее 20-30 лет), его воспроизводимость в речи разных поколений горожан и фиксация в локальных дискурсах. Источниками послужили: 1) полевое интервьюирование коренных жителей и старожилов; 2) анализ региональной прессы, историко-краеведческой литературы; 3) мониторинг дискуссий в локальных сообще-

ствах и пабликах социальных сетей (ВКонтакте, Telegram, «Большой Воронежский форум» и др.). Методы исследования: описательно-аналитический, сравнительно-сопоставительный, метод кейс-стади (углубленного анализа отдельных примеров), элементы дискурс-анализа.

2. Логика конфликта: официальный vs. народный топонимический код. Конфликтность взаимодействия двух кодов проистекает из их принципиально разной природы и целеполагания.

2.1. Официальный топонимический код: управление, канон, интеграция. Этот код реализует волю властей и является инструментом символической политики. Его ключевые характеристики:

1. **Нормативность и директивность.** Названия присваиваются распорядительным актом, их первичная функция – однозначная адресная идентификация в системе городского хозяйства [Об утверждении реестра...].

2. **Идеологическая и коммеморативная нагрузка.** Код фиксирует в пространстве официально одобренные исторические нарративы (*пл. Ленина, пл. Победы, ул. 20-летия Октября, ул. 80-летия Победы*) или нейтральные географические ориентиры (*Ботанический сад, Зареченский квартал, жилой массив «Задонье»*). Он работает на интеграцию городского пространства в общенациональный или региональный контекст.

3. **Безличность и абстрактность.** Официальные названия часто оторваны от непосредственного опыта жителей, представляя пространство как объект управления (*ул. Ароматная, ул. Демократов, ул. Дружбы, ул. Советская, пер. Спокойный*).

2.2. Народный топонимический код: опыт, память, эмоция. Этот код рождается стихийно в процессе повседневного использования территории и является формой коллективного творчества. Его базовые принципы:

1. **Прагматизм и удобство.** Стремление к краткости, ёмкости и фонетической удобности («БАМ» вместо «жилой район в конце ул. Новосибирской», «ВАИ», «СХИ»).

2. **Укоренённость в локальной истории и ландшафте.** Названия фиксируют исчезнувшие объекты, особенности местности или прошлой производственной деятельности («Глинозём», «Ипподром», «Огурцы» – на месте теплиц).

3. **Эмоционально-оценочная окраска.** Код передаёт коллективное отношение к месту – от иронии и критики («Долина нищих», «Магадан», «Бомбей», «Пьяные дворы») до гордости и ласкательности («Берёзка» – район ул. Берёзовая Роща, «Дубрава» – микрорайон в районе Памятника Славы, «Девичок», «Машинка» – район ул. Машиностроителей).

4. **Фольклорность и мифологичность.** Создание локальных легенд и мифов, объясняющих название («Колдуновка»).

Таким образом, конфликт разворачивается между именем-директивой, навязываемым пространству «сверху», и именем-откликом, рождающимся «снизу» в процессе его жизненного освоения.

3. Типология народных урбанонимов Воронежа как индикаторов конфликта. На материале собранного корпуса названий можно выделить несколько устойчивых типов, каждый из которых маркирует конкретный вектор противостояния официальной и неофициальной идентичности.

3.1. Топонимы-палимпсесты: память, стёртая официальным развитием. Данные названия сохраняют информацию о предыдущих слоях городской биографии, которые игнорируются или целенаправленно забываются при официальном наименовании. Они выполняют роль альтернативных исторических архивов.

1) **«Глинозём».** Фиксирует память о глиняном карьере и кирпичном производстве, предшествовавших жилой застройке.

2) **«Ипподром».** Сохраняет в речи память о довоенном спортивном сооружении, несмотря на его физическое отсутствие и современную официальную номинацию района.

- 3) **«Отрожка».** В 60-е годы XIX в. на месте *дер. Отрожки* была построена железнодорожная узловая станция, первоначально названная Раздельной, но затем переименованная в честь ближайшей деревни.
- 4) **«Птичка»** (район бывшего Птичьего рынка). Удерживает в памяти специализированную функцию места, утраченную со временем;
- 5) **«Чижевка»:** ранее здесь располагалась Чижевская слобода.

3.2. Топонимы-характеристики: эмоциональная и критическая оценка пространства. Этот тип демонстрирует, как горожане через имя осмысляют и критически оценивают среду обитания, противопоставляя свой опыт безличному административному взгляду.

- 1) **«Магадан», «Соловки».** Крайне негативная оценка удалённости и неблагоустроенности района в прошлом, отсылающая к образам отдалённых мест лишения свободы.
- 2) **«Бомбей», «Новый Бомбей».** Ироничная, но критическая характеристика высокой плотности и хаотичности застройки.
- 3) **«Пьяные дворы».** Фиксация в топонимическом фольклоре негативного социального явления (нелегальной торговли алкоголем), которое никогда не было бы отражено в официальном названии.

3.3. Топонимы-маркеры сообществ: профессиональная и локальная солидарность. Эти названия возникают вокруг градообразующих предприятий или образовательных организаций и служат для сплочения связанных с ними социальных групп. Яркие примеры именования «по предприятию», создающие чувство принадлежности:

- 1) **«СХИ»** (от сельскохозяйственного института, в настоящее время ВГАУ – Воронежский государственный аграрный университет имени Императора Петра Первого);
- 2) **«Машмет»** (народное сокращение от «Машиностроитель», старое название завода «Рудгормаш», который ранее также назывался заводом ГОО – горно-обогатительного оборудования);
- 3) **«Холодильник».** остановка транспорта «Туполева», рядом с которой расположен хладокомбинат;
- 4) **«ВАИ»** (Воронежский авиационный институт): Уникальный кейс. Институт так и не был построен, но аббревиатура, успевшая войти в обиход в конце 1930-х, сохранилась на десятилетия как топоним-призрак, памятник несбывшемуся проекту и устной традиции.

3.4. Топонимы, основанные на морфологии и локальном мифе.

- 1) **«Большой / Малый пятак».** Название, возникшее из чисто визуального, «картографического» восприятия планировки, непонятного для того, кто не знаком с районом.
- 2) **«Колдуновка»** (частный сектор у водохранилища на левом берегу в районе Казанского храма (улицы Суворова, Добролюбова, Рокоссовского и др.). Пример мифологизации пространства через локальную легенду, создание уникального, «магического» образа места, конкурирующего с его прозаической официальной номинацией. получил одно из самых мистических названий в городе. Название дал семейный клан колдунов, которые в старину жили в этих местах. К ним местные жители ходили гадать и привораживать, что закрепило за районом репутацию мистического и необычного места.

4. Функции народного топонимического кода в городском конфликте идентичностей. Устойчивость народных названий, их сопротивляемость официальным номинациям («Богданка» вместо официальной ул. Богдана Хмельницкого, «Одинцовка» – вместо ул. Одинцова) объясняется выполнением ими ряда ключевых социальных функций, которые не обеспечивает официальный код:

1. **Идентификационно-разграничительная функция.** Создание «своей», инсайдерской карты города. Владение этим кодом (знание, где «Берёзка», а где «Колдуновка», «Инютинка») маркирует принадлежность к локальному сообществу, отличая коренного жителя от новичка. В недалеком прошлом принадлежность воронежских подростков к тому или иному району проживания служила причиной конфликтов, зачастую заканчивающихся массовыми драками.
2. **Эмоционально-адаптивная и критическая функция.** Народная топонимия служит каналом для выражения коллективных эмоций – от недовольства («Магадан») до ироничного приятия («Бермуды») или одобрения («Дубрава»). Это инструмент символического освоения и «оживления» даже неудобных пространств.
3. **Мемориальная функция.** Код выступает хранителем неофициальной, альтернативной исторической памяти, конкурирующей с канонической версией, транслируемой официальными названиями. Он сохраняет память об утраченных ландшафтах, производствах и социальных практиках.
4. **Коммуникативно-экономическая функция.** Краткость, образность и ёмкость народных названий («БАМ», «ВАИ», «Низы») делают повседневную коммуникацию о пространстве более эффективной.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что конфликт официальной и народной урбанонимии Воронежа является системным и отражает фундаментальный дуализм в восприятии города. Этот конфликт – не борьба правильного с неправильным, а конкуренция двух легитимных, но различных способов конструирования городской реальности. Официальный код создаёт город как административно-политический проект, подчинённый логике управления, канона и интеграции в метанарративы. Народный же код создаёт город как место повседневной жизни – со всей его сложной исторической наслоенностью, эмоциональными оценками, локальными мифами и социальными связями. Устойчивость таких названий, как «ВАИ» (несмотря на отсутствие объекта), «Берёзка» (вопреки официальному «Берёзовая Роща») или «Колдуновка», является ярким свидетельством того, что подлинная, аутентичная идентичность места формируется не административными актами, а длительной языковой практикой сообщества, его памятью и опытом.

Таким образом, народная топонимия выступает мощным инструментом неписаного права на город, сопротивляясь полной семиотической унификации пространства и отстаивая право локального сообщества на собственный язык его описания.

Перспективы исследования видятся в изучении возрастной и социальной стратификации носителей народного кода, а также в анализе влияния цифровых картографических сервисов (Google Maps, «Яндекс.Карты»), которые, зачастую фиксируя народные названия, становятся новыми агентами в этом перманентном конфликте городских идентичностей.

Библиографический список

1. Крюкова И.В. Социолингвистические аспекты ономастических исследований: Постановка проблемы // Вопросы филологии. 2014. № 2. С. 30–35.
2. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 150–390.
3. Об утверждении реестра наименований элементов планировочной структуры и элементов улично-дорожной сети городского округа город Воронеж. Постановление администрации города Воронежа от 14 января 2002 года № 52 (с изменениями на 1 декабря 2025 года). [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/440510318> (дата обращения: 07.02.2026).

4. Разумов Р. В. Онимическая политика в городском пространстве: проблемное поле и перспективы нормализации // Социолингвистика. 2022. № 3(11). С. 120–135. DOI 10.37892/2713-2951-3-11-120-135.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Попов Сергей Александрович,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры связей с общественностью,
рекламы и дизайна, доцент кафедры изда-
тельского дела Воронежского государствен-
ного университета,
SPIN-код: 8544-6919,
e-mail: spo@bk.ru

Popov Sergey Alexandrovich,
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Public Relations, Advertising and Design,
Associate Professor of the Department of
Publishing at Voronezh State University,
SPIN code: 8544-6919,
e-mail: spo@bk.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ REGIONAL ONOMASTIC STUDIES

УДК 81'373

В.В. Голощанов

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

(Елец, Российская Федерация)

e-mail: avadimovic888@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ АУРЫ РЕГИОНА В ГОДОНИМИКЕ ОРЛА

В статье исследуется годонимическое пространство города Орла как комплексный историко-культурный феномен, отражающий региональную идентичность и социокультурное развитие территории. Предметом исследования выступает система городских наименований, их происхождение и семантическая наполненность. Цель работы – анализ особенностей формирования и функционирования городской топонимики как источника информации о культурных традициях региона. Методологическая основа исследования базируется на применении историко-сравнительного, культурологического и лингвистического анализа топонимических единиц. В ходе исследования установлено, что годонимическое пространство Орла характеризуется высокой степенью многослойности, отражая различные исторические периоды развития городского пространства. Результаты исследования демонстрируют значительную роль мемориальных наименований в городской топонимике, увековечивающих память выдающихся деятелей литературы, науки и искусства. Особое внимание уделяется улицам, носящим имена писателей и поэтов Орловщины. Проведённый анализ подтверждает, что годонимия города представляет собой ценный историко-культурный ресурс. Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов исследования в краеведческой деятельности, музейном деле и при разработке туристических маршрутов. Исследование показывает динамический характер годонимического пространства, подверженного трансформации в соответствии с социально-политическими изменениями общества.

Ключевые слова: Годонимическое пространство, региональная идентичность, культурное наследие, историческая топонимика, Орёл.

V.V. Goloshchapov

I. A. Bunin Yelets State University

(Yelets, Russian Federation)

e-mail: avadimovic888@mail.ru

THE REFLECTION OF THE CULTURAL AURA OF THE REGION IN THE GODONYMY OF OREL

The article examines the hodonymic space of Oryol city as a complex historical and cultural phenomenon reflecting regional identity and socio-cultural development of the territory. The subject of research is the system of urban names, their origin and semantic content. The aim of the work is to analyze the features of formation and functioning of urban toponymy as a source of information about cultural traditions of the region. The methodological basis of the research is grounded on historical-comparative, culturological and linguistic analysis of toponymic units. The study reveals that the hodonymic space of Oryol is characterized by a high degree of multilayeredness, reflecting various historical periods of urban space development. The research results demonstrate the significant role of memorial names in urban toponymy, perpetuating the memory of outstanding figures of literature, science and art. Special attention is paid to streets named after writers and poets of the Oryol region. The analysis confirms that the city's hodonimy represents a valuable historical and cultural resource. The practical significance of the work lies in the possibility of using the research results in local history activities, museum business and development of tourist routes. The study shows the dynamic nature of the hodonymic space, subject to transformation in accordance with socio-political changes in society.

Key words: Toponymic space, regional identity, cultural heritage, historical toponymy, Orel.

Годонимическое пространство города Орла представляет собой сложную и многослойную систему, в которой отражаются богатая история, культурные традиции и уникальная идентичность региона. Анализ орловских годонимов позволяет выявить доминирующие тенденции в топонимической номинации и реконструировать фрагменты историко-культурного ландшафта.

Одной из наиболее репрезентативных групп являются мемориальные наименования, увековечивающие память о выдающихся деятелях литературы, науки и искусства, связанных с Орловщиной. На карте города широко представлены улицы, названные в честь русских писателей и поэтов, что свидетельствует о значительной роли литературы в формировании культурного кода Орловского региона.

Топонимическая единица «улица Апухтина» представляет собой мемориальный годоним, увековечивающий память о русском поэте Алексее Апухтине. Творческое наследие данного деятеля литературы характеризуется выраженной лирической составляющей и глубоким психологизмом, что находит отражение в семантике городского пространства.

Наименование улицы выступает не просто географическим маркером, а является значимым элементом культурной памяти города, свидетельствующим о вкладе Апухтина в развитие отечественной поэзии. Данный годоним демонстрирует взаимосвязь урбанонимии с историко-культурным контекстом региона, подчеркивая значимость литературного наследия в формировании локальной идентичности.

Улицы Белинского, Герцена, Добролюбова отражают влияние русской критической мысли XIX века. Улица Бунина и набережная Есенина служат напоминанием о вкладе этих поэтов в русскую литературу XX века. Улицы Лермонтова, Тургенева, Тютчева, Фета – о классиках русской литературы [Писатели-орловцы 2000: 13]. Присутствие в годонимиконе Орла улиц Гоголя, Достоевского, Л. Толстого, Салтыкова-Щедрина свидетельствует об общенациональном значении русской литературы, а выбор именно этих имен – о влиянии их творчества на формирование нравственных и эстетических ориентиров орловской интеллигенции. Стоит отметить и улицу Лескова, чья связь с Орловщиной отражена не только в его биографии, но и в произведениях, проникнутых любовью к родному краю.

Орловщина занимает особое место в творчестве Н.С. Лескова, являясь не только местом действия многих произведений, но и источником вдохновения для создания ярких художественных образов.

В своих произведениях писатель с удивительной точностью воспроизводит топографию города, его архитектурный облик и социальную структуру. Ниже представлены характерные описания Орла из рассказа «Несмертельный Голован»: «Мы были с Голованом соседями. Наш дом в Орле на Третьей Дворянской улице и стоял третий по счету от берегового обрыва над рекою Орликом. Место здесь довольно красиво. Тогда, до пожаров, это был край настоящего города. Вправо за Орлик шли мелкие хибары слободы, которая примыкала к коренной части, оканчивавшейся церковью Василия Великого. Сбоку был очень крутой и неудобный спуск по обрыву, а сзади, за садами, глубокий овраг и за ним степной выгон, на котором торчал какой-то магазин» [Лесков 1989: 123].

«Тяжел, скучен и утомителен вид пустынных улиц наших уездных городов во всякое время, но особенно убийствен он своею мертвенностью в жаркий летний полдень. Густая серая пыль, местами изборозженная следами прокатившихся по ней колес, сонная и увядшая муравка, окаймляющая немощные улицы к стороне воображаемых тротуаров; седые, подгнившие и покосившиеся заборы; замкнутые тяжелыми замками церковные двери; деревянные лавочки, брошенные хозяевами и заставленные двумя крест-накрест положенными досками; все это среди полдневного жара дремлет до такой степени заразительно, что человек, осужденный жить среди такой обстановки, и сам теряет всякую бодрость и тоже томится и

дремлет. В такую именно пору Валериан Николаевич Дарьянов прошел несколько пустынных улиц и, наконец, повернул в очень узенький переулочек, который наглухо запирался старым решетчатым забором. За забором видна была церковь» [Лесков 1872: 97-98].

Величественный Орел упоминает в своем произведении «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунин. В первый день в Орле я проснулся еще тем, каким был в пути, – одиноким, свободным, спокойным, чужим гостинице, городу, – и в необычный для города час: едва стало светать [Бунин 2025: 5: 1-2]. В этом произведении он описывает орловские улицы с окружающей действительностью: «Я пошел по городу. Сперва, как вчера, вниз по Волховской, с Волховской по Московской, длинной торговой улице, ведущей на вокзал, шел по ней, пока она, за какими-то запыленными триумфальными воротами, не стала пустынной и бедной, свернул с нее в еще более бедную Пушкарную Слободу, оттуда вернулся опять на Московскую» [Бунин 2025: 5 : 1-2].

Василий Михайлович Катанов описывает дух города Орла в своем стихотворении «Орловщина»:

Лежит земля Орловская на карте
И тянет вновь к дорогам и мостам.
Поеду я в лирическом азарте
По дорогим и памятным местам.
В соборах Волхова,
На кручах Новосия,
В Полесье у чистейших родников
Со мной, как мать, беседует Россия,
Открыв глазам живую даль веков.
В краю Тургенева,
На родине Лескова,
В саду, где Фету пели соловьи... [Катанов 1971 : 34].

Помимо литераторов, в топонимическом пространстве Орла увековечены имена выдающихся ученых и деятелей науки. Улица Ломоносова напоминает об энциклопедических знаниях и вкладе ученого в развитие российской науки. Улица Мичурина свидетельствует о развитии селекции и сельского хозяйства в регионе. Улица математика Киселева отсылает к фигуре известного педагога и популяризатора математики Андрея Киселева, чьи учебники были широко распространены в России. Улица Циолковского – о пионере космонавтики Константине Циолковском.

Имена композиторов, таких как Глинка и Чайковский, свидетельствуют о внимании к музыкальной культуре.

Годоним «улица Леонова», расположенный в Северном районе города Орла и присвоенный в апреле 1997 года, представляет собой мемориальный топонимический объект, увековечивающий память о выдающемся военном летчике Иване Антоновиче Леонове, Герое Российской Федерации, участнике Великой Отечественной войны.

В топонимическом пространстве города Орла сформировался уникальный мемориальный комплекс, представленный улицами, носящими имена выдающихся деятелей отечественной культуры и науки. Улица Чернышевского увековечивает память публициста и философа Н.Г. Чернышевского, чей вклад в развитие революционной мысли XIX века оказал существенное влияние на формирование общественного сознания эпохи. Улица Бахтина, получившая наименование в 1995 году к 100-летию со дня рождения литературоведа и философа М.М. Бахтина, отражает признание значимости его научных достижений в области культурологии и литературоведения.

Улица Калининкова посвящена композитору В.С. Калининкову, уроженцу Орловской губернии, чье творческое наследие, включая знаменитую Первую симфонию соль минор, стало неотъемлемой частью русской музыкальной культуры. Улица Писарева хранит память

о публицисте и литературном критике Д.И. Писареве, родившемся в Орловском крае, чьи труды внесли существенный вклад в развитие отечественной литературной критики.

Улица Штернберга названа в честь астронома и революционера П.К. Штернберга, орловского уроженца, чьи научные достижения в области астрономии получили международное признание, а революционная деятельность оставила заметный след в истории [Емельянова 2015 : 24]. Улица Щепкина увековечивает имя М.С. Щепкина – выдающегося актёра и основоположника русской актёрской школы, чей творческий метод впоследствии лёг в основу системы Станиславского.

Данные топонимические объекты представляют собой не просто элементы городской инфраструктуры, а являются важными историко-культурными маркерами, выполняющими функцию сохранения коллективной памяти о выдающихся деятелях отечественной науки и искусства. Они демонстрируют преемственность культурных традиций и отражают признание обществом значимости их вклада в развитие национальной культуры.

Наряду с мемориальными наименованиями, в топонимии Орла представлены топонимы, отражающие исторические особенности города и региона. Улицы Пушкарная 1-я, Пушкарная 2-я, Пушкарный переулок, Садово-Пушкарная свидетельствуют о наличии в прошлом пушкарской слободы, что подтверждается историческими документами и картографическими материалами. Улицы Стрелецкая и Стрелецкий переулок также указывают на существование стрелецкого поселения. Улицы Семинарская и Университетская площадь связаны с образовательными учреждениями, расположенными в данной местности. Улицы Покровская, Спасская – с религиозными объектами. Улицы Половецкая, Половецкий переулок – топонимия как память о древних народах сохраняется в современных названиях улиц и переулков. Эти географические объекты являются своеобразными маркерами исторических контактов между различными этносами. Названия улиц не просто указывают на географическое расположение – они хранят память о сложных процессах взаимодействия соседних культур. Улица Соляной переулок отражает особенности местной торговли. Улицы Якушкина, Ленина, Фридриха Энгельса, проезд Фридриха Энгельса – о социально-политических установках.

Наличие в топонимии Орла урбанонимов, связанных с микротопонимами (названиями урочищ, полей, лесов), требует отдельного исследования, поскольку позволяет реконструировать более древний топонимический слой и выявить особенности освоения территории.

Таким образом, топонимическое пространство Орла представляет собой ценный источник информации об истории, культуре и идентичности региона. Анализ урбанонимов позволяет выявить доминирующие тенденции в топонимической номинации, реконструировать фрагменты историко-культурного ландшафта и определить роль выдающихся деятелей в формировании культурной ауры Орловской области. Дальнейшее изучение топонимии региона позволит углубить наши знания о его прошлом и настоящем.

Важным аспектом изучения топонимического пространства Орла является анализ мотивации выбора того или иного имени для улицы или переулка. Зачастую, за простым названием скрывается сложная история, связанная с определенным событием, личностью или географическим объектом. Исследование архивных документов, краеведческих материалов и устной народной традиции позволяет раскрыть эти скрытые смыслы и установить связь между названием и его историческим контекстом. Например, названия улиц, связанные с ремеслами или промыслами, такими как Кожевенная или Гончарная, свидетельствуют о развитии этих видов деятельности в городе и о роли различных социальных групп в формировании его экономического и культурного ландшафта.

Следует также отметить, что топонимическое пространство города подвержено постоянным изменениям. Переименования улиц, появление новых названий, посвященных современным событиям или героям, отражают социальные, политические и культурные трансформации, происходящие в обществе. Анализ этих изменений позволяет проследить динамику исторической памяти и выявить актуальные ценностные ориентиры.

Перспективным направлением исследований является сопоставление годонимического пространства Орла с годонимическими системами других городов России и мира. Сравнительный анализ позволяет выявить общие тенденции в топонимической номинации, определить уникальные черты орловской годонимии и установить ее место в общероссийском и мировом контексте. Особый интерес представляет изучение влияния географического положения, исторических связей и культурных особенностей на формирование годонимических систем различных регионов.

Библиографический список

1. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева: роман [Электронный ресурс]. URL: https://1.librebook.me/jizn_arseneva/vol1/5?ysclid=mlfc8lgoqr813545130 (дата обращения: 07.01.2026).
2. Емельянова Е.С. Их имена на карте нашего города: путеводитель / сост. Е.С. Емельянова. 2-е изд., перераб. и доп. Орел, 2015. 56 с.: ил.
3. Катанов В.М. Орловщина [Электронный ресурс] / Орловский дом литераторов. URL: <http://orelpisatel.ru> (дата обращения: 03.02.2026).
4. Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. / ред. коллегия: А.М. Еголин [и др.]. Т. 7: Повести и рассказы 1870-х годов. – М.: Художественная литература, 1989. 575 с.
5. Лесков Н.С. Соборяне: роман [Электронный ресурс]. СПб.: Художественная литература, 2025. 233 с. URL: <https://azbyka.ru/fiction/soboryane-leskov/> (дата обращения: 27.01.2026).
6. Писатели-орловцы [Электронный ресурс] / Союз российских писателей. URL: <https://xn---57-5cdzalims2anxeq0q.xn--p1ai/sample-page/> (дата обращения: 29.01.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Голощанов Вадим Витальевич,
аспирант института филологии и межкультурной коммуникации, кафедры русской филологии и журналистики
Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина,
e-mail: avadimovic888@mail.ru

Vadim Goloshchapov,
Postgraduate student at the Institute of Philology and Intercultural Communication,
Department of Russian Philology and Journalism Yelets
State University named after I.A. Bunin,
e-mail: avadimovic888@mail.ru

УДК 81'373.21

Чэнь Цзоу

*Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
(Витебск, Республика Беларусь)
e-mail: cz4847096@gmail.com*

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ КИТАЙСКИХ АСТИОНИМОВ: СЕМАНТИКА, МОТИВИРОВКА, КУЛЬТУРНЫЙ КОД

Настоящее исследование посвящено анализу когнитивных моделей, лежащих в основе формирования китайских астионимов, и выявлению способов, посредством которых городские названия отражают концептуализацию пространства и элементы культурного кода. В качестве материала используются данные официальных реестров городских названий, а также региональные топонимические источники, что позволяет выделить основные типы мотивировки – ландшафтную, историко-мемориальную, оценочную и символическую. В работе применяется когнитивно-семантический анализ в сочетании с элементами теории концептуальной метафоры и структурного сопоставления, ориентированного на выявление внутренних принципов городской номинации. Анализ показывает, что китайские астионимы характеризуются высокой степенью семантической мотивированности и опираются на устойчивые культурные модели, обеспечивающие целостность и системность городской ойконимии. Практическая ценность исследования связана с возможностью использования полученных результатов в сфере стандартизации топонимической номинации, перевода географических названий и межкультурной коммуникации. В целом когнитивный подход позволяет более последовательно объяснить мотивационные механизмы и культурную специфику китайских городских названий.

Ключевые слова : астионимы, ойконимия Китая, когнитивная ономастика, номинативная модель, семантика городских названий, мотивировка, культурные коды

Chen Zou

*Vitebsk State University named after P.M.Masherov
(Vitebsk, Belarus)
e-mail: cz4847096@gmail.com*

COGNITIVE MODELS OF THE FORMATION OF CHINESE ASTIONYMS: SEMANTICS, MOTIVATION, AND CULTURAL CODE

The present study focuses on the analysis of cognitive models underlying the formation of Chinese astionyms and aims to reveal how urban place names reflect the conceptualization of space and elements of the cultural code. The research material is drawn from official registers of urban names as well as regional toponymic sources, which makes it possible to identify the main types of motivation, including landscape-based, historical-memorial, evaluative, and symbolic patterns. The methodological framework combines cognitive-semantic analysis with elements of conceptual metaphor theory and structural comparison, oriented toward identifying the internal principles of urban nomination. The analysis demonstrates that Chinese astionyms are characterized by a high degree of semantic motivation and rely on stable cultural models that ensure the integrity and systematic nature of urban oikonymy. The practical relevance of the study lies in the potential application of its results to the standardization of toponymic nomination, the translation of geographical names, and the field of intercultural communication. Overall, the cognitive approach provides a more consistent explanation of the motivational mechanisms and cultural specificity of Chinese urban place names.

Keywords : astionyms, Chinese urban toponyms, cognitive onomastics, naming models, semantic motivation, cultural symbolism

В современной ономастике все более отчетливо проявляется тенденция к переосмыслению роли имен собственных не только как средств номинации, но и как форм репрезентации когнитивных процессов и культурных представлений. В этом отношении система китайских астионимов представляется особенно показательной, поскольку она характеризуется высокой

степенью семантической мотивированности и устойчивой связью с традиционными моделями осмысления пространства. Городские названия в Китае аккумулируют сведения о природной среде, исторической памяти и ценностных ориентирах общества, формируя своеобразный культурный код, закрепленный в языковой форме и воспроизводимый в коллективном сознании.

Именно такая многослойность астионимической номинации, по нашему мнению, обуславливает необходимость обращения к когнитивному подходу, позволяющему выйти за рамки сугубо описательного анализа. Несмотря на наличие значительного числа исследований, посвященных китайской топонимии, в большинстве из них внимание по-прежнему сосредоточено на этимологии или формальной классификации названий. В результате когнитивные модели их формирования, а также внутренние принципы мотивировки городских имен остаются недостаточно систематизированными. Между тем анализ семантики астионимов в неразрывной связи с их мотивировочной базой позволяет выявить устойчивые концептуальные схемы, лежащие в основе городской номинации и отражающие способы концептуализации пространства.

В этой связи цель настоящего исследования заключается в выявлении когнитивных моделей формирования китайских астионимов с учетом их семантической структуры, мотивировки и культурного кода. Материалом исследования послужили данные официальных реестров городских названий, а также региональные топонимические источники. В работе используется когнитивно-семантический анализ в сочетании со структурным сопоставлением, что дает возможность рассматривать астионимы не только как результат номинативного выбора, но и как отражение коллективного языкового сознания. Полученные результаты, как представляется, способствуют более глубокому пониманию национально-культурной специфики китайской городской ойконимии и могут быть использованы в практике стандартизации топонимов, переводе и сфере межкультурной коммуникации.

1. Теоретические основания исследования

Когнитивный подход в современной лингвистике ориентирован на выявление способов концептуализации мира, получающих отражение в языковых структурах. В рамках ономастических исследований такой подход позволяет рассматривать имена собственные не как формально закрепленные обозначения, а как результат осмысления и категоризации действительности в коллективном языковом сознании. Городские названия, являясь элементами языковой картины мира, фиксируют устойчивые когнитивные модели, в которых пересекаются пространственные представления, исторический опыт и культурные ценности.

Одним из принципиальных теоретических положений настоящего исследования является идея неслучайного характера номинации. Как неоднократно подчеркивается в работах представителей литературной и когнитивной ономастики, семантика имени собственного не является «пустой», а формируется в процессе взаимодействия языковой системы, авторского или коллективного сознания и социокультурного контекста [Ковалев 2014 : 5–7]. В этом смысле астионимы могут рассматриваться как особый тип онимов, обладающий повышенной степенью мотивированности и способный выполнять не только идентификационную, но и культурно-интерпретативную функцию.

Центральное место в анализе городской номинации занимает понятие мотивировки. Под мотивировкой понимается совокупность признаков, положенных в основу наименования и отражающих способ концептуального осмысления объекта. Для астионимов такими признаками, как правило, выступают особенности природного ландшафта, пространственное положение, исторические события, значимые персоналии, а также оценочные и символические характеристики. Семантическая структура названия при этом формируется как результат отбора и языкового закрепления когнитивно релевантных признаков, что позволяет говорить о системном, а не случайном характере городской ойконимии.

Связь семантики и мотивировки астионимов тесно соотносится с понятием культурного

кода. Вслед за М.М. Бахтиным культурное пространство может рассматриваться как хроно-топ, в рамках которого языковые единицы отражают взаимосвязь временных и пространственных координат [Бахтин 1975 : 234]. Применительно к городской номинации это означает, что астионимы аккумулируют культурно значимую информацию, кодируя коллективные представления о прошлом, настоящем и, что немаловажно, о желаемом образе города. В этом случае культурный код реализуется через устойчивые когнитивные модели, лежащие в основе номинативных процессов.

Исходя из изложенных теоретических положений, в настоящей работе астионимы рассматриваются как результат когнитивного моделирования городского пространства, при котором семантика названия, его мотивировка и культурная обусловленность образуют единую систему. Подобный подход, как представляется, позволяет перейти от описания отдельных номинативных типов к выявлению внутренних принципов организации китайской городской ойконимии и тем самым создает методологическую основу для последующего анализа эмпирического материала.

2. Когнитивные модели формирования китайских астионимов

Рассмотрение китайских астионимов в когнитивной перспективе позволяет, на наш взгляд, выявить устойчивые модели номинации, отражающие способы концептуализации городского пространства в коллективном языковом сознании. В отличие от формально-описательного подхода, ориентированного преимущественно на фиксацию структурных характеристик названий, когнитивный анализ направлен на реконструкцию тех концептуально значимых признаков, которые лежат в основе именотворческого акта и получают языковое закрепление. Именно эти признаки формируют мотивировочную базу астионимов и во многом определяют степень их семантической прозрачности. Не случайно в классических ономастических работах подчеркивается, что имя собственное не является семантически «пустым», поскольку в нем отражается результат осмысления объекта номинации [Суперанская 1973 : 52–54].

Одной из наиболее продуктивных когнитивных моделей в системе китайской городской ойконимии представляется номинация, основанная на концептуализации природного и пространственного окружения. Названия городов, мотивированные рельефом, водными объектами или особенностями пространственного положения, отражают традиционное восприятие пространства как упорядоченной и осмысленной среды. При этом природные характеристики выступают не только как объективные ориентиры, но и как элементы культурной интерпретации, в рамках которой пространство наделяется дополнительной символической значимостью. Подобное понимание пространства соотносится с этнолингвистическим подходом, рассматривающим природную среду как культурно маркированный феномен [Березович 2007 : 118–120]. В итоге пространственные признаки приобретают статус когнитивных доминант, структурирующих городскую картину мира.

Наряду с пространственной моделью существенную роль в формировании китайских астионимов играет историко-мемориальная номинация, в основе которой лежит механизм коллективной памяти. Городские названия, связанные с историческими событиями, династиями или значимыми фигурами прошлого, фиксируют культурно отобранные фрагменты истории и тем самым закрепляют их в языковом сознании. В подобных случаях астионим функционирует как элемент исторического хронотопа, в котором пространственные координаты оказываются неразрывно связанными с временным измерением [Бахтин 1975 : 234]. С когнитивной точки зрения такие номинации выполняют не только идентификационную, но и символическую функцию, актуализируя значимые для общества исторические смыслы.

Особое место в системе китайских астионимов занимает оценочно-символическая модель, отражающая ценностные ориентации общества. В названиях городов нередко закрепляются представления о благополучии, гармонии, стабильности и развитии, что свидетельствует о высокой степени осознанности именотворческого акта. Семантика таких астионимов

формируется на основе абстрактных ценностных концептов, которые в процессе номинации получают конкретное пространственное воплощение. Принцип мотивированности топонимической номинации как закономерного и культурно обусловленного процесса был последовательно обоснован в трудах В. А. Никонова [Никонов 1965 : 34–36], что позволяет рассматривать оценочно-символические астионимы как языковое выражение коллективных идеалов.

Важно подчеркнуть, что рассмотренные когнитивные модели не функционируют изолированно, а образуют сложную систему, в рамках которой различные типы мотивировки могут пересекаться и взаимно дополнять друг друга. В пределах одного городского названия нередко сочетаются пространственные, историко-мемориальные и оценочные признаки, что обуславливает многослойность его семантической структуры. Подобная интеграция различных концептуальных доменов отражает глубинные механизмы коллективного языкового сознания и тесно связана с традиционной культурой [Толстой 1995 : 41–43]. В целом когнитивные модели формирования китайских астионимов позволяют рассматривать городскую номинацию не только как результат языкового выбора, но и как способ культурного моделирования пространства. Анализ семантики и мотивировки астионимов выявляет устойчивые культурные схемы, лежащие в основе китайской городской ойконимии, и подтверждает ее системный характер, в котором язык выступает посредником между пространством, исторической памятью и ценностными ориентирами общества.

3. Культурный код в системе городской номинации Китая

Астионимия Китая может быть осмыслена не только как результат языкового акта номинации, но и как специфический механизм репрезентации и передачи культурного кода, в котором закрепляются устойчивые представления о мире, обществе и пространстве. Система городских названий выступает своего рода медиатором между языком и культурой, позволяя коллективному сознанию фиксировать и воспроизводить ценностные ориентиры, укорененные в традиционных моделях мышления и нормативных установках. В этом контексте астионимы функционируют как элементы вторичной семиотической системы, где формально-языковая оболочка соотносена с культурно значимым смысловым содержанием.

Реализация культурного кода в китайской городской ойконимии осуществляется прежде всего через отбор мотивировочных признаков, обладающих устойчивой символической значимостью. Пространственные ориентиры, исторические реалии, а также абстрактные ценностные концепты, закрепленные в названиях городов, формируют семантические доминанты, обеспечивающие преемственность культурной традиции. Как подчеркивается в этнолингвистических исследованиях, именно регулярная воспроизводимость и стабильность подобных признаков позволяют рассматривать процесс номинации как одну из форм культурной памяти [Березович 2007 : 214–216].

Характерной чертой китайской астионимии является ее тесная связь с философскими и мировоззренческими установками, прежде всего с представлениями о гармонии, упорядоченности и соразмерности пространства. Эти идеи находят непосредственное отражение в семантике городских названий, где положительная оценочность и символика благополучия часто занимают доминирующее положение. Подобная аксиологическая направленность подтверждает тезис о том, что имя собственное выполняет функцию ценностной интерпретации действительности, а не ограничивается ролью нейтрального идентификатора объекта [Суперанская 1973 : 98–101].

Включенность астионимов в культурный код проявляется также в их способности интегрировать различные временные пласты. Городские названия аккумулируют следы исторических событий и культурных трансформаций, формируя особый хронотоп, в котором прошлое и настоящее сосуществуют и взаимодействуют в языковой форме. Подобное понимание номинации соотносится с концепцией хронотопа, согласно которой пространственные и временные параметры культуры образуют неразрывное единство в процессе ее символической репрезентации [Бахтин 1975 : 234].

В результате китайские астионимы могут быть интерпретированы как элементы своеобразного культурного текста, в котором закодированы базовые представления о пространстве, исторической памяти и ценностных ориентирах общества. Анализ культурного кода городской номинации позволяет глубже осмыслить механизмы формирования ойконимической системы Китая и подтверждает ее когнитивную и культурную обусловленность.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что формирование китайских астионимов представляет собой сложный когнитивно и культурно обусловленный процесс, основанный на концептуализации городского пространства как значимого фрагмента коллективной картины мира. Анализ семантики и мотивировки городских названий выявил устойчивые когнитивные модели, отражающие пространственные, исторические и аксиологические доминанты, закрепленные в системе городской номинации Китая.

Обращение к когнитивному подходу показало, что астионимы не ограничиваются функцией идентификации, а выступают как средства осмысления и символической интерпретации пространства. Через отбор мотивировочных признаков в названиях городов актуализируются культурные смыслы, связанные с представлениями о гармонии, порядке, благополучии и исторической преемственности. В данном контексте китайская астионимия может рассматриваться как элемент культурного кода, обеспечивающий сохранение и трансляцию ценностных ориентиров общества.

Сделанные выводы соотносятся с результатами эмпирических исследований, выполненных китайскими учеными. Так, анализ пространственных моделей восприятия городских топонимов на материале Пекина подтверждает наличие устойчивых когнитивных связей между городской номинацией и коллективным сознанием [Ван Маоцзюнь и др. 2009]. Работы, ориентированные на культурно-географическую интерпретацию китайских топонимов, также подчеркивают определяющую роль культурного отбора в процессе номинации [Лин Дэсян 2015]. Кроме того, исследования, выполненные в русле когнитивной лингвистики, рассматривают наименование географических объектов как результат концептуальной категоризации, что в целом согласуется с интерпретацией астионимии, предложенной в настоящей работе [Ван Т.и др. 2023].

Таким образом, интеграция ономастического и когнитивного подходов создает возможность более глубокого осмысления специфики китайской городской ойконимии и подтверждает ее системный характер. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением сопоставительного анализа, а также с привлечением более детализированных эмпирических данных, отражающих региональные особенности городской номинации в Китае.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. Москва, 2007. 600 с.
3. Ковалев Г. Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Новая книга, 2014. С. 3-27.
4. Никонов В.А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 216 с.
5. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
6. Толстой Н.И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.
7. Ван Маоцзюнь, Чжан Сюэся, Хо Тинтин. Пространственные модели когнитивного восприятия городских топонимов Пекина // Географический журнал. 2009. Т. 64, № 10. С. 1243–1254.
8. Лин Дэсян. Геокультурные особенности номинации географических названий в Ки-

тае // Исследования терминологии. 2015. Т. 17. № 2. С. 47–51.

9. Ван Т., Чжоу В. Метод «род – видовое различие» и топонимия: когнитивный подход
// Вестник Сянтаньского университета. 2023. № 1. С. 23–34.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Чэнь Цзоу,

Аспирант кафедры мировых языков
Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова,

SPIN-код: 3613-9992

e-mail: cz4847096@gmail.com

Chen Zou

Postgraduate student,
Department of World Languages,
Vitebsk State University named after
P.M. Masherov,

SPIN-code: 3613-9992

e-mail: cz4847096@gmail.com

УДК 81'373.6

Т.М. Малыхина

*Курский государственный университет
(Курск, Российская Федерация)
e-mail: etnolingv@mail.ru*

Е.А. Боева

*Курский государственный университет
(Курск, Российская Федерация)
e-mail: dronkat.boeva@mail.ru*

ГИДРОНИМЫ КШЕНЬ И ТАТАРКА В КУРСКОЙ ТОПОНИМИКЕ: ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Каждый регион нашей страны представляет интерес в области ономастических исследований. Семантика окружающих географических объектов является важнейшей темой для курских филологов, так как названия отражают важные события истории и культуры курян. Публикация продолжает региональные исследования в области топонимики, что способствует расширению знаний в области культуры Курского края. Предметом данной статьи являются гидронимы *Кшень* и *Татарка* в этимологическом и историческом аспектах. Привлечение географии, истории и этимологии помогает выявлять семантику интересующих гидронимов. Цель статьи – установить географические особенности водных объектов данного региона, обратиться к истории Курского края, а именно к эпохе набегов крымских и ногайских татар, раскрыть этимологию и семантику гидронимов *Кшень*, *Татарка*. Исследование опирается на исторические, этимологические и областные словари русского языка, на труды по истории языка, этимологии и топонимике. С помощью диахронического, сопоставительного, сравнительно-исторического метода и этимологического анализа было установлено, что изучение имени собственного немислимо без привлечения исторического и этимологического аспектов. Полученные результаты указывают на то, что язык помогает раскрыть культурный код исследуемой территории. Авторы пришли к выводу, что название реки *Кшень* происходит от татарского *кош* – ‘лагерь, временная остановка’, в основу ручья *Татарка* (приток *Кшени*) положен этнический признак.

Ключевые слова: гидронимы, ономастика, топонимика, история, этимология, Мурашский шлях, Кшень, Татарка.

T.M. Malykhina

*Kursk State University
(Kursk, Russian Federation)
e-mail: etnolingv@mail.ru*

E.A. Boeva

*Kursk State University
(Kursk, Russian Federation)
e-mail: dronkat.boeva@mail.ru*

HYDRONYMS KSHEN AND TATARKA IN KURSKAYA TOPONYMICS: HISTORICAL AND ETYMOLOGICAL ASPECT

Each region of our country is of interest in the field of onomastic research. The semantics of surrounding geographic features is a crucial topic for Kursk philologists, as their names reflect significant events in the history and culture of the Kursk people. This publication continues regional research in toponymy, thereby expanding our knowledge of the culture of the Kursk region. This article focuses on the etymological and historical aspects of the hydronyms Kshen and Tatarka. Geography, history, and etymology help reveal the semantics of these hydronyms. The article aims

to establish the geographic features of this region's water bodies, explore the history of the Kursk region, specifically the era of Crimean and Nogai Tatar raids, and uncover the etymology and semantics of the hydronyms Kshen and Tatarka. The study draws on historical, etymological, and regional dictionaries of the Russian language, as well as works on the history of language, etymology, and toponymy. Using diachronic, contrastive, comparative-historical methods, and etymological analysis, it was established that the study of proper names is unthinkable without incorporating historical and etymological aspects. The results indicate that language helps uncover the cultural code of the studied area. The authors concluded that the name of the Kshen River derives from the Tatar "kosh" meaning "camp, temporary stop," while the name of the Tatarka Stream (a tributary of the Kshen) is derived from an ethnic characteristic.

Keywords: hydronyms, onomastics, toponymy, history, etymology, Murasky Shlyakh, Kshen, Tatarka.

Каждый регион нашей страны представляет интерес в области ономастических исследований. Семантика окружающих географических объектов привлекает ученых, так как названия отражают важные события истории и культуры определенной народности.

Изучение имени собственного немыслимо без привлечения этимологического и исторического аспектов, так как обращение к истокам придает работе ценность в сохранении культурного кода территории.

В пределах Курской земли находится разветвленная сеть рек, озер и болот, значение названий которых либо определено не до конца, либо не определено вовсе. Наша задача – исследовать и описать водные объекты региона, выявить и зафиксировать их историческую значимость.

Мы продолжаем серию научных публикаций, посвященных рассмотрению и анализу гидронимии Посемья [Малыхина, Боева 2024, Малыхина, Боева 2025, Малыхина, Боева 2025]. Статья посвящена исследованию этимологии и семантики потамонимов (наименований рек) *Кшень* и *Татарка*.

Кшень – река, правый приток Сосны (Сосна, в свою очередь, правый приток Дона). Водный объект имеет три истока: один начинается в овраге *Кшень*, второй – в овраге *Жилинском* южнее деревни *Сухой Кшени*. А.И. Яценко отмечает, что два первых истока сливаются в одно общее русло на территории Тимского района. Третий исток начинается южнее села Рогозецкого Колодезя на территории Тимского района и вливается в основное русло реки на территории Советского района, впадает на территории Орловской области [Яценко 1974 : 67].

По длине *Кшень* – «более 120 верст». Начало берёт недалеко от Тима (в настоящее время поселок городского типа, согласно данным Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона – города). Верхнее течение реки располагается на безлесной и овражистой территории. На просторах берегов Кшени располагаются «выходы меловой системы и песчаные слои олигоцена» [Брокгауз и Ефрон 1896 : 155].

Источник: URL: https://photocentra.ru/author.php?id_auth=35445

Согласно трактовке А.И. Яценко, название реки происходит от существительного татарского происхождения *кша*, *кош* – ‘ставка, лагерь, место, где живут чабаны и расположены *кошары*’ [Яценко 1974 : 67].

Аналогичную лексему находим в Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера, где лексема *кош* в 1-м значении отмечена следующим образом:

- ‘казачий лагерь, стоянка кочевников’;
- ‘шалаш; пастушеский стан’.

Встречаются другие производные существительные: др.-русск. *кошь* – ‘стан, обоз’, ‘кошевой’, ‘старшина, предводитель коша’, укр. *кош*, *кіш* (значение то же). Находим глаголы среди славянских языков, напрмер, в белорусском: *коше́ць* – ‘разбивать лагерь’.

Интересующее нас слово заимствовано из тюркских языков: для сравнения приводится кирг. *koş* – ‘войлочная палатка, юрта’, башк. *koş* – ‘шалаш’, тур. *koş* – ‘стадо’, балкар. *koş* – ‘стоянка, молочная ферма, молочное хозяйство’ [Фасмер : 2 : 359].

Схожая семантика зафиксирована в Этимологическом словаре русского языка А.Г Преображенского. В нем *кош* обозначен как ‘стоянка, табор, кибитка, становище’. Ученый относит апеллятив по происхождению к тюркским языкам, сравните тат. *кош* – ‘ставка, лагерь’ [Преображенский : 1 : 374].

При дальнейшем этимологическом анализе мы обнаружили *кош* в Словаре русских народных говоров. Словарные статьи навели нас на мысль, что общее их значение – ‘временное жилище кочевников’. Сравните:

- ‘жилище кочевников, юрта’;
- ‘шалаш’;
- ‘лагерь, становище’;
- ‘стоянка в поле во время работ’ [СРНГ : 15 : 136].

К данному перечню можно добавить некоторые пояснения из Кыргызско-русского словаря К.К. Юдахина, где объясняется предназначение «жилища»: при уходе в дальние края или во время перекочевания на другую землю такой «лагерь» служил небольшим поселением, где можно было оставаться на долгий срок [Юдахин 1985: 1 : 410].

Таким образом, можно предположить, что апеллятив *кош* восходит к семантике ‘стан, юрта, место временного проживания’. С этимологической точки зрения слово было заимствовано из тюркских языков, на что указывают вышеперечисленные словари. Возможно, по берегам *Кшени* тюркские племена разбивали лагерь, отчего река получила свое название.

Не менее интересным предстает ручей *Татárка*. Он является левым притоком *Кшени*, начинается в овраге Просельском Советского района, протекает через село Петрово-Карцево и на территории того же района впадает [Яценко 1974 : 118].

В Гидронимическом словаре Посемья указано, что наименование ручья восходит к диалектному слову *татарский* – ‘южная сторона, обращенная к полю (степи)’ (по аналогии: Крымская или Ногайская сторона, Московская (сев.), Литовская или Черкасская (зап.)) [Яценко 1974 : 118].

Так называемые «стороны» служили ориентирами на территориальных участках из-за угрозы нападения татар с южной стороны на Московское государство [Чендев, Геннадиев, Белеванцев, Жидкин 2015 : 142].

В Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера апеллятив *татáрин* является заимствованием из татарского, чагатайского, турецкого языков (*tatar*). В древнетюркском языке *татáрами* называли жителей страны в северной части Китая (ср. укр. *татáр*, *та-тáрин*, собир. *татарвá*, болг. *татáрин*, сербохорв. *tàтар*, *tàтарин*, чеш., польск. *tatar*) [Фасмер : 4 : 27]. Зафиксированное наблюдение позволяет выдвинуть гипотезу о связи татарского народа с интересующим нас ручьем.

Дальнейшее установление значения требует подробного исторического комментария.

На протяжении XVI—XVII веков совершались крымско-ногайские набеги на Русь с целью разорения территории и торговли людьми. К сожалению, Курская земля не осталась в стороне. Ханы Ногайской орды вели кочующий образ жизни в пределах Дона и Оскола, защищали «свои угодья от проникновения сюда посторонних – неоднократно грабили тут «московских гостей» [Зорин, Раздорский, Щавелев 1999].

Известно, что набеги противника совершались по трем шляхам: Муравскому, Изюмскому, Кальмиусскому. Дороги проходили «по степным водоразделам между глубокими балками и речными долинами» [Чендев, Геннадиев, Белеванцев, Жидкин 2015 : 141]. Муравский шлях был самым древним и востребованным из всех (Кальмиусский был свойственен ногайцам, а Изюмский шлях являлся промежуточным звеном [Чендев, Геннадиев, Белеванцев, Жидкин 2015 : 142]). Упомянувший его литературный памятник, Никоновская летопись, датируется 1555 годом [Словохотов 2019].

Выбор данного шляха не случаен: в отличие от Изюмского и Кальмиусского, он не пересекал крупных рек, балок и логов, «а только касался их верховий». Такое географическое расположение способствовало успешному передвижению татарской конницы. И крымские татары, и ногайцы шли многочисленным войском и расходились на несколько отрядов. При нападении отряды объединялись и грабили, уводили русских людей и скот.

Гидронимы были важной составляющей Муравского шляха. На обратном пути отряды противника, нагруженные награбленными вещами и «угоняемыми в плен толпами народа и стадами домашнего скота» должны были скрываться от погони, и расположение дороги по речным водоразделам было выгодным для них, так как татары и ногайцы возделывали временные жилища, так называемые станы (ср. остановку у Расховецкого леса) [Стремоухов 2024 : 68].

Если обратить внимание на фрагмент «Книги Большому Чертежу всему Московскому государству», то можно обнаружить гидроним *Кшень*, неоднократно упоминаемый нами: «А от Ливен Муравскою дорогою ехать вверх по рекам по Тиму да по Кщеневоу... <...>А Кщенева по леву Муравской дороги пала в Сосну ниже Ливен... Река Кщенева верстах в 3 или в 4 от дороги...» [Стремоухов 2024 : 70]. Из этого следует, что Муравский шлях имел отношение к интересующему нас гидрообъекту.

Однако реки не просто выполняли функцию «убежища» при временном становище, но и служили ориентиром с целью предупреждения нападения неприятеля (об этом мы писали выше). В источниках XVII века зафиксировано несколько сторон: Крымская, Ногайская, Русская.

Крымская сторона была свойственна рекам, «текущим в меридиональном направлении (с севера на юг), (таких, как Северский Донец или Оскол)» [Чендев, Геннадиев, Белеванцев, Жидкин 2015 : 142], а также примыкающим западным и южным частям гидрообъектов, восточные – Ногайской стороной. Реки широтного направления (с запада на восток) с прилегающими водоразделами – Русской стороной [Чендев, Геннадиев, Белеванцев, Жидкин 2015 : 142].

Из приведенных фрагментов можно сделать вывод, что путь крымских и ногайских татар осуществлялся с южной стороны и охватывал в первую очередь реки Дон и Оскол. Установив связь с нашими гидронимами в виде цепочки:

Дон > *Сосна* (правый приток Дона) > *Кшень* (правый приток Сосны) > *Татарка* (левый приток Кшени).

Реки имеют притоки и ответвления, проходящие через весь путь. Следовательно, ручей *Татарка* располагается в южной полосе, откуда и совершались вражеские набеги, где они делали остановку. Данная версия совпадает с ранее описанным трактованием А.И. Яценко (ср. *татарский* – ‘южная сторона, обращенная к полю (степи)’ [Яценко 1974 : 118]).

Степи в период татарского нашествия были пустынными и незаселенными. Поток войск неприятеля отличался многочисленностью, поэтому как растительность, так и земля

вытаптывались копытами лошадей. Это повлияло на почвенный состав местности: она уплотнялась, а структура распылялась, развевалась, что является негативным фактором [Чендев, Геннадиев, Белеванцев, Жидкин 2015 : 141, 143, 148].

Приведем пример одного из преданий из книги «Дела давно минувших дней... Предания земли черемисиновской» за авторством Н.В. Стремоухова, где упоминаются степи: «Бескрайнее и безлюдное пространство степи. Высокое небо и глухая тишина. И вдруг... Многочисленные отряды конных татар и ногайцев, вздымая из-под копыт тучи пыли, мчатся за очередной добычей. Это не тропинка, а широкая, метров в 300, полоса вытопанной степной травы» [Стремоухов 2024 : 72].

Подведем итог нашему исследованию. Между гидронимами *Кшень* и *Татарка* наблюдается семантическая связь (на одном и на другом водном объекте обосновались *татары*). Мы выяснили, что во времена XVI—XVII веков крымские и ногайские татары совершали набеги на Московское государство. Наиболее используемым путём был Муравский шлях, захвативший курскую землю. Татары вели кочующий образ жизни, для атаки и грабежей разбивались на несколько отрядов. Отряды делали остановку близ берегов рек, возводили лагерь, стан. Речное расположение помогало неприятелю укрыться от преследования, восстановить силы после долгого похода. Этим объясняется трактование гидронима *Кшень* (ср. татарский апеллятив *кош* – ‘ставка, лагерь, временная остановка’), так как река протекала рядом с Муравским шляхом. Ручей *Татарка*, являющийся левым притоком *Кшени*, по видимому, также служил остановкой для татар, следовательно, в основу номинации положен этнический признак (по названию народности).

Таким образом, изучение региональной ономии способствует накоплению знаний в области культуры родного края. Привлечение истории и этимологии к ономастическим разработкам дают ответы на многие вопросы, а выявление семантики интересующих объектов с последующей связью вышеизложенных аспектов дает простор для новых исследований.

Библиографический список

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. Култагой - Лед. Санкт-Петербург : Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1890-1907, 1896. 482, [5] с.
2. Зорин А.В., Раздорский А.И., Щавелев С.П. Курск. История города от Средневековья к Новому времени: X – XVII века; Акад. соц. образования, Курский ин-т соц. образования (фил.) МГСУ и др. Курск: Изд-во КГМУ, Учитель, 1999. 291 с.
3. Малыхина Т.М., Боева Е.А. Историко-этимологический анализ потамонимов Посемья // Моря и воды суши в теории и практике. Сборник материалов Межрегиональной молодежной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 19 апреля 2024 г. / науч. ред. Е. В. Гайдукова, А. А. Соколова. СПб.: РГГМУ, 2024. 126 с.
4. Малыхина Т.М., Боева Е.А. Анализ праславянских форм гидронимов Посемья как доказательство их семантического единства // В поисках смыслов... 2025. В 2-х томах. С. 19-28.
5. Малыхина Т.М., Боева Е.А. История Курского края в языке потамонимов и ойконимов Посемья // Incipio. 2025 а. №20. С.40-46.
6. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. Т. I (А-О): М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко. 1910-1914. 716 с.
7. Словохотов А. Муравский шлях: из междуречья Сейма и Оскола, в междуречье Тима и Кшени [Электронный ресурс]. URL: <http://old-kursk.ru/book/slovohotov/st1907261.html> (дата обращения: 5.01.2026).
8. СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965-2021. Вып. 1–52 (издание продолжается).

9. Стремоухов Н.В. «Дела давно минувших дней...»: предания земли черемисиновской. Курск: ИП Бабкина Г.П., 2024. 298 [1] с.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т.2 (Е-Муж) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. 672 с.
9. Чендев Ю.Г., Геннадиев А.Н., Белеванцев В.Г., Жидкин А.П. татарские шляхи в географическом ландшафте Белгородской области. // научные ведомости Беогородского национального исследовательского университета. Серия: Естественные науки. 2015. №3 (200). С. 141-149.
10. Юдахин К.К. Кыргызско-русский словарь. Книга 1. М: «Советская энциклопедия», 1985. 503 с.
11. Ященко А.И. Гидронимический словарь Посемья // Проблемы ономастики/ отв. ред. А.И. Ященко. Вологда: Волог. гос. пед. ин-т, 1974. С. 3–118.
12. Photocentra. Лето на реке Кшень [Электронный ресурс]. URL: https://photocentra.ru/author.php?id_auth=35445 (дата обращения: 4.01.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Малыхина Татьяна Моисеевна,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка
Курского государственного университета,

SPIN-код: 7289-0321,
e-mail: etnolingv@mail.ru

Боева Екатерина Андреевна,
студентка филологического факультета
Курского государственного университета
e-mail: dronkat.boeva@mail.ru

Malykhina Tatyana Moiseevna,
Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor of the Department of Russian
Language,
Kursk State University,
SPIN-code: 7289-0321,
e-mail: etnolingv@mail.ru

Boeva Ekaterina Andreevna,
Student of the Philological faculty,
Kursk State University,
e-mail: dronkat.boeva@mail.ru

ИМЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА NAME IN THE LITERARY TEXT SPACE

УДК 81'373.2:821.161.1Платонов

Н.Б. Бугакова

*Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: bugakovanb@yandex.ru*

ТЕРМИН РОДСТВА БРАТ В РОМАНЕ А. ПЛАТОНОВА «ЧЕВЕНГУР»

Предлагаемое исследование посвящено рассмотрению функционирования термина родства *брат* и его дериватов в ономастическом и смысловом пространстве романа «Чевенгур», а также определению его значения для понимания платоновской модели человеческих отношений. Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы о функционировании рассматриваемого термина родства в романе «Чевенгур»: термин *брат* используется писателем как обозначение кровного родства, как политический концепт, как этическая категория и как риторическая фигура. Попытка воссоздать кровное братство между Прокофием и Александром задает модель дисфункциональных родственных отношений, а братство оказывается ложным и конфликтным. Всеобщее братство как утопический идеал последовательно деконструируется: оно оказывается неосуществимым в силу фундаментальной безотцовщины чевенгурского мира; безотцовщина, в свою очередь, выступает онтологической предпосылкой ложного братства: братство без отца лишено корня, памяти и наследования, превращаясь в симулякр. В этой связи братство в «Чевенгуре» не столько объединяет, сколько разделяет; не столько созидает, сколько разрушает; не столько воскрешает, сколько умерщвляет. Оно оказывается одной из центральных иллюзий, разоблачаемых платоновской антиутопией. Таким образом, роман «Чевенгур» представляет собой глубокую рефлексию над возможностью и невозможностью братства как формы человеческого общежития. Автор показывает, что подлинное братство невозможно без отцовства, без памяти, без преемственности поколений.

Ключевые слова: А. Платонов, «Чевенгур», термины родства, брат, безотцовщина, братство.

N.B. Bugakova

*Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: bugakovanb@yandex.ru*

THE KINSHIP TERM BROTHER IN A. PLATONOV'S NOVEL «CHEVENGUR»

The proposed study is devoted to examining the functioning of the kinship term *brother* and its derivatives within the onomastic and semantic space of the novel *Chevengur*, as well as to determining its significance for understanding Platonov's model of human relations. The conducted analysis allows us to draw the following conclusions about the functioning of the kinship term under consideration in the novel *Chevengur*: the writer uses the term *brother* as a designation of blood kinship, as a political concept, as an ethical category, and as a rhetorical figure. The attempt to recreate blood brotherhood between Prokofy and Alexander establishes a model of dysfunctional kinship relations, and this brotherhood turns out to be false and conflict-ridden. Universal brotherhood as a utopian ideal is consistently deconstructed: it proves unrealisable due to the fundamental fatherlessness of the Chevengurian world; fatherlessness, in turn, acts as the ontological premise of false brotherhood: brotherhood without a father is devoid of root, memory, and inheritance, turning into a simulacrum. In this regard, brotherhood in *Chevengur* does not so much unite as divide; not so much create as destroy; not so much resurrect as mortify. It proves to be one of the central illusions exposed by Platonov's anti-utopia. Thus, the novel *Chevengur* represents a profound reflection on the possibility and impossibility of brotherhood as a form of human coexistence. The author shows that genuine brotherhood is impossible without fatherhood, without memory, without the continuity of generations.

Keywords: A. Platonov, *Chevengur*, kinship terms, brother, fatherlessness, brotherhood.

Роман «Чевенгур» – одно из самых значимых произведений А. Платонова – неоднократно становился предметом исследования ученых, рассматривавших, в частности, солнечный «социализм» в романе [Баршт 2001 : 62-68]; софийный археосюжет [Хрящева 2021 : 118-131] и т.д. Однако терминология родства этого произведения не в полной мере исследована, что обуславливает новизну и актуальность настоящей статьи, призванной проанализировать ономастические особенности романа «Чевенгур» и продолжающей цикл работ, посвященных рассмотрению ономастикона романа [Бугакова, Скуридина 2026 : 44-51, Бугакова, Скуридина, Кузьминых 2026 : 12-21].

Очевидно, что термины родства в языке не только фиксируют биологические или социальные связи, но и отражают особенности социальной организации конкретного общества. В художественном тексте они приобретают дополнительную смысловую нагрузку, становясь инструментами авторской концептуализации мира. В рассматриваемом произведении система родственных номинаций оказывается вовлеченной в глобальный пересмотр основ человеческого общежития, предпринятый революционной эпохой.

Роман «Чевенгур», будучи «единственным завершенным романом в творчестве Платонова» [Кормилов 2018: 126], содержит большое количество аллюзий, интертекстуальных связей, реминисценций. Однако, несмотря на разнообразные интерпретации, жанр, в котором создан роман, – жанр утопии – формирует типичные для описываемого времени образы, требующие тщательного анализа.

«Чевенгур» принадлежит к числу произведений, в которых категории родства выходят далеко за пределы бытовой номинации, обретая статус философских и идеологических понятий. Одним из таких выступает термин родства *брат* – лексема, функционирующая в ткани произведения одновременно как маркер кровного родства, как политический императив революционной эпохи и как этическая категория, подвергающаяся последовательной деконструкции.

Целью данной статьи является рассмотрение функционирования термина родства *брат* и его дериватов в ономастическом и смысловом пространстве романа «Чевенгур», а также определение его значения для понимания платоновской модели человеческих отношений, о которой сам писатель говорил: «У многих людей есть коллективистское сознание, но редко еще есть у кого коллективистские чувства и действия. Может быть, в ближайшие годы взаимные дружеские чувства „овеществятся“ в СовСоюзе, и тогда будет хорошо. Этой идее посвящено мое сочинение, и мне тяжело, что его нельзя напечатать» [Платонов 2014: 268]. В основе таких утопических размышлений писателя лежит «вера в человеческое сообщество, которое возникает ... изнутри, из души человека, и основано на чувствах, которые изначально есть в душе каждого человека, но которые надо затронуть и пробудить» [Ходель 2019 : 64]. По мнению ученого, «образцом ... для Платонова ... служили при этом люди, ... которые непосредственно воплощают собой истину, ... которую Толстой назвал провидением, а Платонов – коммунизмом» [Ходель 2019 : 64]. Однако работа над созданием романа в 1927-1929 годах, в ходе которой «Платонов начинает писать роман в разгар борьбы с “левым” крылом оппозиции; над собственно чевенгурской частью работает в период оформления (в начале 1928 г.) “правой опасности” в партии и борьбы с ней, а завершает общее формирование текста романа весной 1929 г. в преддверии публичного провозглашения идеологии “года великого перелома”» [Корниенко 2019 : 646] приводит писателя к тому, что «в этом романе Платонов хоронит свои представления о коммунистическом обществе» [Ходель 2025 : 112].

Лексема *брат*, в соответствии с данными словарей, имеет следующие значения: «1. Каждый из сыновей в отношении к другим детям этих же родителей; 2. *Высок*. Всякий человек, объединенный с говорящим общими интересами, положением, условиями. Единомышленник в чем-л.; собрат; 3. Фамильярное и дружеское обращение к мужчине, юноше, мальчику. 4. Член религиозного братства; монах» [Ушаков 2007 : 238].

Обращаясь к тексту рассматриваемого романа, отметим, что А. Платонов использует анализируемый термин в первом значении, т.е. для обозначения непосредственно кровного родства: «Сестра ему ничего не писала, она была многодетная и изможденная и жила как в беспамятстве. Лишь раз в год, на пасху, она присылала брату открытку, где сообщала: «Христос воскрес, дорогой брат! Мы живем по-старому, я стряпаю, дети растут, мужу прибавили на один разряд, теперь он приносит 48 рублей. Приезжай к нам гостить. Твоя сестра Аня» [Платонов 2009 : 2 : 242].

Кроме того, рассматриваемый термин используется для обозначения некровного родства, возникающего в силу обстоятельств: в частности, известно, что у Саши Дванова утонул отец, и «взяла мальчика другая баба, Мавра Фетисовна Дванова, у которой было семеро детей. Ребенок дал ей руку, женщина утерла ему лицо юбкой, высморкала его нос и повела сироту в свою хату» [Платонов 2009 : 2 : 11]; так семеро детей Двановых становятся братьями и сестрами Саше, а позднее, когда Мавра Фетисовна рождает еще, Прохор Абрамович Дванов сообщает Саше: «Два братца тебе родилось» [Платонов 2009 : 2 : 11], используя для обозначения родства диминутивную форму *братцы*. Сводные братья – Саша и Прошка Двановы – актуализируют модель братства, которая неоднократно будет переосмыслена писателем на страницах романа. Циничный и прагматичный Прошка выступает антиподом одержимого идеей справедливости Саши; эта сюжетная линия, очевидно, представляет собой аллюзию к известному библейскому сюжету о Каине и Авеле. Мы уже отмечали, что в своих текстах А. Платонов «обращается к притчам и легендам, традиционным в картине мира верующего человека, однако религиозные сюжеты в произведениях писателя получают переосмысление, что обусловлено существующим в обществе отношением к религии» (см. об этом [Бугакова 2024 : 273]). Братство Саши и Прошки оказывается ложным: оно представляет собой не союз, а, скорее, контраст; Саша – сирота, безотцовщина, и братство между ним и Прошкой не может утвердиться без родового начала, без вертикали родства. Приемный отец со своей функцией справляется слабо: когда возникает необходимость послать ребенка побираться, он отправляет именно Сашу, поскольку это не его кровный ребенок, а следовательно, его не жалко. Проблематика родства и сиротства в «Чевенгуре» неоднократно становилась предметом научного осмысления. Как отмечает И.А. Спиридонова, мотив сиротства в романе рассматривается в свете христианской традиции, что позволяет говорить о глубинной связи платоновской модели родства с религиозными архетипами [Спиридонова 1998].

Герои романа неоднократно предпринимают попытки установить родственные связи. Так, в одном из эпизодов Чепурный объявляет: «Кто здесь сирота – выбирай теперь себе мать!» [Платонов 2009 : 2 : 204], однако эта попытка не увенчалась успехом, потому что «сиротами были все, а женщин десять» [Платонов 2009 : 2 : 204], и «тогда Дванов понял, что и женщины – тоже сироты: пусть лучше они вперед выберут себе из чевенгурцев братьев или родителей, и так пусть останется» [Платонов 2009 : 2 : 204].

В ряде случаев термин родства *брат*, а также его дериваты *братец*, *братцы* используются в качестве обращения, иногда риторического: «машина, брат, это – барышня» [Платонов 2009 : 2 : 8]; «Что ты, дорогой гражданин! Это вы тут жили ради Бога на рабочей дороге. Теперь, братец ты мой, путей нету – люди доехали» [Платонов 2009 : 2 : 106]; «Захар Павлович наливал в деревянную сковородку воды и достигал на медленном огне того, что вода кипела, а сковородка не горела. Бобыль замирал от удивления: – Могучее дело. Куда ж тут, братцы, до всего дознаться!» [Платонов 2009 : 2 : 3]. Полагаем, такое употребление соответствует второму значению анализируемой лексемы, отраженному в толковых словарях, и призвано проиллюстрировать известный тезис «все люди – братья», представляющий собой, на наш взгляд, синтез религиозных, философских и гуманистических идей, которые на протяжении тысячелетий формировали представление о единстве человеческого рода. Этот тезис воспроизводится персонажем романа: «В виду слободы Черной Калитвы всадникам встретился человек с мешком. Он снял шапку и поклонился конным людям – по старой памяти,

что все люди – братья» [Платонов 2009 : 2 : 104]. Однако подобные случаи употребления героями рассматриваемого термина родства демонстрируют, до какой степени такое использование лексемы *брат* деформирует ее исходное значение. Братство оказывается формой, лишённой содержания, риторическим жестом, за которым не стоит ни кровного родства, ни духовной близости, ни общей судьбы. Данное предположение находит подтверждение в тексте романа: «Карчук вошел без спроса, словно житель пустыни или братства» [Платонов 2009 : 2 : 200]. Писатель уподобляет братство пустыне, представляющей собой знаковый топос в его картине мира: пустыня «издревле является прибежищем inferнальных, хаотических, деструктивных сил» [Абузова 2001, с. 75], а образ пустыни неоднократно возникает в текстах А. Платонова (напр. «Джан», «Такыр»), символизируя собой пустоту, в которой страдают и герои, и их мир. По мнению Н.Ю. Абузовой, «в повести А. Платонова этот смысл замещен иным, десакрализованным: пустыня – отсутствие осмысленности во внешнем мире» [Абузова 2001, с. 79]. Очевидно, указывая пустыню и братство в качестве локаций, жителем которых может быть персонаж, писатель демонстрирует бессмысленность попыток установить братство в качестве взаимоотношений в социуме. Братство возможно только в Чевенгуре: это вымышленное пространство, и в нем возможны нереальные ситуации, поэтому Саша Дванов идет, чтобы «видеть Чевенгур не для того, чтобы его проверить, а для того, чтобы лучше почувствовать его сбывшееся местное братство» [Платонов 2009 : 2 : 167]. Действия персонажей подчинены стремлению к «сбывшемуся братству»: герои пытаются «навсегда запомнить новую родню», предлагая: «давай, Степан, побратаемся» [Платонов 2009 : 2 : 261]. Одно из значений глагола *побрататься*, образованного от лексемы *брат*, – «дать друг другу обет дружбы, помощи, взаимовыручки, стать как братья» [Евгеньева 1999 : 349]; таким образом, не будучи кровными родственниками, герои хотят выстроить родственные связи с посторонними людьми. Даже растения в Чевенгуре стремятся продемонстрировать возникшую между ними родственную связь; в частности, чевенгурский бурьян состоит из растущих «братски» [Платонов 2009 : 2 : 144]. пшеницы, лебеды и крапивы. Такое объединение, на первый взгляд, несоединимых растений возникает не просто так: лебеда и крапива в голодные годы использовались для приготовления хлеба, т.е. эти растения способны заменить пшеницу. Примечательно, что пшеницу автор помещает в бурьян, несмотря на то что это культурное злаковое. Таким образом писатель снова демонстрирует невозможность возникновения братства при условии отсутствия общих корней. Проводимая нами параллель между людьми и растениями подтверждается текстом: «братские терпеливые травы» были похожи «на несчастных людей» [Платонов 2009 : 2 : 128]. Таким образом, чевенгурское «братство» проецируется даже на природный мир, но и здесь оно подрывает базовые основания бытия: оно заменяет полезные растения стихией бурьяна и диких трав, в результате чего братство оказывается разрушительным началом – оно не возвращает, а вытесняет.

А. Платонов постоянно обращает внимание на то, что братство невозможно в реальности; оно возникает либо на территории вымышленного пространства – Чевенгура, либо в состоянии измененного сознания. Это предположение основано на речи одного из персонажей романа: «Чего я только не пил? Тут тебе и лак, и политура, за деколон большие деньги платил. Все понапрасну: корябает, а души не радуется! А помнишь, бывало, водка – санитарно готовилась, стерва! Прозрачна, чисто воздух Божий – ни соринки, ни запаха, как женская слеза. Бутылочка вся аккуратная, ярлык правильный – искусная вещь! Хватишь сотку – сразу тебе кажется и равенство, и братство» [Платонов 2009 : 2 : 53]. Но даже в этом случае братство возможно лишь при соблюдении ряда условий, которые в настоящее время невыполнимы.

Исследователями неоднократно отмечалось влияние идей Н. Федорова на А. Платонова; эти идеи находят отражение в творчестве писателя, в результате чего он строит роман вокруг трагического парадокса: революция, провозгласившая всеобщее братство, одновременно уничтожает отцовство как институт и как онтологическую категорию. Нами уже отмечалось, что в чевенгурском мире отец отсутствует, что делает братство риториче-

ской конструкцией, призванной маскировать фундаментальное одиночество и сиротство человека в новом мире.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы о функционировании рассматриваемого термина родства в романе «Чевенгур»: термин *брат* используется писателем как обозначение кровного родства, как политический концепт, как этическая категория и как риторическая фигура. Попытка воссоздать кровное братство между Прокофием и Александром задает модель дисфункциональных родственных отношений, а братство оказывается ложным и конфликтным. Всеобщее братство как утопический идеал последовательно деконструируется: оно оказывается неосуществимым в силу фундаментальной безотцовщины чевенгурского мира; безотцовщина, в свою очередь, выступает онтологической предпосылкой ложного братства: братство без отца лишено корня, памяти и наследования, превращаясь в симулякр. В этой связи братство в «Чевенгуре» не столько объединяет, сколько разделяет; не столько созидает, сколько разрушает; не столько воскрешает, сколько умерщвляет. Оно оказывается одной из центральных иллюзий, разоблачаемых платоновской антиутопией. Таким образом, роман «Чевенгур» представляет собой глубокую рефлексию над возможностью и невозможностью братства как формы человеческого общежития. Автор показывает, что подлинное братство невозможно без отцовства, без памяти, без преемственности поколений.

Библиографический список

1. Абузова Н.Ю. Мифопоэтика повести А.П. Платонова «Котлован» // Культура и текст. 2016 (27). №4. С. 74-85.
2. Архив А.П. Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Кн. 2: Описание рукописи романа «Чевенгур». Динамическая транскрипция / отв. ред. Н.В. Корниенко. С. 646.
3. Баршт К.А. Солнечный «социализм» в романе А. Платонова «Чевенгур» // Вестник ТГПУ, 2001. Вып. 1(26). Серия «Гуманитарные науки». С. 62-68.
4. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний; под ред. Д.Н. Ушакова. Москва: «Альта-Принт», 2007. 1178 с.
5. Бугакова Н.Б. Онимы как репрезентанты евангельского кода художественных текстов А.П. Платонова // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 1. С. 273-283.
6. Бугакова Н.Б., Скуридина С.А. Термин родства мать в ранней прозе А. Платонова // Philologos. 2026. № 1 (68). С. 44-51.
7. Бугакова Н.Б., Скуридина С.А., Кузьминых Е.О. Термин родства отец в романе А. Платонова «Чевенгур» // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2026. № 1 (60). С. 12-21.
8. Кормилов С.И. История русской литературы XX века (20–90-е годы): основные тенденции. М. : Издательство Юрайт, 2018. 190 с.
9. Платонов А. «...я прожил жизнь». Письма. 1920–1950 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 720 с.
10. Платонов А. Собрание сочинений: [в 8 томах]. Москва: Время, 2009. Т. 2.
11. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. С. 349.
12. Спиридонова И.А. Мотив сиротства в «Чевенгуре» А. Платонова в свете христианской традиции // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сборник научных трудов. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ), 1998. Вып. 5. Проблемы исторической поэтики. С. 515-536.
13. Ходель Р. Разгром Чевенгура // Studia Litterarum. 2025. Т. 10, № 1. С. 102–123. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-102-123>
14. Ходель Р. Платонов и упрек в «каратаевщине»: подрывают ли нравственные принципы большевистскую революцию? // Филологический класс. 2019. № 4 (58). С. 64.

15. Хрящева Н.П. О софийном археосюжете в романе А. Платонова «Чевенгур» // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 1. С. 118-131. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-09.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Бугакова Надежда Борисовна,

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации

Воронежского государственного технического университета,

SPIN-код: 1080-8136,

e-mail: bugakovanb@yandex.ru

Bugakova Nadezhda Borisovna,

Doctor of Philological Sciences, Professor
of the Department of Russian Language
and Intercultural Communication,

Voronezh State Technical University,

SPIN-code: 1080-8136,

e-mail: bugakovanb@yandex.ru

УДК 811.161.1:821.161.1.09

Д. И. Клопотюк

*Южно-Уральский государственный университет
(Челябинск, Российская Федерация)
email: klopotyuk01@mail.ru*

Т. Ф. Семьян

*Южно-Уральский государственный университет
(Челябинск, Российская Федерация)
email: semiantf@susu.ru*

ОНОМАСТИКА МИНИ-РОМАНА ГЕНРИХА САПГИРА «СИНГАПУР»

Статья посвящена исследованию ономастической системы мини-романа Генриха Сапгира «Сингапур» как значимого элемента постмодернистской художественной поэтики, определяющего семантические, нарратологические и пространственные особенности организации художественного произведения. Предметом анализа являются антропонимы и топонимы, функционирующие в тексте, а целью работы – выявление их смыслообразующих функций и определение роли имён собственных в моделировании поливариативного хронотопа, основанного на взаимодействии «реального» и утопического миров. Методологическую основу исследования составляют ономастический, структурно-семиотический и интертекстуальный методы, а также элементы нарратологического и культурологического анализа, позволяющие рассматривать онимы в контексте постмодернистской игровой эстетики и авторской философской интенции. В результате исследования установлено, что имена собственные в мини-романе выходят за рамки номинативной функции и приобретают символическое, анаграмматическое и концептуальное значение, связанное с темами трансцендентного опыта, утраты субъектности и множественности идентичностей. Показано, что ономастическая система выполняет смыслообразующую функцию, обеспечивая нелинейность повествования и интеграцию автобиографических и интертекстуальных мотивов. Результаты работы могут быть использованы в литературоведческих и лингвистических исследованиях постмодернистской прозы, а также в образовательных курсах по ономастике и теории художественного текста.

Ключевые слова: оним; постмодернизм; Генрих Сапгир; мини-роман «Сингапур»; художественное пространство.

D. I. Klopotyuk

*South Ural State University
(Chelyabinsk, Russian Federation)
email: klopotyuk01@mail.ru*

T. F. Semyan

*South Ural State University
(Chelyabinsk, Russian Federation)
email: semiantf@susu.ru*

ONOMASTICS OF GENRICH SAPGIR'S MINI-NOVEL «SINGAPORE»

The article explores the onomastic system of Genrich Sapgir's mini-novel «Singapore» as a significant element of postmodern artistic poetics that determines the semantic structure, narrative organization, and spatial design of the literary text. The subject of the analysis includes anthroponyms and toponyms functioning within the novel, while the aim of the study is to identify their meaning-forming functions and to define the role of proper names in modeling a polyvariant chronotope based on the interaction between «real» and utopian worlds. The methodological framework of the research combines onomastic, structural-semiotic, and intertextual methods, as well as elements of narratological and cultural analysis, which make it possible to consider proper names within the context of postmodern playful aes-

thetics and the author's philosophical intention. The results of the study demonstrate that proper names in the mini-novel transcend their nominative function and acquire symbolic, anagrammatic, and conceptual meanings associated with themes of transcendental experience, loss of subjectivity, and multiplicity of identities. It is shown that the onomastic system performs a concept-forming function, ensuring narrative nonlinearity and facilitating the integration of autobiographical and intertextual motifs. The findings of the research may be applied in literary and linguistic studies of postmodern prose, as well as in academic courses on onomastics and the theory of literary texts.

Key words: onym; postmodernism; Genrich Sapgir; mini-novel «Singapore»; artistic space.

В отечественном литературоведческом поле в последнее время всё большее место занимают исследования, посвящённые изучению имён собственных. Именно оно, в самом широком смысле рассматриваемое такой наукой, как ономастика, и вписанное в пространство произведения, составляет часть художественной стратегии писателя, функционируя как необходимый компонент общего семантико-стилистического замысла. Сложности в изучении любого имени связаны со спецификой реализации его многомерного значения, которое в литературе зачастую не ограничивается лишь каким-то одним регистром использования: историческим, религиозным, мифологическим и т.д. – объединяя весь свой семиотический потенциал, оним в некотором смысле так же является отражением бытового, национально-культурного кода и опыта, составляющего часть конкретного языка.

Этим должен определяться особый статус литературного имени, рассматриваемого в общей связи с иными, то есть не лингвистическими, аспектами художественного текста и формирующего особое символическое значение в системе произведения. М.Б. Раренко указывает, что «прагматический потенциал имени связан с его возможностью выступать знаком авторского отношения к персонажу и отношений персонажей между собой, способностью создавать определённую атмосферу» [Раренко 2022 : 65–66]. При чём необходимо указать, что в литературе на некоторых исторических этапах имя собственное, выбранное автором как индивидуальная характеристика персонажа, обладало особой функциональной нагрузкой (чему может послужить пример, допустим, «говорящих» фамилий, характерный для русской прозы XVIII–XIX вв.). В этом контексте особый интерес с точки зрения ономастики представляют тексты эпохи постмодернизма, транслирующие новые типы героев, а также сами отношения автора и созданных им персонажей. Девальвирующийся статус субъектности зачастую оборачивается в постмодернистских произведениях формированием смысла, основанного на интертекстуальности – разнородной коммуникации с художественным материалом предшествующих эпох. В данном случае семантический потенциал имени собственного расширяется в зависимости от многослойного контекста, частью которого оно становится. А.О. Белоконева замечает, что «постмодернизм стремится воздействовать на сознание читателя посредством мифопоэтики и имятворчества, представляя рефлексии героев относительно семантики имен, создает окказиональные авторские антропонимы, которые не поддаются однозначной интерпретации» [Белоконева 2012 : 66]. Возможность множественного толкования имени заключается, помимо прочего, и в особом авторском отношении к тексту, основанном на игровой эстетике.

Одним из наиболее интересных авторов, принадлежащих к эпохе постмодернизма, в русской литературе является Генрих Вениаминович Сапгир (1928–1999). Его творчество формировалось в контексте московского литературного андеграунда 1950–1960-х годов; Сапгир был одним из наиболее ярких писателей «Лианозовской школы», куда также входили Е. Кропивницкий, И. Холин, Я. Сатуновский, Вс. Некрасов и др. Поэтика Генриха Сапгира характеризуется экспериментальностью, активным использованием разговорной речи и разрушением традиционных жанровых и синтаксических норм. Литературоведы неоднократно обращали внимание на особенности визуально-графического оформления произведений московского автора, наличие в них языковой игры, продолжающей развитие техник русских футуристов начала XX века, а также на сложную субъектную организацию его текстов, преимущественно поэтических; однако прозаическое наследие Генриха Сапгира, как нам кажется, рассмотрено не в полной мере.

В ономастическом аспекте мини-роман Генриха Сапгира «Сингапур», написанный в конце 80-х годов прошлого столетия, представляет собой показательный пример экспериментальной постмодернистской прозы, в которой система онимов становится концептообразующим элементом текста, в том числе частью нарративной и языковой стратегии. Действие произведения разворачивается в рамках московского и сингапурского пространств, куда могут перемещаться главные герои произведения – столичная семейная пара Андрей и Тамара Сперанские, – от лица которых и происходит повествование. Нарратор конструирует представление о Сингапуре как об утопическом топосе, реализующем символический контекст восточного религиозного мировосприятия, в первую очередь, буддизма. С одной стороны, это пространство географически реально: вещи или детали, связанные с путешествием героев, могут спокойно проникать в мир «московский» (так Андрей Сперанский возвращается домой в мокром пиджаке, в котором чуть не утонул в воде, брошенный в неё сингапурским слонёнком). С другой стороны, Восток как таковой может восприниматься в романном хронотопе в качестве психофизического состояния героев, которое они достигают при помощи психоактивных веществ или духовных практик (не случайно «учитель», то есть наставник главного героя из подпольного литературного кружка, говорит Андрею, что «надо искать путь в наш собственный Сингапур», характеризуя его как «благословенное место»). Подобная двойственность отражается в системе используемых Сапгиром топонимов: Москва в художественном пространстве произведения достаточно геометризирована и герметична – нарратор, как и сами герои, от лица которых ведётся повествование, создаёт географически достоверную «карту» столицы, используя следующие онимы: Москва, Подмосковье, Замоскворечье, Кремль, Пушкинская площадь, Тверская, улица Станкевича, Белорусский вокзал, Большая Никитинская, Сретенка, Ленинский проспект, Арбат, Котельническая набережная, Суворовский бульвар, Солянка, Покровка, Абельмановская, улица Чехова и др.

В то же самое время Сингапур текстуально не функционирует в виде конкретного географического пункта; он выступает символическим обозначением «другого» культурного, бытового, этико-эстетического мира. Можно сказать, что описываемый Сапгиром Восток в целом (нарратор подчёркивает, извиняясь, что весь Моллукский полуостров он называет Сингапуром) не поддаётся картографированию, постоянно распадаясь на условные пространственные номинации, среди которых мы можем выделить наиболее часто встречающиеся топонимы, такие как: Тайланд, Бангкок, Индия, Вьетнам, Амазонка, Сингапур (оним повторяется 53 раза в тексте), Пицунда, Индийский океан, China, Моллукский полуостров, Гималаи, Малайзия, Тихий океан, Армения-стрит (улица в Сингапуре).

Известный как мастер экспериментальных поэтических техник, Сапгир последовательно реализовывал «игру со словом» и в своих прозаических текстах, которая касается, в частности, и ономастических указаний – в нашем случае названия исследуемого романа. По мнению И.М. Петрачковой, «главное имя собственное любого произведения – это его заглавие. В языковом плане заглавие представляет собой название, то есть имя текста. Оно, как и имя собственное, идентифицирует текст, выделяет его из ряда всех других» [Петрачкова 2020 : 107]. Е.А. Князева, анализируя функциональность названия «Сингапур», отмечает анаграмматичность, выражающуюся в практически полном фонетическом совпадении топонима и имени и фамилии автора текста («СИНГАПуР – ГеНРИх САПГИР») [Князева 2007 : 46]. Использование же имён собственных в произведении коррелирует с общей нарративной интенцией, предполагающей поливариативное, нелинейное развитие художественного события. Сапгир относится к онимам как к мультикультурному модусу, позволяющему дополнительно воплотить романную идею о сосуществовании нескольких временных и пространственных реальностей. В начале второй части романа Андрей Сперанский, просыпаясь рядом со своей женой Аллой, не может понять, что произошло с Тамарой Сперанской, существовала ли она в действительности, как и Сингапур, в который они вместе перемещались. Интересным является то, как Сапгир интегрирует в повествование автобиографические мотивы: что-

бы узнать о произошедшем, главный герой романа идёт по одной из версий к Куприяну Никифоровичу, «Учителю Жизни», а по другой – к Павлу Афанасьевичу, «фонарщику», в образах которых угадываются черты Евгения Леонидовича Кропивницкого – поэта, художника и наставника Сапгира. Так, антропонимы Куприян и Никифор произошли от *κύπριος* – «кипрский, с острова Кипр» и *νίκη*, *νίκη* – «победа», *φορός* – «несущий» соответственно. Можно предположить, что греческим происхождением Сапгир наделил своего героя руководствуясь представлениями о личности Кропивницкого как о крупном с культурологической точки зрения художнике и мыслителе. Неслучайно в одной из автобиографических заметок Сапгир фиксирует: «Он был Учитель по призванию. Подобно какому-нибудь китайскому мудрецу. У него даже лоб был, как у Сократа. Подмосковный Сократ» [Сапгир 2023 : 1 : 642].

Необходимо также упомянуть анаграмматическое соответствие онимов, связанных непосредственно с главными героями романа. Андрей и Тамара Сперанские, занимаясь любовью, могли перемещаться из московского в сингапурское пространство. Подобного рода трансцендентальный опыт, который может рассматриваться в качестве йогической практики, позволял достичь, по словам героев, состояние «транса», в романе связанное с точкой переплетения нескольких реальностей или параллельных судеб одного и того же человека. Так, в номере сингапурского отеля герои словно перемешиваются, Андрей и Тамара начинают видеть друг в друге своих знакомых из «московского» мира – Татьяну и Сергея, – которые являются пространственными двойниками Сперанских («андРЕЙ – сЕРгЕЙ; ТАМАРА – ТАТ'яНА»), что подтверждается в финале романа:

«– Узнай, дорогой, – говорит Таня. – Мы любим тебя обе. Твоя жена – моя старшая сестра. А я – твоя младшая жена.

...

Прежде чем ты станешь этим звонким фарфором, – продолжает Таня. – Узнай, что мы два начала – одно существо» [Сапгир 2023 : 2 : 265].

При этом выбранная для главных героев Сапгиром фамилия – Сперанские – становится информативным и характерологическим маркером. Являясь искусственно созданным антропонимом, данное имя собственное реализует в романе, по нашему мнению, не столько свой семантический потенциал, сколько социально-историческую (семинаристскую, религиозную) сферу использования. Андрей и Тамара, являясь представителями, в первую очередь, западного мира испытывают перманентное желание интегрироваться в культуру Востока. Сингапур, воспринимаемый героями как утопический рай, становится тем самым метафизическим, в том числе и религиозным, пространством, в котором герои деперсонализируются, теряют свои индивидуальные черты. Тамара может спокойно «примерять» на себя тела других людей (например, стриптизёрши: «Она лила на себя воск, и через некоторое время её – моё тело всё засветилось блестящими бляшками. Я танцевала танец живота» [Сапгир 2023 : 2 : 215]), в то время как Андрей полностью освобождается от «телесности» («Я – символ, знак, колесо вечного движения» [Сапгир 2023 : 2 : 188]).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ономастическая система мини-романа Генриха Сапгира «Сингапур» является одним из ключевых механизмов смыслообразования в структуре произведения. Имена собственные в тексте выходят за пределы номинативной функции, приобретая символическое, интертекстуальное и нарративное значение. Посредством групп антропонимов и топонимов Сапгир моделирует поливариативный художественный хронотоп, в котором пересекаются «реальное» и утопическое пространства, а также различные культурные и мировоззренческие коды. Ономастика романа тесно связана с постмодернистской игровой эстетикой, становясь важным средством выражения авторской философской позиции и художественной интенции.

Библиографический список

1. Белоконева А.О. Миф, имя, судьба героя в эстетике постмодернизма (на материале произведений В.О. Пелевина) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4-3(52). С. 65-69.
2. Князева Е.А. Что в имени тебе моем? Роль анаграммирования в постмодернистской игре автора с читателем // Филологические заметки. 2007. Т. 2. С. 45-50.
3. Петрачкова И.М. Отражение стилистики постмодернизма в онимическом пространстве комедий О. Богаева // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2020. № 10. С. 106-113.
4. Раренко М.Б. Имена собственные и проблема их передачи в переводе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2022. № 4. С. 62-72.
5. Сапгир Г.В. Собрание сочинений. Том 1: Голоса. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 760 с.
6. Сапгир Г.В. Собрание сочинений. Том 2: Мифы. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 760 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Клопотюк Данил Ильич,
аспирант кафедры русского языка и литературы Южно-Уральского государственного университета,
SPIN-код: 3686-1903,
email: klopotyuk01@mail.ru

Семьян Татьяна Фёдоровна,
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Южно-Уральского государственного университета,
SPIN-код: 7666-2753,
email: semiantf@susu.ru

Klopotyuk Danil Ilyich,
Postgraduate student of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State University,
SPIN code: 3686-1903
email: klopotyuk01@mail.ru

Semyan Tatyana Fyodorovna,
Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State University,
SPIN code: 7666-2753,
email: semiantf@susu.ru

УДК 821.161.1

Е.А. Правда

*Воронежский государственный университет
(Воронеж, Российская Федерация)*

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АНТРОПОНИМОВ В ПОВЕСТИ Н.С. ЛЕСКОВА «ЗАПЕЧАТЛЁННЫЙ АНГЕЛ»

Статья посвящена наименованиям персонажей в повести Н.С. Лескова «Запечатлённый ангел». Делается обзор научных работ по теме исследования. Обосновывается актуальность исследования антропонимикона повести «Запечатлённый ангел». Представляются результаты систематизации ономастических единиц повести. Прослеживается номинация главных действующих лиц на протяжении произведения, выявляются используемые для их именования антропонимические средства. Отмечаются закономерности употребления начальных и производных форм личных имён, отчеств, полуотчеств, фамилий и прозвищ. Устанавливается связь распределения антропонимов в тексте произведения с его композицией. Намечаются направления дальнейшей разработки темы.

Ключевые слова: антропоним, антропонимикон, поэтоним, номинация персонажа, личное имя, отчество, полуотчество, фамилия, прозвище.

E.A. Pravda

*Voronezh State University
(Voronezh, Russian Federation)*

ABOUT SOME FEATURES OF ANTHROPONYMS IN N.S. LESKOV'S NOVEL «THE IMPRINTED ANGEL»

The article is devoted to the names of the characters in N.S. Leskov's novel "The Imprinted Angel". A review of scientific papers on the research topic is made. The relevance of the study of the anthroponymicon of the story "The Imprinted Angel" is substantiated. The results of the systematization of the onomastic units of the story are presented. The nomination of the main characters is traced throughout the work, and the anthroponymic means used to name them are revealed. Patterns of the use of initial and derived forms of personal names, patronymics, semi-patronymics, surnames and nicknames are noted. The relationship between the distribution of anthroponyms in the text of the work and its composition is established. The directions of further development of the topic are outlined.

Keywords: anthroponym, anthroponymicon, poetonym, character nomination, personal name, patronymic, semi-patronymic, surname, nickname.

Антропонимы в художественном произведении играют важную роль, способствуя раскрытию образов героев и выполняя в произведении ещё целый ряд функций; при этом выбор антропонимов, как и другие «ономастические предпочтения», отражает особенности идиостиля автора. На это указывают многие исследователи (см., например, работы Г.Ф. Ковалева, С.А. Скуридиной (Коротких) [Ковалёв 2005; Ковалёв 2014]; [Коротких 2004; Скуридина 2018]).

Поэтонимикон произведений Н.С. Лескова не раз привлекал к себе внимание лингвистов и литературоведов [Вязовская 2024]. В работах В.Н. Наседкиной, В.С. Пушкарёвой, Т.П. Слесаревой, О.М. Хмелевой, Ю.Б. Борковской, Н.В. Мудровой рассматривалась и ономастика отдельных произведений писателя – романов «Чёртовы куклы» и «Соборяне», повестей «Очарованный странник», «Гора» и «Леди Макбет Мценского уезда».

Занимались исследователи и повестью «Запечатлённый ангел» (см. [Долженков 2002; Власова 2005; Склёмина 2006]). Однако поэтонимы этого произведения изучались лишь частично (см., напр., [Ковалева 2002]), поэтому исследование этой области является актуальным.

Анализ текста повести «Запечатлённый ангел» [Лесков 1973] показывает, что в произведении использовано достаточно много разнообразных ономастических единиц; при этом состав имён собственных и формы их употребления обусловлены, с одной стороны, содержанием произведения, предполагающим использование элементов церковно-религиозного стиля, а с другой – избранной автором сказовой манерой повествования, которая ориентируется на разговорную речь, язык фольклора, диалекты и просторечие. При этом большинство поэтонимов повести составляют антропонимы – именованья действующих или упоминаемых лиц, реальных или вымышленных. К ним относятся личные имена, отчества и полуотчества, а также фамилии, прозвища и символические именованья.

Рассматривая функционирование антропонимов в повести «Запечатлённый ангел», можно заметить, что они появляются в тексте не сразу. По своему строению произведение представляет собой «рассказ в рассказе». Действие начинается в новогоднюю ночь на затерянном среди степи постоялом дворе, где укрылось от непогоды множество путников разных сословий. Один из них решает поведать о том, как ему являлся ангел. Его повествование составляет основную часть повести. В её финале автор возвращает читателей на постоянный двор, где слушатели рассуждают на тему того, можно ли всё произошедшее в услышанной ими истории объяснить логически.

Такая композиция помогает автору словно «высветить» фигурирующие в ней имена людей. Производится это следующим образом.

Все персонажи «внешнего» рассказа, т.е. путники, ночующие на постоялом дворе, – анонимы, автор именует их обобщённо, главным образом, по внешним признакам: *«Тут очутились в одной куче дворяне, купцы и крестьяне, русские, и мордва, и чувашки»*. Затем с помощью нарицательных имён автор выделяет некоторых из персонажей на основе их обобщённых «функциональных» признаков: *хозяин, извозчики, слушатели, слушатель*. Используется также обозначение *человек*.

Обращает на себя внимание то, что центральные персонажи этой части – два постояльца, разговор между которыми и побудил одного из них рассказать историю об ангеле, – получают более развёрнутые, описательные обозначения. При повторном употреблении эти обозначения сокращаются и трансформируются, в результате чего создаются интересные метонимические номинации, ср.: *проезжий, лежавший под медвежьей шубой на верхней лавке – проезжий из-под медвежьей шубы – шуба – словоохотливая шуба; небольшой рыженький человечек с острою, клином, бородкой – рыженький человечек – рыжачок*. В первой сцене, до начала рассказа об ангеле, других номинаций эти персонажи не имеют. Однако в заключительном эпизоде повести, происходящем снова на постоялом дворе, второй персонаж, который выступил в роли рассказчика, именуется автором теперь только по имени (*Марк*), поскольку имя этого человека уже стало известно слушателям (и читателям) той истории, которую он поведал.

Персонажи с именами появляются только во «внутреннем» рассказе. Большинство из их имён – мужские. Это обусловлено содержанием истории, в которой основные действующие лица – мужики-старообрядцы, участники строительной артели.

По данным словарей ([Петровский 1966; Суперанская 1998]), все личные имена, употреблённые в повести «Запечатлённый ангел», как имена персонажей, так и фоновые, являются либо заимствованными именами, либо их русифицированными вариантами. При этом они происходят (или могут происходить) из древнееврейского, греческого или латинского языков. Все имена так или иначе соответствуют христианской традиции, что обусловлено связью темы и содержания повести со старообрядчеством, православием, иконописным делом.

Для именованья некоторых действующих лиц на протяжении повести применяются разные формы их имени. Наиболее разнообразным является набор контекстуальных соб-

ственно-именных обозначений уже упомянутого рассказчика «святочной истории» – каменщика по профессии и бывшего старообрядца.

Сам он себя называет *Марк Александров*, а его приёмная мать называет его уменьшительным именем *Марочка*. Ср.: «А где же мне, **Марочка**, притулиться?»... Меня зовут **Марк Александров**; но она, по своим материнским чувствам ко мне, **Марочкой** меня звала.

Бывший старообрядец и бывший товарищ Марка по артели Пимен называет его *братом Марком*. Ср.: *Согрешил я, брат Марк, придя с вами в разнобытие по вере.*

Младший товарищ Марка Левонтий называет его уважительно по имени-отчеству, употребляя разговорную форму отчества. Ср.: *Ну родненький, ну батечка, ну Марк Александрыч, государь, не зови меня туда, где едят да пьют и нескладные речи о святыне говорят, а то меня соблазн обдержать может.* В другой раз тот же Левонтий именует его дядей *Марком*, употребляя в обращении церковнославянскую форму звательного падежа. Ср.: *Не тронь меня, дядя Марко; не тронь и сам не бойся.*

Старец-анакорет Памва называет его *Марком*. Ср.: *Полно, Марк, спать, пора дело делать.* В последней части повести, как уже указывалось, рассказчика называет *Марком* автор. Ср.: – *Ну, а это уже самое простое-с, – весело отозвался Марк и рассказал, что они после этого вскоре же нашли эту печать между образом и ризою.*

Разнообразные обозначения в тексте повести получает и младший товарищ Марка Левонтий. Его основное именование – *Левонтий* – встречается и в речи рассказчика, и в диалогах при обращении. Ср.: *... А к исполнению сей решимости избрали меня да молодого паренька Левонтия; Этот Левонтий годами был еще суций отрок...; Что ты, Левонтий, будто чем закручинился?* Употребление в речи рассказчика имени *Левонтий* с определением *мой* придаёт этой в целом довольно официальной форме имени некоторую ласкательную коннотацию; ср.: *...Отворяется дверь, и входит мой Левонтий, про которого я точно совсем позабыл.*

Уменьшительная форма имени – *Лёва* – также употребляется и в повествовании от 3-го лица, и в диалогах; ср.: *Но нам с Лёвой, как мы были простые деревенские богочтителы, все это в той степени непереносно показалось, что мы оба даже заскучали и напал на нас страх; Пойдем, Лёва, назад!; Но всматриваюсь в него и вижу, что Лёва не дышит...; А Памва вышел потихоньку на порог и говорит с радостью: – Улетел наш Лёва!*

Только при обращении к носителю имени употребляется другая, более экспрессивная, деминутивная форма этого антропонима – *Лёвушка*; ср.: *Лёвушка, батюшка, поневоля, авось до ночлежка дойдем.*

Третья деминутивная форма – *Левонтьюшка* – сочетающая в себе и уважительность, и ласкательность, употребляется также только при обращении; ср.: *Пойдем, Левонтьюшка, пойдем, молодчик; Знаешь что, Левонтьюшко: пойдем-ко мы отсюда скорее из Москвы в нижегородские земли...*

По-разному именуется в тексте повести и староста артели иконописцев-строителей Лука. Рассказчик представляет его официально, по имени-полуотчеству, как было принято в среде крестьян. Ср.: *По сиротству моему я сызмальства пошёл со своими земляками в отходные работы и работал в разных местах, но всё при одной артели, у нашего же крестьянина Луки Кирилова. Этот Лука Кирилов жив по сии дни: он у нас самый первый рядчик.* Эта двухчастная форма имени употребляется и в диалоге; ср.: *Что такое с тобою, Лука Кирилов?* На то, что Кирилов не является фамилией, указывает обращение к нему «по отчеству»; ср.: *Кирилыч, – кличет, – Кирилыч! Прокинься, голубчик, скорее, у нас дверь отворена, и какое-с молозиво в избу вскочило...*

Через некоторое время рассказчик начинает перемежать двучленные именования старосты артели одночленными, состоящими только из имени; напр.; *...Ангелово изображение сам Лука на своей груди сохранял; Лука спрашивает: какого ему надо наибольшего?* Форма имени Лука используется и для обозначения его «хозяйки» Михайлицы; ср.: *А Лукина Михайлица даже стала жаловаться, что сама, говорит, я не рада, какая у меня по всем частям полнота пошла.* А рассказчик, воспитанник Луки и Михайлицы, называет его однажды дядей *Лукой*; ср.: *А этой Пименовой*

знакомой барыньки муж, он тут главнее всех был, как крикнет на **дядю Луку**...; ... Я, дед Марой да **дядя Лука**. Эта формула звучит и в обращении к Луке; ср.: **Дядя Лука**, куда ты?

Разными именами называется в рассказе об иконе ещё один довольно часто упоминаемый персонаж – «счётчик **Пимен Иванов**». Чаще всего он именуется двукомпонентным именем с полуотчеством **Пимен Иванов** и однокомпонентным **Пимен**. Ср.: Я вам докладывал, что **Пимен Иванов** был слабый человек и любосластец, а теперь объясню, зачем мы его, однако, в своей артели содержали...; ...Но **Пимен** рад суете, и у него на том берегу в городе завелось самое изобильное знакомство... . В нескольких случаях этот персонаж обозначается сочетанием имени с местоимением *наш*; ср.: И занесло этого **нашего Пимена** к одному немаловажному лицу, у которого была жена из наших мест родом...; Ну любит нас и любит, и всегда как **наш Пимен** за чем к её мужу придет, она его сейчас непременно сажает чай пить... . Знакомая барыня, которую обирал Пимен, в разговоре назвала его уважительно по отчеству: "**Пимен Иванович**, вот вам двадцать рублей на свечи и на масло; велите своим как можно усерднее молиться, чтобы в эту коммандировку моего мужа послали".

В тексте повести «Запечатлённый ангел» встречается большое количество фоновых антропонимов – имён реальных исторических лиц. Упоминаются: израильский царь X в. до н.э. *Давид*, выдающийся русский художник и теоретик искусства *Симон (Пимен) Федорович Ушаков* (1626–1686), русский царь-реформатор *Пётр Первый* (1672–1725) и др. Герои произведения называют в разговорах имена пророков *Аммоса*, *Даниила*, *Иоанна Предтечи (Крестителя)*, языческого бога *Ремфана*, других библейских и мифологических персонажей.

Антропонимы входят в состав и некоторых хремотонимов, встретившихся в повести. В тексте произведения есть название *Строганово дело*. Так обозначено изделие Строгановской школы иконописи, поэтому данное имя собственное следует отнести к названиям икон. Однако входящее в состав этого онима определение *Строганово* отсылает к названию известной в России Строгановской школы иконописи, связанной с династией купцов Строгановых. Поэтому можно считать, что поэтоним *Строганово дело* оказывается построенным по принципу словообразовательной «матрёшки», в основе которой лежит фамильный антропоним, подвергшийся двойной трансонимизации. От антропонимов происходят и обозначения *ушаковское писание* (т.е. манера письма художника Пимена Ушакова), *рублёвское писание* (т.е. манера письма художника Андрея Рублёва), *грозновская купель* (купель, изготовленная во времена правления Ивана Грозного), которые в речи иконописцев используются как термины-профессионализмы.

Кроме названий икон, в повести встретились и названия других предметов религиозного культа, образованные на основе антропонимов: *Аристотелевы (Аристотелевы) врата* (сборник неканонических текстов, запрещенный на Руси в 1551 г. как еретический) – от *Аристотель*; *Иосифов плач* (духовный стих) – от *Иосиф*.

Антропонимы участвуют в образовании и некоторых встретившихся в повести фестионимов (обозначений народных и церковных праздников). Напр.: *Васильев вечер/ Васильева ночь* – День святого Василия, 1 января. Ср.: Дело было о святках, накануне **Васильева вечера; Васильева ночь** прошла.

Проведённый нами анализ антропонимического материала повести Н.С. Лескова «Запечатлённый ангел» показал следующее.

1. Антропонимикон произведения включает самые разные ономастические единицы: личные имена, отчества, полуотчества, фамилии, прозвища, символические именованья.
2. Фамилии и прозвища употребляются только при именовании фоновых персонажей.
3. Действующие лица повести обозначаются главным образом с помощью личных имён в нейтральной или деминутивной форме, а также личными именами в сочетании с полуотчествами и, реже, отчествами. Это можно объяснить тем, что герои повести – люди, объединённые товарищескими и родственными связями, а также принадлежностью к одной конфессии.
4. Персонажи повести имеют разный в количественном и качественном отношении «набор» индивидуальных антропонимических именованний.

5. Распределение антропонимов в тексте повести обусловлено не только развитием сюжетной линии, но и композицией произведения.

В данной статье были отмечены лишь некоторые особенности антропонимов повести Н.С. Лескова «Запечатлённый ангел». Дальнейшая разработка этого материала видится в более подробном и разностороннем анализе антропонимов и всех поэтонимов повести, а также в сопоставительном изучении произведений Н.С. Лескова в ономастическом аспекте.

Библиографический список

1. Власова А.В. Поиск истинной веры в повести Н.С. Лескова «Запечатлённый ангел»// Вестник УлГТУ. 2005. № 3. С. 6–7.
2. Вязовская В.В. Воззрения Н.С. Лескова на имя (ономастический комментарий)// Известия южного федерального университета. Филологические науки. 2024. № 28. С. 83–94.
3. Долженков П.Н. «Запечатлённый ангел» Н.С. Лескова: «Очеловеченное евангелие»// Филологические науки. 2002. № 2. С. 233–260.
4. Ковалёв Г.Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях// Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Новая книга, 2014. С. 3–27.
5. Ковалев Г.Ф. Ономастическое комментирование на уроках русской словесности: учеб. пособие для учителя рус. яз. и лит. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005 (Воронеж: Тип. ИП Алейникова). 214 с.
6. Ковалева Ю.Н. Онимы как средство формирования концепта «путь» в повести Н.С. Лескова «Запечатлённый ангел»// Ономастика Поволжья: Тез. докл. IX международной конференции. Волгоград, 2002. С. 70–72.
7. Коротких С.А. Ономастика романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Воронеж: ВГУ, 2004. 199 с.
8. Лесков Н.С. Запечатлённый ангел// Лесков Н.С. Повести. Рассказы/ Сост. Л. Крупчанов. М.: Худож. лит., 1973. С. 127–180 (Библиотека всемирной литературы. Серия вторая: Литература XIX в. Том 92).
9. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен: Ок. 2600 имен. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 384 с.
10. Склёмина С.М. Экфрасис в повести Н. Лескова «Запечатлённый ангел»// Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2006. № 17 (72). С. 205–207.
11. Скуридина С.А. Об ономастических предпочтениях в «Бедных людях» Ф.М. Достоевского// Русская речь. 2018. № 5. С. 84–90.
12. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. Москва; Назрань: АСТ, 1998. 521 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ/ INFORMATION ABOUT THE AUTORS

Правда Елена Александровна,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры славянской филологии
Воронежского государственного
университета,
SPIN-код: 3889-7291,
e-mail: epravda@yandex.ru

Pravda Elena Aleksandrovna,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Slavic Philology
Voronezh State University,
SPIN-code: 3889-7291,
e-mail: epravda@yandex.ru

УДК 81.373.232

Цзюаньцзюань Го

*Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
(Тамбов, Российская Федерация)
e-mail: gjuanjuan@mail.ru*

«ДЕРЖАВИН – ДЕРЖАВА»: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ДЕРЖАВНОСТИ В ПОЭЗИИ ГАВРИИЛА ДЕРЖАВИНА

Рассматриваются антропоним *Державин*, существительное «держава» и производное от него слово «державность», словообразовательный анализ которых показывает, что они восходят к единому мотивированному корню «держ-» в значении «держать, владеть, защищать» и традиционно формируют концептуальное пространство русского менталитета. Исследование фокусируется на словообразовательных связях этих лексем, подчёркивая их роль в традиционном русском мировоззрении. Корень "держ-" объединяет ключевые общерусские лексемы русского языка, подчеркивая роль силы и защиты в традиционном мировоззрении. Это усиливает понимание культурных основ русского менталитета и может служить основой для дальнейших исследований семантических полей патриотизма. Установлено, что Г.Р. Державин, как поэт и мыслитель, как государственный деятель, воплощает идею державы через свою поэзию, где государство предстает не просто властью, а органической формой народного духа. Его творчество раскрывает концептуальные основы государственности как синтеза патриотизма и просвещения. Характеризуются тамбовские онимы-омонимы, восходящие к антропониму Державин, – ойкодомоним, эргонимы, урбаноним, монументоним, формирующие ориентиры русской ментальности в ономастическом пространстве современного города Тамбова, отражая ценности и культурную информацию эпохи Державина, связь человека с городским пространством и консолидацию народной памяти вокруг понятий «держава» и «державность».

Ключевые слова: русский менталитет, Г.Р. Державин, державность, держава.

Juanjuan Guo

*Tambov State University named after G.R. Derzhavina
(Tambov, Russian Federation)
e-mail: gjuanjuan@mail.ru*

«DERZHAVIN – POWER»: CONCEPTUAL FOUNDATIONS SOVEREIGNTY IN THE POETRY OF GAVRIIL DERZHAVIN

The anthroponym Derzhavin, the noun «power» and the word derivative from it «power» are considered, the word-formation analysis of which shows that they go back to a single motivated root «power-» in the meaning «to hold, possess, protect» and traditionally form the conceptual space of the Russian mentality. The study focuses on the word-formation connections of these lexemes, emphasizing their role in the traditional Russian worldview. The root "derzh-" unites key all-Russian lexemes of the Russian language, emphasizing the role of force and defense in the traditional worldview. This strengthens the understanding of the cultural foundations of the Russian mentality and can serve as the basis for further research into the semantic fields of patriotism. It was established that G.R. Derzhavin, as a poet and thinker, as a statesman, embodies the idea of power through his poetry, where the state appears not just as power, but as an organic form of the people's spirit. His work reveals the conceptual foundations of statehood as a synthesis of patriotism and enlightenment. Tambov onim-homonyms are characterized, going back to the anthroponym Derzhavin, – oikodomonim, ergonyms, urbanonym, monumentonym, forming guidelines of the Russian mentality in the onomastic space of the modern city of Tambov, reflecting the values and cultural information of the Derzhavin era, the connection of man with urban space and the consolidation of people's memory around concepts «power» and «sovereignty».

Key words: Russian mentality, G.R. Derzhavin, sovereignty, power.

Ученые Воронежской ономастической школы выделяют целый ряд принципов лингвокраеведческих исследований, которые способствуют выявлению региональной специфики языковых единиц [Верховых 2025]. Принципы изучения городского ономастикона (совокуп-

ности онимов в городской среде) основаны на междисциплинарном подходе, интегрирующем лингвистику (ономастику и семантику), историю (этимологию и диахронический анализ), литературу (язык художественных произведений поэтов и писателей) и культурологию.

В ономастическом пространстве города Тамбова активно функционируют омонимичные единицы со словом «Державин», которые несут краеведческую ценность и способствуют формированию уникального образа регионального города Тамбова.

Ср.:

АНТРОПОНИМ Державин

Русский поэт Г.Р. Державин был назначен императрицей Екатериной II губернатором Тамбовской губернии, после семи лет её образования. Губернаторство Державина длилось недолго: с марта 1786 года до конца декабря 1788 года (18 декабря императрица подписала указ об отстранении Державина от должности). Но это время ознаменовалось в жизни тамбовчан многими новообразованиями, в частности, была создана типография, где стала издаваться первая в России губернская газета «Тамбовские известия».

В этой губернской типографии были напечатаны произведения поэта: стихотворение «Желание зимы», оды «Осень в Зубриловке» (первоначальное название оды «Осень во время осады Очакова»), ода «На смерть Графини Румянцевой», которые в дальнейшем вошли в золотой фонд русской поэзии, драма «Пролог», написанная на открытие в Тамбове первого народного училища и постоянного театра в Тамбове, а также речь для первого тамбовского литератора Захарьина. В книге «Жизнь Державина» Я. Грота сказано, что автором речи, произнесённой Захарьиным, был губернатор Г.Р. Державин. В этой речи подчёркивалась тема государственной службы и достоинств человека в контексте светского и морального долга.

ОЙКОДОМОНИМ (дом Державина)

Одноэтажный деревянный дом в Тамбове на берегу реки Цны, в котором проживал знаменитый государственный деятель и поэт Гавриила Романович Державин, в середине XIX в. был разобран. На главной Соборной площади города по типовому плану был возведён новый каменный губернаторский дом. Однако и он был разрушен в первой половине XX века. На месте бывшей усадьбы было построено здание Александровского института благородных девиц (ныне здесь находится один из корпусов Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина).

В настоящее время в формате 3D можно совершить виртуальное путешествие по дому Державина: посмотреть интерьер дома и увидеть его внешний облик (http://3d.tsutmb.ru/tours/governor_house/intro.htm).

ЭРГОНИМЫ (Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, гостиница «Державинская»)

В 1994 г. на базе Тамбовского государственного педагогического института и Тамбовского филиала Московского государственного института культуры был создан Тамбовский государственный университет, которому 6 марта 1995 года было присвоено имя Г.Р. Державина. В сентябре 2004 г. гостиница «Толна», названная в честь венгерского города-побратима Толна, была переименована в Державинскую.

УРБАНОНИМ (улица Державинская)

Меморативный урбаноним как название, «данное в память о человеке, событии, месте, реке, организации» (по Н.В. Подольской) способствует воплощению в городской топонимии региональной, т.е. локальной, идентичности. В 1916 г. улица Бибилова в центре Тамбова была переименована в улицу Державинская. Это одна из самых благоустроенных и красивых улиц областного центра в наши дни.

В городах России урбанонимы, восходящие к антропониму Державин, представлены в форме адъективного урбанонима (от антропонима образуется относительное прилагательное – Державинская улица) и формой генитивного урбанонима (антропонимом Державин исполь-

зуется в форме родительного падежа – улица Державина). Последний вид урбанонимов значительно уступает адъективным номинациям.

МОНУМЕНТОНИМ (памятник Державину)

В 1994 г. в Тамбове был установлен памятник Г.Р. Державину, который символизирует связь города с эпохой Просвещения и личностью тамбовского губернатора, олицетворяющего государственную службу и просвещение Тамбовского края, что помогает горожанам и гостям увидеть ощутимую связь между прошлым и настоящим.

Такие виды онимов, восходящие к антропониму *Державин*, как *ойкодомоним*, *эргоним*, *урбаноним*, *монументоним* – это онимы, восходящие к антропониму Державин, в целом формируют ориентиры русской ментальности, отражая ценности и культурную информацию эпохи Державина и связь человека с городским пространством.

В этом случае следует обратить внимание на тот факт, что антропоним Державин является собой художественный пример интеграции личности и национальной идентичности.

Г.Р. Державин выступал не только как мастер поэтических строк, но и как политический и культурный деятель, чьи творческие идеи отражали достоинства российского народа в конце XVIII – начале XIX века. Это позволяет рассматривать его фигуру как точку пересечения индивидуальной самоидентичности и общего национального контекста.

О происхождении своей фамилии поэт Г.Р. Державин пишет в стихотворении «Привратнику» (1808 г.), когда узнаёт, что у него есть однофамилец священник И.С. Державин, которого он описывает в противопоставлении к себе:

«Но тот Державин – поп, не я», «Он в рясе длинной и широкой», «Он пел молебны, панихиды», «Он пастырь, чад отец духовный», «его дед поп», «Но гербом не Державин он», «Участь в российском институте, Сие я имя заслужил».

О себе поэт гордо заявляет, что «Державин род с потопа влекся» и подчеркивает свой род, ведущий своё происхождение от татарского мурзы (см. подробно: [Щербак 2023]).

Как известно, во время эпохи Просвещения в России происходило создание искусственных фамилий у семинаристов по различным основаниям, включая защиту семейного положения, подчёркнутую идентификацию со школой религиозной мысли и др., возможно, с опорой и на общерусское слово «держава».

В Словаре В.И. Даля приводится существительное «держава» в значении «крепость, сила, прочность, твёрдая связь, надёжность в скрепе»; «владычество, могущество»; «земля, государство, самостоятельное владение, народ и правительство его». Следовательно, нарицательное существительное «держава», синонимичное словам «владыка», «повелитель», «властелин», «знатный человек», «сила» поэт возводил к значению нарицательного существительного «держава», ср.: «Державу с митрой различай («Привратнику»). В этом примере фамилия предстает не просто именем, а метафорой «державы», усиливая образ поэта как патриота.

Одно из значений русского слова «держава» послужило основой прозвища, ставшего впоследствии фамилией поэта. Общерусское слово «держава» отражает «сохранившуюся, самодостаточную микросистему в общей системе русского языка» [Щербак 2012: 247] в рамках языковой общности и в контексте русской историко-культурной традиции именования человека. «Прозвища с точки зрения их мотивации и прикрепленности к определённым апелляциям» [Межуева 2010: 152] свидетельствуют о том, что мотивированность прозвищ и их прикрепленность к определённым апелляциям отражает один из самых распространённых способов образования русских фамилий, что прозвища формируются мотивированно и системно, а не произвольно.

Фамилия Державина ассоциируется со словом «держава» – символом государственной мощи и суверенитета. Эта связь проявляется в его одах, где поэт возвышает роль личности в укреплении империи.

Таким образом, Г.Р. Державин как государственный деятель (он был первым министром юстиции России) внес существенный вклад в развитие российской государственности в конце XVIII – начале XIX вв. Поэт писал о себе в стихотворении «Признание»:

«Не умел я притворяться,
На святого походить,
Важным саном надуваться
И философа брать вид»

Г.Р. Державин как русский поэт отразил дух патриотизма через образ любви к родине и активного служения ей. Его поэтические строки соединяют идеалы государственной верности, гражданской ответственности и готовность участвовать в судьбе страны. Вспомним знаменитые строки из оды «Фелица»: «Отечества и дым нам сладок и приятен».

Патриотизм поэта воплощается через прославление воинских подвигов и служение общему благу государства. Возвеличивая «Мощь росса», Державин использовал слово «Росс» как обобщающий символ русского воина, наделенного «богатырской» силой и духовностью, например, описание полководца А.В. Суворова в оде «На взятие Измаила»:

«Росс есть образ славы,
«Росс есть твердокаменная грудь»,
«Росс есть исполин».

Таким образом, корень «держ-» в словах *держава* и *державность* и антропониме Державин сохраняет идею автономии государства, придавая изначальному прозвищному имени Держава индивидуальный характер, связанный с темой силы и могущества. Если понятие «держава» понимается в творчестве Г.Р. Державина как государство, государственную власть в целом, что относится к основному значению слова в его историческом употреблении, то понятие «державность» отражает состояние принадлежности к державе, принципы государственной организации общества и гражданскую солидарность: служение своему народу и ответственность перед своим народом. Эти два понятия можно рассматривать как связанные между собой, но не тождественные.

Из сказанного следует, что в поэзии Гавриила Державина концептуальные основы государственности представляют собой идеи равенства перед законом, где правитель выступает как «земной бог». Поэт позиционирует себя стражем справедливости, обличая злоупотребления властью и напоминая правителям об их долге охранять законы без пристрастия, что отражено в содержании оды «Властителям и судиям», где Державин провозглашает универсальность закона для каждого как высший критерий.

Идеи Г.Р. Державина в современном осмыслении следует понимать как основу для образовательных программ по государственности и гражданскому воспитанию, содержащих элемент моральной ответственности любого гражданина, поскольку поэзия Державина служит свидетельством укрепления народной памяти вокруг понятий «держава» и «державность», что нашло отражение в тамбовском ономастическом пространстве.

Библиографический список

1. Верховых Л.Н. Основные принципы лингвокраеведческих исследований // Ономастический вестник. 2025. № 1. С. 48-55.
2. Межуева О.В., Щербак А.С. Региональные прозвища: вторичная номинация // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 10 (90). С. 150-154.
3. Щербак А.С. Общерусское слово в аспекте теории репрезентации региональной концептосферы онимов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 4 (108). С. 246-251.

4. Щербак А.С. Перифраза «татарский мурза» и антропоним Державин // Имя в пространстве культуры: коллектив. монография к 80-летию профессора Г.Ф. Ковалева. Воронеж: АО «Воронежская областная типография». 2023. С. 331-338.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Го Цзюаньцзюань,

ведущий специалист департамента
международных связей, ассистент
кафедры зарубежной филологии и
прикладной лингвистики факультета
истории, политологии и филологии
Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина
e-mail: gjuanjuan@mail.ru

Guo Juanjuan,

leading specialist of the department
international Relations, Assistant
department of Foreign Philology and
applied Linguistics Faculty
history, political science and philology
Tambov State University
named after G.R. Derzhavina
e-mail: gjuanjuan@mail.ru

УДК 811.512.157

Е.Р. Николаев

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
(Якутск, Российская Федерация)
e-mail: 1953307@mail.ru*

ЗООНИМЫ В «СЛОВАРЕ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА» Э.К. ПЕКАРСКОГО

Статья посвящена изучению зоонимов (кличек животных), представленных в трёхтомном «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского. Данный пласт онимов остаётся слабо изученным, что определяет научную новизну и актуальность работы. Основная цель – выявление и классификация зоонимов по материалам словаря Э.К. Пекарского. Методология включает сплошную выборку единиц с пометами, указывающими на клички животных, их классификацию по виду животного (кони, быки, собаки, олени, мифические существа и др.) и по семиотическому статусу (бытовой, эпический/сказочный, мифологический). Применялись как семантический метод, так и элементы мотивационного анализа. В результате исследования установлено, что семантика зоонимов основана на внешних признаках (*Сирэбэс* ‘с порванными ушами’), характере, предназначении животного или связи с мифологическим контекстом (*Өлүү луо балыга* ‘рыба гибели’). Структура варьируется от простых основ до сложных описательных формул, характерных для мифонимов. Отмечены случаи лексических заимствований из русского языка и звукоподражательные основы. Результаты исследования вносят вклад в развитие якутской ономастики. Они могут быть использованы при составлении словарей, в исследованиях по языковой картине мира, эпической традиции. Проведённый анализ показывает, что система якутских зоонимов выполняет не только идентификационную, но и классифицирующую функцию, отражая фундаментальное противопоставление повседневного и мифологического миров. Зоомифонимы, являясь важной частью эпического дискурса, семантически связаны с областью смерти и судьбы. Исследование подтвердило ценность лексикографических источников для реконструкции зоонимической системы и мировоззренческих представлений якутов.

Ключевые слова: зооним, мифоним, якутский ономастикон, клички животных, Словарь Э.К. Пекарского

E.R. Nikolaev

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russian Federation)
e-mail: 1953307@mail.ru*

ZOONYMS IN «THE DICTIONARY OF THE YAKUT LANGUAGE» BY E.K. PEKARSKY

The article is devoted to the study of zoonyms (animal names) presented in the three-volume Dictionary of the Yakut Language by E.K. Pekarsky. This layer of onyms remains poorly studied, which determines the scientific novelty and relevance of the work. The main goal is to identify and classify zoonyms based on the materials of E.K. Pekarsky's dictionary. The methodology includes a continuous sample of units with labels indicating the names of animals, their classification by animal species (horses, bulls, dogs, deer, mythical creatures, etc.), and by semiotic status (domestic, epic/fairy-tale, mythological). The study used both the semantic method and elements of motivational analysis. The study has shown that the semantics of zoonyms is based on external features (*Sirehhes* ‘with torn ears’), the animal's character, purpose, or connection to a mythological context (*Oluu luobalyga* ‘the fish of destruction’). The structure varies from simple stems to complex descriptive formulas characteristic of mythonyms.

Keywords: zoonym, mythonym, Yakut onomasticon, animal names, Dictionary by E.K. Pekarsky

Антропонимический корпус якутского языка включает не только эпические имена (имена персонажей эпоса олонхо) и личные имена (дохристианские и современные), но и зоонимы (под зоонимами понимаются собственные имена (клички) домашних и других живот-

ных [Подольская 1988, с. 58]). Однако, за исключением единичных работ, этот разряд онимов остается практически не изученным. На данный момент к числу немногочисленных публикаций по этой теме относятся работы Н.И. Филипповой [Филиппова 2000], А.Е. Захаровой о мифических животных в контексте эпических образов [Захарова 2004], а также изданный справочник 1500 кличек на якутском языке [Борисов 2022]. Между тем, обширный корпус зоонимов различных разрядов – имен мифических животных (коней, быков, птиц, рыб и т. п.) – содержится не только в эпических текстах, но и в лексикографических источниках. Так, по нашим подсчетам, «Словарь якутского языка» Э.К. Пекарского включает более 70 зоонимов. Мы полагаем, что значительная часть этих имен была извлечена лексикографом в ходе работы над образцами якутского фольклора, опубликованными в 1907–1911 гг., например: [Образцы народной литературы якутов 1909; Образцы народной литературы якутов 1911]. При этом зоонимический пласт словаря, в отличие от антропонимического [Николаев 2000], подробному анализу не подвергался. Таким образом, первичная цель настоящей статьи – классификация зоонимов на материале трехтомного «Словаря якутского языка» Э.К. Пекарского [Пекарский 1959]. Для достижения цели была произведена выборка зоонимов (кличек собак, коней, быков, коров, мифологических животных). Извлеченные зоонимы были систематизированы по виду животных, а также по их статусу – мифологический, сказочный (эпический), бытовой.

В самом Словаре все зоонимы имеют пометы в скобках, например: *Бар Дьабыл* (имя коня в сказке), *Сахачыалка* (скакун), *Бар өксөкү* (огромная сказочная птица, орел-беркут), *Тойтуун* (бесхвостая корова) и т. д., в которых прослеживается не только внешнее описание животного, но и его статус – сказочный, мифологический и т. п. Стоит отметить, что категория «эпические» – современное обозначение жанра эпоса олонхо. В дореволюционных трудах олонхо определяется как «сказка», поэтому в Словаре такие примеры как «*Бар Дьабыл* (имя коня в сказке)» нужно понимать как «имя эпического коня» или «имя богатырского коня». В скобках у некоторых зоонимов даются в том виде, как они даны в источнике. Основные особенности представлены в названиях подгрупп. К большинству зоонимов даны наши уточнения исходя из семантики производящих основ.

1. Клички коней: *Атыыр Чубукуй* – от *атыыр* ‘самец’, и, вероятно, от *чубуку* ‘снежный баран’, *Кутунгай Боронг* (имя легендарного коня, на котором никто не усидеть не мог, так как «сбрасывало ветром полета») – от глаг. *кутугунай-* ‘работать старательно и с большой сердечной охотой’, *Күөкэ* (имя иноходца, принадлежавшего родоначальнику Намского улуса Чорбоху, современнику русского присшествия), *Ороспоойдуур* – от рус. *разбой*, *разбойник* в значении ‘озорник; проказник’, *Күөкэ* (легкий; иноходец) – от глаг. *күөкэй* ‘изящно, грациозно держать вытянутую тонкую шею’, *Кэбэ кыыл саппахтаах сабыдал арабас* – от *кэбэ* ‘кукушка’, *кыыл* ‘зверь’, *саппах* ‘покрытый’, *сабыдал* ‘то, что висит над чем-л. как покров’, *арабас* ‘желтый’, *Намылба сиэл* (кличка, данная в старину одному долгогривому жеребцу) – от *намылый* ‘свешиваться, спадать, нависать’, *сиэл* ‘грива’, *Сахачыалка (скакун)* – исходное слово выяснить не удалось, *Сирэбэс* (с порванными ушами: кличка бегунца, бывшего причиной кровавой распри между двумя родами Намского улуса), *Оройко* – от *орой* ‘озорник, сорванец’, *Орулаанкы* – от *орулаа-* ‘хрипло реветь, мычать’, *Табыры тугуй ат* – от *тамыр* ~ *табыр* ‘с «недокрытым», «укороченным» шагом (когда задняя нога не достигает следа передней)’, от *тунгуй* ~ *тугуй* ‘совсем юный, невинно-чистый’, *ат* ‘конь’, *Тимир Ыйылах* – от *тимир* ‘железный’, *ыйылаа-* ‘издавать похожий на вой звук, выть, завывать’, *Тойомсук* – властный, властолюбивый, *Угалдьылаах уһун улаан* – *угалдьы* ‘хитрый, замысловатый’, *уһун* ‘высокий, длинный’, *улаан* ‘чалый’, *Үнкүү Битик* – от *үнкүү* ‘танец; танцующий’, *бити* ‘энергичная пляска на одном месте’, *Үтүлүк Мохчой* – от *үтүлүк* ‘рукавицы; варежки’, *мохчой* ‘быть или казаться сгорбленным при маленьком росте, с очень короткой шеей’, *Халлаан Халбас Хангыла* – *халлаан* ‘небо’, *халбас* ‘увертливый’, *хангыл* ‘дикий; буйный’, *Чөрбөлдүйэ* – от *чөрбөй-* ‘прислушивающийся’, *Чөрөлүйэ* (имя коня скакуна) – от *чөрөй* ‘встать

торчком (напр., об ушах животных)', *Ыстыйбан* (имя жеребца) – исходное слово выяснить не удалось.

Эпические, богатырские (сказочные) кони: *Айдаарыкы Сизэр* – от *айдаар* 'шуметь', *сизэр* 'саврасый', *Бар Дьабыл* – от фолькл. *бар* 'орел', *дьабыл* 'имеющий большое пятно (обычно темного цвета) на лопатках или на шее', *Дьабын Тугуй* – возможно, от *дьабын* 'по верованию древних якутов, место пребывания злых духов, загробный мир, куда отправляются души умерших шаманов', от *тунгуй* ~ *тугуй* 'совсем юный, невинно-чистый', *Дугул-хара* – от *дугуй* 'ходить легкой походкой; ходить, как бы едва касаясь земли кончиками пальцев, носочками', *Дуллуук манган* – возможно, от *туллу* 'пуночка', *манган* 'белый', *Тыллах-өстөөх дуллуук* – говорливый как пуночка (?), *Дэгэллээн-элэмэс* – от *дэгэй* 'двигаться, идти, бежать, легко ступая, словно едва касаясь земли', *элэмэс* 'пегий (о масти оленей, лошадей)', *Көдьүгэ Көбөрчөр* – *көдьүгэ* 'луч', *көбөрчөр* 'сивый', *Курабаччы сүүрүк* – от *курабаччы* 'большой веретенник', *сүүрүк* 'скакун', *Орой хара* – *орой* 'озорник; проказник', *хара* 'черный', *Очугур Чуобур* – *очугур* – исходное слово выяснить не удалось, *чуобур* 'пестрый, чубарый', *Очулун чуобур* – *очулун* – исходное слово выяснить не удалось, *чуобур* 'пестрый, чубарый', *Хаан Дьаралы*, *Халлаан Дьаргыстай* – *халлаан* 'небо; небесный', *Хаан Дьарылык* – *хаан* 'кровь; красный', *дьарылык* – исходное слово выяснить не удалось.

2. Клички быков, коров: *Астаатак* (кличка, данная плохому быку, приобретенному взамен проданного быка – последней лучшей скотины; от рус. *остаток*), *Бабарахтыыр* – от *бабарах* 'низкий и широкогорлый глиняный горшок для варки молока', *Дьоростон* (кличка, данная бычку, у которого длинные ноги; от глаг. *дьорой* – иметь прямой стан, становиться стройным), *Мородукаан* (кличка коровы с головою масти утки *мороду* 'клоктун'), *Мугурууһа* (комолая корова) – от прилаг. *мунгур* 'лишенный верхушки, обрубленный; срезанный, укороченный', *Суораттыыр* (беломордая корова) – от сущ. *суорат* 'кисломолочный продукт, получаемый путём заквашивания кипячёного молока', *Тойтуун* (бесхвостая корова) – от образ. глаг. *тойтой* – 'быть, казаться очень маленьким и полным', *Хаанпайа* (чернушка) – от произнесения с оттенком умиления *хап-хара* 'очень черный', *Эриэгийэ* (пеструшка) – от *эриэн* 'пестрый'.

Сказочные, мифические быки: *Бухар дьолюо* – *бухар* – слово выяснить не удалось, *дьолюо* 'благо, счастье; удача, фарт', *Доодонсо* – от образ. глаг. *доодой* – 'двигаться, идти медленными шагами', *Тойон Тойболуун атыыр обус* (Господин Коротконогий бык; имя быка; ему покровительствует Боһол тойон), *Өлүү луо бэһирик обус* (имя упряжного быка у абаасы-богатыря).

3. Имена мифических существ:

Мифические звери: *Лиэбэ=Диэбэ* (название страшного зверя, сродни зверю Адам), *Өлүү мэт тугуй кыыл* (мифический зверь).

Мифические рыбы: *Өлүү луо балыга* (рыба гибели: дух-рыба, подчиненный духу Арсан Дуолай Буор Маҕалай) – от сущ. *өлүү* 'смерть', *луо* 'громадный, могучий (большей частью о мифологических животных)', *балык* 'рыба', *Өлүү тимир дьырибинэ балык* (гибель-железо-пестрая рыба) – от сущ. *өлүү* 'смерть', прилаг. *тимир* 'железный', прилаг. *дьырибинэ* 'пестрый; рябой; переливающийся цветами радуги', *балык* 'рыба'.

Мифические орлы: *Ала бүлгүн кыыл* (морской орел) – прилаг. *ала* 'пегий; полосатый', *бүлгүн* плечевое соединение, *кыыл* 'зверь', *Алтан Сабара обургу* (гигантский орел) – прилаг. *алтан* 'медный; золотой', *сабара* от сущ. *сабарай* 'лапа птицы', *обургу* 'большой, значительный', *Бар кыыл / Бар өксөкү* (огромная сказочная птица, орел-беркут), *Икки хос мэйшилээх барылыыр бар Өксөкү кыыл* (двухголовый орел-беркут).

Птицы-духи: *Сараһын Түптэ Буурай* (имя птицы-духа Араат-моря) – от сущ. *сараһын* 'человек, в которого волею высших духов вселился бес, нечистая сила, оборотень', прилаг. *түптэ* 'неуловимый', прилаг. *буурай* 'бурый', *Сар кыыл* (Жар-птица) – от *сарт* 'канюк, сарыч', *кыыл* 'зверь'.

4. Клички собак: *Номуоска=Намыаска, Ороспоойдуур* – от рус. *разбой, разбойник, Уоралык* (кличка сердитой собаки) – от прилаг. *уордаах* ‘свирепый, грозный в гневе’, *Хабарбас* (кличка собаки; издающий звук *хап*, тараторящий, трещащий), *Обото* (кличка щенка) – от сущ. *обо* ‘ребенок’.

5. Имена/клички прочих животных:

кобылы: *Күн Көлбөрө биэ* – букв. Солнечная кобыла, *Күн Күлбэри* – букв. Солнечная кобыла (*күн* ‘солнце’), *Ый Ыналы биэ* – букв. Луноподобная кобыла (*ынай* – с большим животом).

свиньи: *Моддъорооску* – от образ. глаг. *мордой* ‘с силой втягивать щёки и выпячивать губы’.

олени: *Бараанкы Сүүрүк* (имя оленя, служащего лошадей для духа-хозяина леса) – от прилаг. *борунгуй ~ барынгый* ‘ни белый, ни черный, темноватый, мутный (о цвете)’, прилаг. *сүүрүк* – скакун.

верблюды: *Мөрбөлүүт кыыл* – от рус. *верблюд*, *Хоро тэбиэн* – от фолькл. *хоро* ‘монголоязычный; монгольский’, *тэбиэн* ‘верблюд’.

Следует отметить, что данная классификация весьма условна, так как пометы не всегда могут подсказать, имя какого животного зафиксировано – мифического, сказочного животного или обычного животного.

На основе представленного материала можно сделать следующие выводы:

1. семантика кличек основана на нескольких ключевых признаках: внешний вид (масть, размер, особенности сложения, например, *Сирэбэс* – с порванными ушами, *Дьоростон* – стройный), характер и поведение (*Угалдылаах* – хитрый конь, *Уоралык* – злая собака), предназначение или качество (*Сахачыалка, Күөкэ* – кони-скакуны), а также принадлежность к чему-либо, например, миру духов (*Күн Көлбөрө биэ, Бараанкы Сүүрүк*);
2. отдельный пласт составляют зооимены (*Икки хос мэйишлээх барылыыр бар Өксөкү кыыл, Өлүү луо балыга*), которые являются персонажами якутского эпоса олонхо. В контексте олонхо они относятся к темному миру – Нижнему миру, тем самым семантически они ассоциируются со понятием смерти или неотвратимой судьбы;
3. структура имен варьируется от простых одноосновных слов (*Күөкэ, Тойтуун*) до сложных составных имен, которые могут представлять собой двухкомпонентные сочетания (*Кутунгай Боронг, Алтан Сабара*) или развернутые описательные формулы-характеристики (*Икки хос мэйишлээх барылыыр бар Өксөкү кыыл*). Видно, что мифологические онимы по составу сложнее, чем бытовые зоонимы, и это отличие говорит об употреблении того или иного зоонима в фольклорных текстах или в бытовом дискурсе;
4. примечательно наличие лексических заимствований (*Астаатак* от русс. «остаток») и звукоподражательных основ (*Хабарбас* – трещащий);
5. важным признаком является контекстуальность происхождения многих кличек, где имя рождается из конкретной бытовой ситуации или при помощи метафоризации, по сходству внешнего облика животного с каким-нибудь предметом (*Баҕарахтыыр* – «похожий на плоский или низкий глиняный горшок»).

В целом, вся система именования зоонимов служит не только для идентификации, но и выполняет классифицирующую функцию, разделяя мир на повседневный (реальные клички) и мифологический, эпический (имена животных-духов и богатырских коней). Словарь Э.К. Пекарского представляет собой ценный ресурс для ономастического анализа и представления картины мира якутов. В перспективе: семантико-мотивационная реконструкция других разрядов онимов, зафиксированных в Словаре.

Библиографический список

- 1.Борисов Ю.П. Как зовут тебя, дружок? Якутск: ИД «ИЛГЭ», 2022. 122 с.
- 2.Захарова А.Е. Архаическая ритуально-обрядовая символика народа саха (по материалам олонхо). Новосибирск: Наука, 2004. 309 с.
- 3.Николаев Е.Р. Личные имена саха в лингвокультурологическом контексте. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2020. 215 с.
- 4.Образцы народной литературы якутов. Вып. 3 / собр. Э.К. Пекарским. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1909. С. 195–280.
- 5.Образцы народной литературы якутов. Т. 1, вып. 5, ч. 1 / собр. Э.К. Пекарским. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1911. С. 401–475.
- 6.Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 3 т. 2-е изд. Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. I. 1278 стлб.; Т. II. 2010 стлб.; Т. III. 3858 стлб.
- 7.Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 187 с.
- 8.Филиппова Н.И. Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: структура и семантика: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Якутск: Изд-во ЯГУ, 2000. 21 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Николаев Егор Револьевич,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник отдела
якутского языка Института гуманитарных
исследований и проблем малочисленных
народов Севера СО РАН
SPIN-код: 3197-9061
e-mail: 1953307@mail.ru

Nikolaev Egor Revolievich,
cand. Sci. (Philology),
senior research fellow, Institute for Humanities
Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy
of Sciences
SPIN-код: 3197-9061
e-mail: 1953307@mail.ru

УДК 811.373.2

М.А. Денисова

*Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: deni-mar@list.ru*

БИБЛИОНИМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.С. ДАШЕВСКОЙ

Исследование посвящено одному из компонентов художественного текста – библионию и его рассмотрению на материале библионимического пространства в творчестве Н.С. Дашевской, современного прозаика, пишущего для детской и подростковой аудитории, чьи произведения не раз становились победителями известных литературных конкурсов, среди которых «Книгуру» (2013, 2014, 2015), Литературная премия имени С.Я. Маршака (2018) и другие. Актуальность настоящего исследования обусловлена недостаточной изученностью творчества Н.С. Дашевской и, в частности, её подходом к выбору библионимов. В работе использованы методы описательный, сравнительно-сопоставительный, структурно-семантический, контент-анализа. Рассмотрены семантические группы библионимов, выделены наиболее частотные, связанные с особенностями художественного мира автора и тематикой её произведений. Так, выявлена и проанализирована многочисленная группа, соотносимая с музыкой, музыкальными инструментами, артионимами. Структурно-синтаксический анализ демонстрирует стремление автора к кратким, немногословным заглавиям, расширяющим объём своего значения по мере развития сюжета и достигающим максимума к финалу произведения. Настоящая работа продолжает изучение творчества Н.С. Дашевской и расширяет представление о функциональной роли библионимов в структуре художественного произведения.

Ключевые слова: художественный текст, библионим, антропоним, семантика, структура, адресатность, символический смысл, современная детская литература.

M.A. Denisova

*Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: deni-mar@list.ru*

BIBLIOGRAPHICAL NAMES IN N.S. DASHEVSKAYA'S WORKS

The study focuses on one of the components of a literary text, the biblionym, and its analysis based on the biblionymic space in the works of N.S. Dashevskaya, a contemporary writer for children and teenagers whose works have won numerous literary awards, including the Kniguru Prize (2013, 2014, 2015), the Marshak Literary Prize (2018), and others. The relevance of this study is due to the insufficient study of N.S. Dashevskaya's work and, in particular, her approach to the selection of biblionyms. The study uses descriptive, comparative, structural-semantic, and content analysis methods. The semantic groups of biblionyms are considered, and the most frequent ones are identified, which are related to the author's artistic world and the themes of her works. Thus, a large group related to music, musical instruments, and art names is identified and analyzed. The structural and syntactic analysis demonstrates the author's preference for concise and pithy titles that expand in meaning as the plot progresses and reach their maximum by the end of the work. This study continues to explore the works of N.S. Dashevskaya and expands our understanding of the functional role of biblionyms in the structure of literary works.

Keywords: literary text, biblionym, anthroponym, semantics, structure, addressee, symbolic meaning, modern children's literature.

Библионим как имя собственное, являющееся названием художественного произведения, традиционно вызывает интерес исследователей. Термин впервые появился в «Словаре русской ономастической терминологии» в качестве одного из видов идеонима [Подольская 1988: 42], однако научные работы, посвящённые заголовкам, датируются ещё первой половиной XX века. Так, например, С.Д. Кржижановский, указывает на его основополагающую

роль в произведении: «...книга и есть – развернутое до конца заглавие, заглавие же – стянутая до объёма двух-трёх слов книга» [Кржижановский 1931: 3]. Сегодня по прошествии почти столетия изучение библионимов значительно продвинулось, характеристика и функции заглавия представляются более широкими [Климкова 2020: 18-19], вышли как серьезные теоретические исследования [Ковалёв 2014], так и работы, посвящённые авторскому своеобразию библионимов [Скуридина 2022], [Булгакова 2023], их национальным особенностям [Маркова 2025].

Творчество Нины Дашевской рассматривается как важное явление в современной детской литературе, она становилась победителем Всероссийского конкурса на лучшее литературное произведение для детей и юношества «Книгуру» (2013, 2014, 2015), финалистом Международной детской литературной премии имени В.П. Крапивина (2013, 2014), обладателем Литературной премии имени С.Я. Маршака (2018), лауреатом конкурса короткого рассказа «Кора» (2023), дважды номинирована на Международную премию памяти Астрид Линдгрен. Целевая аудитория большинства её текстов – школьники среднего и старшего возраста, реже – школьники младшего школьного возраста («Вилли», «Квартетные сказки»), в некоторых случаях адресация, помимо школьников, включает в себя и дошкольников («Тео – театральный капитан», «Зимний мастер»). Однако, по признанию самого автора, значительная часть её читателей – взрослые люди [Дашевская 2023]. Анализ 91 библионима лёг в основу следующих наблюдений.

В структурно-синтаксическом отношении в творчестве Дашевской преобладают однословные библионимы (39%), в подавляющем большинстве они выражены конкретными именами существительными («Арбуз», «Ветер», «Лыжи»). 36% – составляют двусложные, библионимы-словосочетания, среди которых превалирует конструкция прил.+сущ. («Солнечная сторона», «Пространственный кретинизм»), частотна конструкция сущ.+ сущ. («Цветок липы», «Бабочка Хофмана»), единичны предложно-падежные сочетания («Около музыки», «На буксир», «После тишины»). 14% названий состоит из трёх слов, среди которых есть несогласованные словосочетания («Дом над морем», «Каштан в кармане»), сложные словосочетания («Семь невысоких гномов»), сочинительные словосочетания («Дублин и море», «Слон и скрипка»), 8% – из четырёх. В текстах автора присутствуют библионимы-предложения («Ветер вернётся», «Я не тормоз», «Тео – театральный капитан», «Термос был у меня»). 1% номинаций включает в себя пять слов («Племяннику Никите и поэту Маяковскому»), 1% – шесть, («Паровоз, который мечтал играть на скрипке»), 1% – семь («Про молоко, шахматы и дом номер 14»). Последние библионимы, значительно более многословные, чем предыдущие, относятся к раннему творчеству автора, эти произведения были опубликованы в журнале «Кукумбер» с 2008 по 2011 годы, первое из них – стихотворение, последующие – сказки. Краткие, точные названия большинства текстов Дашевской, словно лишь намечающие сюжет, вполне соответствуют небольшим по объёму, но емким произведениям автора, повторное обращение к которым позволяет лучше уловить детали и увидеть новые смыслы. библионима.

Анализ семантического многообразия библионимов позволил выявить следующие группы.

1. Наиболее распространены в творчестве Дашевской персонифицированные библионимы, они составляют 38% от общего числа. В большинстве своём они представлены однокомпонентными антропонимами, фамилиями или именами: «Крендельков», «Кнехт», «Панкратьев», «Анна-Мария», «Тимофей: блокнот. Ирка: скетчбук», «Поиск звука. Творогов», «Вивальди. Времена года», «Грошик». Только одно из них, последнее, является прозвищем, производным от фамилии Грошевский. Единичен и библионим-посвящение: «Племяннику Никите и поэту Маяковскому». Библионимы могут характеризовать лицо по занятию: «Канатоходец», «Зимний мастер», возрасту: «Подросток N», «Старик в чёрной шапочке», свойству характера: «Молчуны», «Трус», очерёдности: «Второй», внешнему виду: «Каланча». По-

следняя номинация многозначна, она одновременно называет рослого мальчика, героя рассказа, и высокую башню, сторожевую или пожарную, которую тот увидел впервые.

Избранная модель предполагает, что вынесенная в заголовок персоналия, указывает на главного героя рассказа или повести. В творческом мире Дашевской повествование часто ведётся от лица героя, так что читатель не всегда сразу соотносит связь названия с рассказчиком. Так, в рассказе «Анна-Мария» девочка с неохотой едет с родителями в гости к их друзьям, предполагая, что среди прочего «придется перетерпеть» [Дашевская 2024: 76] и ошибочную форму её личного имени. Хозяйка называет её Анечка, Аня, уточняет, может лучше называть её Машей. Лыжная прогулка с сыном хозяев оказывается неожиданно приятной, и именно от него читатели и узнают, как необычно её зовут. Названное правильно имя как будто расколдовывает прежде молчаливую и напряжённую героиню, меняет отношение девочки к происходящему и становится толчком к теплому разговору.

Предваряя текст, библионим сообщает некую первичную информацию, которую, исходя из своего опыта и знаний, читатель проецирует на произведение, возникает определённая гипотеза, которая по ходу чтения может подтверждаться, уточняться или опровергаться. Заглавие «оказывается рамочным знаком, требующим возвращения к себе» [Кухаренко 1988: 92]. Библионим «Зимний мастер» ассоциируется с новым годом, праздником, волшебством. Рассказчика этой истории стеклодув называет так, потому что тот разрисовывает новогодние шары. Только около дома художника лежит снег, а в остальном городе – слякоть. Однако выясняется, что это заслуга соседа – музыканта, который своей игрой порождает зимнюю погоду. Силой искусства каждый творец способен создавать чудо, будь то мороз и метель или елочные шары, согревающие замершие руки. В интервью Дашевская поясняет: «Мне хотелось рассказать в книге о том, что через работу руками ты что-то меняешь в жизни» [Дашевская 2023]. Таким образом смысл библионима уточняется, расширяется, включая в себя всех героев повести, чей созидательный труд обогащает жизнь.

Требуют уточнения лежащего на поверхности смысла и библионимы «Трус», «Канатоходец». Герой первого рассказа боится пройти по крокодилу – бревну на детской площадке, но, промучившись весь день, легко даёт отпор хулигану Ландышеву: «он так устал сегодня бояться, что уже не мог больше» [Дашевская 2009]. В рассказе «Канатоходец» под это понятие – цирковой артист, который выполняет свои номера на канате, натянутом в воздухе между двумя точками опоры – формально попадает только отец главного героя Теодор Юлиус Штрохольм. Его сын Доминик не работает в цирке, каждый раз во время выступления отца он боится так, что до крови прокусывает губу, но в минуту опасности, когда городу грозит наводнение, он идет по тросу над площадью к колокольне с помощью рук, чтобы ударить в колокол и разбудить город. А в День города по этому тросу без страховки идет отец не для того, чтобы показать свою смелость, а чтобы дать людям надежду: «Они смотрят на меня и думают, если он не боится ... там, наверху, – не боится! А у него только и есть, что узкая проволока под ногами, – значит, и нам не нужно. Не нужно ничего бояться» [Дашевская 2022: 427]. Так что поле библионима расширяется, включая в себя и отца, и сына как людей, готовых рисковать ради жизни и счастья других людей.

В группу персонажных входят три двухчастных библионима, их особенность состоит в значимости каждого из компонентов, в совокупности приобретающих дополнительные дефиниции. В повести «Поиск звука. Творогов» первая часть библионима реализуется как в прямом, так и в переносном смысле. Родители героя, оперные певцы, ищут верный звук – готовятся к спектаклям, одноклассница Варя М. только три дня играет на виолончели, старается, работает: «И звук уже, он пробивается ... стучится» [Дашевская 2021: 45-46]. Поиск звука – это и поиск своего дела, поиск себя, честного верного решения в сложной ситуации. Отец героя, не согласный с несправедливым увольнением режиссёра, в одиночку идёт на акцию протеста. Коллега родителей, потерявшая голос, ищет себя в другой сфере. Вторая часть названия акцентирует внимание на главном герое. Иван Творогов комфортно чувствует себя

в роли лентяя. Он намеренно лишает себя голоса, мнения, поступка. Так, он легко пишет одноклассникам сочинения, «пытаясь примерять на себя чужую шкуру» [Дашевская 2021: 27], и изображает себя «дебиловатого двоечника» [Дашевская 2021: 27]. Постепенно герой осознаёт, что не получится прожить с «выключенным звуком». Во второй части названия автор имеет в виду и отца главного героя, тот тоже Творогов, в авторской модели мира он выступает образцовым родителем [Дашевская 2022]. Фраза «Я/МЫ Ваня Творогов», помещённая на задней стороне обложки, включает в этот процесс – поиск звука – не только всех героев, но и читателей: «Если не искать, то ... то бессмысленно. Бессмысленно это вообще – быть» [Дашевская 2021: 111].

Книга «Тимофей: блокнот. Ирка: скетчбук» построена как перевёртыш: начальными являются обе обложки, за которой у каждой следуют свой титульный лист, страница с выходными данными и своя отдельная нумерация. Таким образом перед нами две автономные повести с разными, незнакомыми друг с другом героями и отдельными сюжетами. Тексты объединены проблемой подросткового одиночества в семье, где не являются единственными детьми. [Денисова 2024: 129]. Четырёхкомпонентный библионим членится на два отдельных названия, созданных по одному типу: имя и предмет, своеобразный аналог личного дневника. Параллелизм становится способом организации как самого библионима, так и книжных обложек, проливающих свет и на проблематику произведений, и на переживания главных героев. Элементом, подчёркивающим сходство их чувств, оказывается нарочитое смешение картинок на обложке. В названии использован уменьшительно-ласкательный вариант имени Ирина – Ирка, он является единственным в тексте и, по-видимому, нравится девочке. Тогда как вариант «Ирочка» воспринимается негативно и, с точки зрения героини, никак с ней не соотносится.

Двухчастный библионим «Вивальди. Времена года» состоит из фамилии всемирно известного итальянского композитора, скрипача XVII века и названия его цикла концертов для скрипки. Музыкальная история содержит две связанные друг с другом части, первая из них, «Антонио», знакомит читателя с человеком, который «берёт музыку из самого воздуха Венеции, из плеска вёсел, из итальянской речи, из отражений в воде» [Дашевская 2018: 11], а уже в зрелом возрасте решает создать серию концертов, воплощающих времена года как «жизнь природы и жизнь человека» [Дашевская 2018: 15]. Действие второй части, «Антон», происходит в наши дни, мальчик с дедушкой-музыкантом слушают бессмертную музыку Вивальди и представляют картины природы, которые пытался воплотить её создатель. Начальные слова обеих глав «рыжий мальчишка», сходство имён и музыкальных инструментов: Антон только начал занятия скрипкой, и даже старый карандашный набросок дедушки, на котором изображён не то мальчик-композитор, не то его собственный внук вкупе с мелодией, находящей отклик в душе человека и спустя три столетия после её создания позволяют рассматривать вторую часть библионима в более широком ключе. Это не только название музыкального произведения Вивальди, и сезонный цикл схожий с циклом человеческой жизни, это и отсутствие для музыки каких-либо рамок, «как будто ни времени, ни расстояния нет» [Дашевская 2018: 47].

Приём персонификации, олицетворение, позволяет отнести к группе персонажных библионимов названия текстов из цикла «Городские сказки»: «Фонтан», «Поливальная Машина», «Фонарь», «Поезд метро», «Светофор», «Арка», «Дождь», «Солнечный заяц», в которых герои рассказывают о своей жизни, работе и о своих мечтах, а также названия сказок «Дерево Орех», «Паровоз, который мечтал играть на скрипке», «Тролль», «Поющий чайник». «Слон и скрипка» и название таблицы умножения в стихах «Семь невысоких гномов». Антропонимом выражен библионим «Вилли», зоонимами – «Собачка Дюк», «Бруно», «Тео – театральный капитан». Показательно, что волшебных персонажей в этой группе чуть больше, чем реалистичных. В художественном мире Дашевской эти герои не имеют каких-либо иных волшебных способностей, кроме умения мыслить, чувствовать, разговаривать, иногда –

читать и играть на музыкальных инструментах. Они живут в том же мире, что и люди, порой разговаривают с ними и даже дружат.

Вилли – это имя говорящего велосипеда, созвучное слову «велик», мальчик, как в сказке, получает волшебный предмет, после чего «события приводят героя к преодолению одиночества, обретению друзей и взаимной симпатии с девочкой» [Голосова 2023: 83]. Библионим «Тео – театральный капитан» содержит антропозооним, мышонка, живущего в театре оперы и балета, зовут Тео – сокращение от личного имени Теодор, в честь Эрнеста Теодора Гофмана. В его семье есть традиция: родившийся мышенок получает имя, связанное со спектаклем, идущим в театре в день его рождения, в его день на сцене была опера Жака Оффенбаха «Сказки Гофмана». Тео мечтает увидеть море, и на крыше театра он порой представляет себя капитаном корабля.

2. Библионимы, в которых указан предмет, явление, значимые для сюжета, деталь, раскрывающая суть происходящего (28%): «Наушники», «Лук», «Чек», «Очки», «Виолончель», «Пикколо», «Лыжи», «Арбуз», «Чек», «Ключи», «Цветок липы», «Термос был у меня», «Каштан в кармане», «Полторы курицы», «Скрипка неизвестного мастера», «Дождь», «Aqua alta», «Бабочка Хоффмана». Показательно, что в основном они лишены определений. Последний библионим содержит название крепёжного элемента, позволяющего надёжно соединить две детали. Общий замысел рассказа здесь, как и во многих других произведениях Дашевской, становится очевиден в финале произведения. После слияния школ в одном классе оказываются две группы, которые не идут на контакт друг с другом. Новенькому мальчику Борису удастся не только не примкнуть ни к одной из групп, сохранив с обеими дружеские отношения, но и заставить разговаривать друг с другом её представителей. Ремонт столешницы бабочкой Хоффмана проецируется на объединение класса, где таким крепёжным элементом выступает Борис. Автор подчёркивает даже некое внешнее сходство: «И тут она посмотрела на Борькины уши и сказала очень тихо, но я услышал: «Сам как бабочка Хоффмана» [Дашевская 2024: 67].

К этой же группе отнесём библионимы, связанные с животными, рыбами, насекомыми: «Мой конь», «Королевская корова», «Большая рыба», «Божьи коровки», «Одиннадцать лап», «Черепашка». Причина такой классификации в том, что почти всегда речь здесь идёт не о реальных животных, например, конь – это метафорический образ самоката («Так спешим мы в школу с Катей / Мы вдвоём – на самокате, / На оранжевом таком...» [Дашевская 2010]), королевская корова – это не очень удачный рисунок коровы, сделанный королевой по просьбе сына. В рассказе «Большая рыба» также повествуется о рисунке: очертания Венеции похожи на рыбу. Узор на купальнике, состоящий из двенадцати божьих коровок из рассказа «Божьи коровки», входящего в цикл «Сказки на чайных пакетиках», неожиданно исчез прямо перед отъездом, но насекомые успели вернуться в аэропорт ко времени вылета самолёта. В рассказе «Одиннадцать лап» рисунок сине-зелёной собаки с множеством ног авторства Яшки Каневского вызывает смех одноклассниц. Оценить мальчика по достоинству помогает концерт в музыкальной школе, куда рассказчицу пригласил сосед. Странный Яшка оказывается там знаменитостью, он исполняет музыку своего сочинения. Рисунок выступает в тексте семантической доминантой, в композиционном отношении является и завязкой, и развязкой, но его восприятие героиней кардинально меняется.

Образ черепахи из одноимённого рассказа проступает на разных уровнях текста: это и характеристика героя, который любит в одиночестве сидеть под мостом, как будто прячась ото всех, при этом время словно застывает. Это и рисунок художника, с которым Роме в силу обстоятельств пришлось контактировать. На рисунке изображен мальчик, с моста наблюдающий за большой черепахой в реке. Он приходит кормить черепаху. По-видимому, с его черепахой что-то случилось, а родители попытались смягчить удар, сообщив ребёнку, что она сбежала к реке. Безусловно, огромная рептилия не может жить в реке средней полосы России, но под струями дождя в пузырящейся воде Рома видит её, величественно плывущую под

мостом. Здесь образ черепахи выступает гимном творчеству: рисунок оживает, гимном оптимизму: наши питомцы не должны погибать, и гимном дружбе: замкнутый мальчик Рома нашёл друга, с которым можно обсудить самые невероятные вещи.

3. Библионимы хронотопического типа (14%) в подавляющем большинстве обозначают пространственные реалии: «Дом над морем», «Заброшенный аэродром», «Мельница», «Край города», «Дверь в Старом Городе», «Несуществующий причал», «Солнечная сторона», «Крыши Васильевского острова», «Дублин и море». В состав двух последних входят реальные топонимы. Герои произведений Дашевской живут в городе, познают его в своих пешеходных прогулках, иногда будто оказываются в параллельной реальности, а иногда немного теряются, но поиск верной дороги метафорически обыгрывается как поиск верного жизненного пути. Заголовки, содержащие доминанту времени: «Первое мая», «День числа Пи», «Теплые дни», «После тишины».

4. Названия, обозначающие действия (8%): «Когда учишься летать», «Ветер вернется», «Промельк», «На буксир», «Прокладывать лыжню». В некотором отношении сюда примыкает и единичный библионим, являющийся самохарактеристикой персонажа, «Я не тормоз». Главный герой Игнат Волков любит скорость, с удовольствием катается на роликах, самокате, кажется, что он все делает на бегу, но, одновременно, подросток достаточно внимателен, чтобы увидеть, что человеку нужна помощь. Таким образом реализуется жаргонное значение фразы: он умеет адекватно быстро соображать и принимать решения.

5. Упоминание жанра произведения содержится в библионимах «Сказки на пяти линейках», «Сказки на чайных пакетиках», «Городские сказки», «Квартетные сказки» (4%). Все они являются названиями циклов, в каждый из которых входят от четырёх до восьми текстов, и подчёркивают частое обращение автора именно к жанру сказки.

6. Библионимы, обозначающие абстрактные понятия (3%): «Молчание», «Пространственный кретинизм», «Бесконтактно»

7. Одной из доминантных в творчестве автора является тема музыки (17%): профессиональный музыкант Н.С. Дашевская наполняет свои произведения мелодиями, одни – исполняют её герои, другие – слышатся в звуках личных имён и даже в расположении городских улиц. Не всегда это отражено в названиях текстов, однако библионимы данной тематической группы представлены очень многообразно. Так, они присутствуют в группе персонажных библионимов: «Поиск звука. Творогов», «Вивальди. Времена года», «Паровоз, который мечтал играть на скрипке», «Поющий чайник». «Слон и скрипка», называют музыкальные инструменты или предметы, связанные с музыкой как ключевые образы, значимые для развития сюжета: «Виолончель», «Наушники», «Пикколо», «Скрипка неизвестного мастера» демонстрируют жанровую отнесенность; «Квартетные сказки». «Сказки на пяти линейках» (пять линейек представляют собой нотный стан, на котором с помощью нот и вспомогательных значков записывают музыку). Не входят ни в одну из ранее описанных групп библионимы – наименования музыкальных произведений: «Ария Баха», «Весенняя соната», «Ой, то не вечер». Тематический же принцип лежит в основе макробиблионима «Около музыки».

Макробиблионимы в трёх из четырёх сборников рассказов, принадлежащих перу Нины Дашевской, самостоятельны, то есть не повторяют микробиблионим. Два из них – тесно связаны с одним из рассказов цикла и по сути являются его альтернативным названием. Так макробиблионим «Ключ» – вариант названия рассказа «Полторы курицы», причем более удачный. Его героиня решает олимпиадные задания, в каждом из которых есть секрет, ключ, важно найти его и правильно повернуть. Вспоминает, как долго открывает замок на даче, где «никакой силы не нужно, нужна точность и терпение» [Дашевская 2022: 295]. Образ ключа актуализируется и тогда, когда Даша, которая очень гордится братом и знает, что он тайком пытается сочинять свою музыку, обещает одноклассникам, что Митя напишет музыку к их спектаклю. Попросить об этом брата, который не подозревает, что о его тайне знает сестра, –

сложная задача, но девочка и здесь сумела подобрать ключ. Метафора ключа очень широка и удачно ложится и на другие рассказы сборника.

Микробиблионим «Мельница» и макробиблионим «Ветер вернётся» также связаны с сюжетом одного рассказа, содержащего элементы апокалиптической фантастики. Населённый пункт Ветряки построен на болотах, но сильные ветра, которые были увековечены даже в топониме, прекратились, а ядовитые пары от болот отравляют воздух настолько, что людям приходится постоянно носить респираторы. Подростки отправляются к заброшенной теперь мельнице, чтобы заставить её лопасти двигаться. Фраза «Ветер вернётся» вселяет надежду, которую питают и мальчишки. Если не ждать, а действовать, здесь: попытаться подтолкнуть ветер, то всё может измениться к лучшему. Это лейтмотив рассказов, входящих в этот сборник. Библионим «Второй» принадлежит и сборнику, и рассказу. Умение быть вторым, дать возможность другому человеку прозвучать – это очень значимая для Дашевской тема. Быть вторым не потому, что ты хуже, а потому что ты умеешь работать в команде.

Таким образом, библионимы в творчестве Н.С. Дашевской весьма разнообразны, их совокупность отражает особенности её художественного мира и тематику её произведений – прочную связь с музыкой во всех её проявлениях, ориентацию на персонажей, в том числе сказочных, преимущественную лаконичность, соотносимую с емкостью небольших текстов.

Библиографический список

1. Бугакова Н.Б. Специфика ономастикона А. Платонова. Воронеж: ЮНИ-ПРЕСС, 2023. 320 с.
2. Голосова Е. А. Языковые средства воплощения фольклорного начала в образе велосипеда в повести «Вилли» Н. С. Дашевской // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 83–91.
3. Денисова М.А. Особенности художественного мира Нины Дашевской // Вестник гуманитарного образования. 2024. №1. С.123-133.
4. Дашевская Н.С. Рассказы 2008-2011 // Журнал «Кукумбер». URL: <https://kukumber.online/writer/dashevskaya-nina/> (дата обращения 24.02.2026)
5. Дашевская Н. Вивальди. Времена года: музыкальная история, СПб.: Детское время, 2018. 64 с.
6. Дашевская Н. Поиск звука. Творогов. М.: Самокат, 2021. 144 с.
7. Дашевская Н. Около музыки и другие рассказы. М: КомпасГид, 2022. 432 с.
8. Дашевская Н.С. «Мне нравится писать, как говорить: просто» 22 августа 2022// Папмамбук: интернет-журнал. URL: <https://samokatbook.ru/news/intervyu-s-ninoy-dashevskoy-mne-nravitsya-pisat-kak-govorit-prosto/?ysclid=mm0zws1i5o9292654> (дата обращения 24.02.2026)
9. Дашевская Н. «Это всегда было для меня важным – что сделало человека таким, каким мы его знаем сейчас» 21 ноября 2023. // Папмамбук: интернет-журнал. URL: <https://www.papmambook.ru/articles/5582/?ysclid=mlgguaeht483377720> (дата обращения 24.02.2026)
10. Дашевская Н. Ветер вернётся. М.: Самокат, 2024. 128 с.
11. Ковалев Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика; Воронежский государственный университет, Кафедра славянской филологии. Воронеж: Научная книга, 2014. 447 с.
12. Климкова Л.А. Библионимы в лирике С.А. Есенина / Л.А. Климкова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2020. – № 3(38). – С. 17-27.
13. Кржижановский С. Поэтика заглавий. М.: Никитинские субботники, 1933. 32 с. URL: https://imwerden.de/pdf/krzhizhanovsky_poetika_zaglavyy_1931_ocr.pdf?ysclid=mle720jn34448263740 (дата обращения 24.02.2026)

14. Кухаренко В.А. Интерпретация текста: учеб. пособие. 2-ое изд., перераб. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
15. Маркова М.А. Русская и чувашская библионимия в контрастивном аспекте: дисс. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2025. 158 с.
16. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1988. 194 с. URL: <https://djvu.online/file/KElpsLt8CxUXt?ysclid=mle69nfzdp89589627> (дата обращения 24.02.2026)
17. Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского. Воронеж: ВГТУ, 2022. 341 с.
18. Эпштейн Анна Интервью с писательницей Ниной Дашевской 28.12.2023. // Блохин-ка. Универсальная библиотека им. Д.И. Блохинцева. URL: <https://library.jinr.ru/news/103.htm?ysclid=mlpaxmc3so470175804> (дата обращения 24.02.2026)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Денисова Марина Александровна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Воронежского государственного
технического университета,
SPIN код: 4722-0767,
e-mail: deni-mar@list.ru

Denisova Marina Alexandrovna

PhD in Philology
The chair of Russian language and Intercultural
communication,
associate professor
Voronezh State Technical University,
SPIN code: 4722-0767,
e-mail: deni-mar@list.ru

УДК 81

К.Е. Дрепина

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
(Липецк, Российская Федерация)
e-mail: x.e.drepina@mail.ru*

ОНОМАСТИКА КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ ДУШИ В ПРОЗЕ И ДРАМАТУРГИИ Л.Н. АНДРЕЕВА

В статье рассматривается роль ономастических приемов в творчестве Леонида Андреева как средства раскрытия русской ментальности в эпоху исторических катаклизмов начала XX века. Особое внимание уделяется двум основным авторским стратегиям: нулевому ономастическому приему и активному использованию «говорящих» антропонимов. В экспрессионистских текстах отсутствие личных имен символизирует растворение личности в коллективном ужасе, фатализм и стирание индивидуальности в абсурде бытия, отражая традиционные черты русской души – выносливость к страданию и склонность к обезличиванию в коллективном. В психологических и философских произведениях «говорящие» имена и их повторяемость кодируют индивидуальный надрыв, жертвенность, «детскость» души и преобразование через боль. Анализ показывает, что ономастика Андреева функционирует как зеркало национальной души в эпоху кризиса, фиксируя переход от коллективного фатализма к утверждению трагической личности через страдание.

Ключевые слова: Леонид Андреев, ономастика, антропонимы, нулевой ономастический прием, «говорящие» имена, русская ментальность, национальная идентичность, жертвенность, фатализм.

K. E. Drepina

*Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University
(Lipetsk, Russian Federation)
e-mail: x.e.drepina@mail.ru*

ONOMASTICS AS A MIRROR OF THE RUSSIAN SOUL IN THE PROSE AND DRAMA OF L. N. ANDREEV

The article examines the role of onomastic techniques in the works of Leonid Andreyev as a means of revealing the Russian mentality in the era of historical cataclysms at the beginning of the 20th century. Special attention is paid to two main authorial strategies: the zero onomastic technique and the active use of "speaking" anthroponyms. In the expressionist texts, the absence of personal names symbolizes the dissolution of the individual in collective horror, fatalism, and the erasure of individuality in the absurdity of existence, reflecting the traditional traits of the Russian soul – its resilience to suffering and its tendency towards depersonalization within the collective. In psychological and philosophical works, "speaking" names and their repetition encode individual anguish, self-sacrifice, the "childishness" of the heart, and transformation through pain. The analysis shows that Andreyev's onomastics functions as a mirror of the national soul in a time of crisis, capturing the transition from collective fatalism to the assertion of a tragic individual through suffering.

Key words: Leonid Andreev, onomastics, anthroponyms, zero onomastic device, «speaking» names, Russian mentality, national identity, self-sacrifice, fatalism.

Творчество Леонида Николаевича Андреева (1871–1919) занимает особое место в русской литературе рубежа XIX–XX веков, синтезируя психологический реализм и экспрессионистские тенденции. В условиях кризиса ценностей и нарастания экзистенциального ужаса начала XX столетия Л.Н. Андреев разрабатывает мотивы обезличивания индивида, коллективного страдания и трагической жертвенности. Эти мотивы традиционно соотносятся с чертами русской ментальности, как их интерпретирует Н.А. Бердяев: выносливость к страда-

нию, устремленность к потустороннему, высокая оценка нищенства и бедности, а также жажда избавления от мировых мук [Бердяев 1990; Бердяев 1994]. Н. Бердяев подчеркивает, что «русская душа ушиблена ширию» [Бердяев 1990 : 63], склонна к фатализму и растворению в коллективном, где страдание становится путем к преображению и соборности.

Одним из ключевых, но недостаточно изученных механизмов воплощения этих мотивов выступает ономастическая стратегия писателя – система антропонимов (или их сознательного отсутствия), функционирующая как инструмент семантизации национального самосознания. Исследования по литературной ономастике подчеркивают роль антропонимов в создании характеров персонажей и идейного пространства текста, в формировании «лица произведения» [Ковалев 2007 : 285], использования в художественных произведениях «образов национальной персониферы, которые являются частью писательского антропонимикона» [Попова, Елистратов 2025 : 31], однако в отношении творчества Л.Н. Андреева такие исследования преимущественно фрагментарны: анализ заглавного антропонима в «Сашке Жегулеве» [Икитян 2019], биполярной ономастики в «Дневнике Сатаны» [Икитян 2016 : 24–28; Cattani 2023] или отдельные замечания о говорящих именах в «Мысли» и «Анатэме» [Икитян 2019]. Системный подход к контрасту нулевого ономастического приема и активного использования «говорящих» антропонимов в контексте национальной ментальности остается практически неразработанным.

Настоящая статья ставит целью показать, как ономастика Л.Н. Андреева выступает зеркалом русской души: безымянность персонажей в экспрессионистских текстах символизирует растворение личности в коллективном ужасе и фатализме, тогда как именованные герои в психологических и философских произведениях кодируют индивидуальную трагедию, жертвенность и преображение через надрыв. Материалом анализа избраны ключевые произведения писателя, относящиеся к разным периодам его творчества, литературным родам и жанрам: «Красный смех», «Жизнь человека», «Царь Голод» – как примеры преобладания нулевого приема; «Иуда Искариот», «Жизнь Василия Фивейского» – как тексты с развитой системой антропонимов. Такой отбор позволяет выявить эволюцию приема от раннего психологизма к поздней метафизике ужаса, а также проследить, как ономастическая оппозиция «безымянное – именованное» коррелирует с оппозицией «коллективное страдание – индивидуальная жертва», отражая глубинные черты русской ментальности в эпоху исторических катаклизмов.

В экспрессионистских произведениях Леонида Андреева нулевой ономастический прием выступает доминирующим средством передачи состояния тотального ужаса, абсурда бытия и утраты индивидуальности. Отсутствие или предельная минимизация антропонимов создает эффект обезличивания, когда персонажи перестают быть конкретными лицами и превращаются в архетипические фигуры страдания, части безликой массы или воплощения метафизической силы. Этот прием особенно характерен для текстов, написанных в период Русско-японской войны и революции 1905–1907 годов, а также в поздний период, когда философский пессимизм Л. Андреева достигает апогея. В то же время, даже в рамках нулевого приема, Андреев вводит персонифицированные аллегорические «имена» (например, «Красный смех», «Кто-то в сером», «Царь Голод»), которые функционируют как символические маркеры, контрастирующие с безымянностью масс и подчеркивающие фатализм коллективного страдания.

В повести «Красный смех» нулевой прием реализован последовательно и радикально. Рассказчик остается без имени, его брат, жена, мать, сестра, доктор и другие персонажи обозначены исключительно функциональными или родственными номинациями («мой брат», «жена», «мать», «сестра», «доктор», «молодой гонец-студент»). Единственным персонифицированным «именем» становится сам «Красный смех» – абстрактная, но живое воплощение безумия и смерти, которое «смеется» над человечеством. Отсутствие личных имен подчеркивает идею войны как машины, стирающей индивидуальность: люди превращаются в

«обезобразенные куски мяса», в безымянную массу, где «нет ни имен, ни лиц, ни различий». Например, описывая марш солдат под палящим солнцем, Л. Андреев пишет: «Все молчали, как будто двигалась армия немых, и когда кто-нибудь падал, он падал молча, и другие натывались на его тело, падали, молча поднимались и, не оглядываясь, шли дальше, – как будто эти немые были также глухи и слепы» [Андреев 1990 : 2 : 22]. Эта цитата иллюстрирует обезличивание через коллективное молчание и безразличие, где персонажи лишены даже голоса, не говоря об именах. Другая цитата подчеркивает утрату сознания солдат: «Они не знают, куда они идут, они не знают, зачем это солнце, они ничего не знают. У них не голова на плечах, а странные и страшные шары» [Андреев 1990 : 2 : 23]. Здесь анализ «имен» сводится к их полному отсутствию, а персонификация «Красного смеха» как заглавного «имени» усиливает семантику ужаса: это не личное имя, а символ коллективного безумия, отражающий фатализм русской ментальности как растворения личности в общем страдании. В сцене сближения уцелевших солдат обезличивание достигает пика: «Эти люди, беспокойные, торопливые, с толчкообразными движениями, вздрагивающие при каждом стуке, постоянно ищущие чего-то позади себя, старающиеся избытком жестикологии заполнить ту загадочную пустоту, куда им страшно заглянуть, – были новые, чужие люди, которых я не знал» [Андреев 1990 : 2 : 30]. Безымянность персонажей делает их «чужими», подчеркивая надрыв души в коллективном ужасе.

Аналогичная стратегия наблюдается в драме «Жизнь человека». Центральный герой назван просто «Человек», его антагонист – «Кто-то в сером», смерть персонифицирована как «Старуха с косой», второстепенные фигуры – «Жена», «Дети», «Доктор», «Соседи», «Гости». Нулевое именование здесь служит философской цели: жизнь представлена как абстрактная схема, где индивид лишен уникального имени, а следовательно, и уникальной судьбы. «Человек» рождается, любит, страдает и умирает безымянным, подчеркивая тщету индивидуального существования перед лицом рока. В прологе Некто в сером провозглашает: «Вот пройдет перед вами вся жизнь Человека, с ее темным началом и темным концом» [Андреев 1990 : 2 : 443]. Эта цитата отражает обезличивание через номинацию «Человек» как архетипа, символизирующего фатализм: жизнь – это не личная история, а универсальный цикл страдания. Далее: «Родившись, он примет образ и имя человека и во всем станет подобен другим людям, уже живущим на земле» [Андреев 1990 : 2 : 443]. Здесь анализ «имени» иронически подчеркивает его отсутствие: «имя человека» – это не индивидуальный антропоним, а общая категория, отражающая абсурдность бытия как подчинения коллективной судьбе. «Кто-то в сером» как персонифицированное «имя» (обозначаемое местоимением «Он») усиливает фатализм: «И Я, тот, кого все называют Он, останусь верным спутником Человека во все дни его жизни <...>» [Андреев 1990 : 2 : 444]. Это не имя, а нулевой коррелят, символизирующий невидимую силу рока, контрастирующую с безымянностью «Человека».

В пьесе-маскараде «Царь Голод» нулевой прием распространяется на массы: рабочие, толпа, жертвы голода остаются безымянными, обозначены как «рабочие», «женщины», «дети», «старики». Единственные «имена» принадлежат аллегорическим фигурам – «Царь Голод», «Смерть», «Время», «Поэт», «Старик», «Мать». Здесь обезличивание масс контрастирует с именованными символами власти и бунта, подчеркивая социальный аспект фатализма: народ как безымянная сила страдания, способная к вспышке, но лишенная индивидуальной воли. В первой картине работающие вводят: «Мы голодны. Мы голодны. Мы голодны» [Андреев 1994 : 3 : 234]. Эти повторяющиеся слова, начинающиеся каждый раз с новой строки, иллюстрирует коллективное обезличивание: голоса сливаются в хор без индивидуальных имен. Анализ «имени» *Царь Голод* показывает его как персонификацию голода – не личное имя, а аллегория, усиливающая контраст с безымянными массами. Здесь массы – безликий хор, а *Царь Голод* – символическая фигура. Безымянная чернь обезличена, что подчеркивает фатализм как неизбежный бунт масс, находящихся под властью аллегорического «имени».

Во всех трех произведениях нулевой прием функционирует как маркированное отсутствие, которое семантизирует утрату «я» в коллективном ужасе. Персонажи без имен не обладают личной историей или судьбой – они становятся частью общего кошмара, где страдание универсально и безлично. Такой подход усиливает ощущение фатализма и деперсонализации, характерных для мировосприятия Л. Андреева в периоды социальных и экзистенциальных кризисов, отражая такие черты русской ментальности как выносимость к страданию [Бердяев 1990 : 17] и растворение в коллективном.

В противоположность произведениям с преобладанием нулевого ономастического приема в прозе и драматургии Леонида Андреева существует ряд произведений, где антропонимы активно используются и приобретают ярко выраженный характеризующий и символический характер. Эти «говорящие» имена (имена-маски, имена-характеристики) не только идентифицируют персонажей, но и непосредственно семантизируют их внутренний мир, судьбу и типично русские черты ментальности: жертвенность, надрыв души, «детскость» перед лицом смерти, способность к преображению через страдание. Такой подход характерен для психологических и философских произведений Андреева, где индивидуальная трагедия противопоставляется коллективному обезличиванию.

В повести «Иуда Искариот» Л. Андреев переосмысливает библейские антропонимы через призму русской души, превращая евангельский сюжет в философскую драму предательства, любви и жертвы. Центральный антропоним, вынесенный в заглавие – *Иуда Искариот*, – несет исторически нагруженную семантику предательства (от евр. *Иуда* – «хвала Господу», иронически контрастирующую с ролью предателя; *Искариот* – от «Искариот», возможно, «муж из Кериота»). У Андреева это имя становится символом трагического надрыва: Иуда предает из высшей любви, жертвуя собой ради доказательства божественности Христа. С гневом он говорит ученикам Христа, которые не спасли его от смерти: «– <...> Кто любит, тот не спрашивает, что делать! Он идет и делает все. Он плачет, он кусается, он душит врага и кости ломает у него! Кто любит!» [Андреев 1990 : 2 : 261]. Имя подчеркивает русскую тему «грешника-страдальца», где предательство – акт самопожертвования, а одиночество Иуды отражает фатализм. Имя *Иисус* (от евр. *Йешуа* – «спаситель») в тексте идеализировано, но с акцентом на пассивность и жертвенность. Это усиливает мотив русской ментальности как страдания во имя других. Апостолы – *Петр* (от греч. «петрос» – камень, символ твердости, но в тексте показан как импульсивный и слабый); *Фома* (от араб. «теома» – близнец, ассоциация с сомнением); *Иоанн* (от евр. *Йоханан* – «Бог милостив», воплощение нежности). Эти имена «русифицируются» через эмоциональный надрыв и контраст с Иудой, подчеркивая тему жертвенного одиночества как пути к святости.

В повести «Жизнь Василия Фивейского» ономастика фокусируется на главном герое и его семье, где повторяющиеся имена создают эффект символической цикличности и трагического единства. Имя и фамилия главного героя – *Василий Фивейский* – вынесены в заглавие. Имя *Василий* (от греч. «басилейос» – царственный) отсылает к святому Василию Великому, символизирующему мудрость и веру, но в тексте иронически контрастирует с бунтом героя против Бога. Фамилия церковного происхождения *Фивейский* ассоциируется с Фиваидой – египетской пустыней отшельников, подчеркивая тему духовного одиночества и аскетизма. Жена героя обозначена чаще всего как «попадья» – функциональная номинация, подчеркивающая ее социальную роль и обезличивание в рамках семейного и церковного быта, только в редких случаях в произведении появляется ее имя – *Настя*. Старший сын, утонувший в реке, как и отец, носит имя *Василий*. Младший сын, умственно отсталый («идиот»), опять же *Василий*. Повтор имени *Василий* у представителей разных поколений семьи (отец и два сына) усиливает мотив проклятия и цикличности страдания: «царственное» имя становится знаком трагической судьбы, передающейся по наследству. Дочь – *Настя* (уменьшительное от *Анастасия*, от греч. «воскрешение», «возвращение к жизни») – символизирует надежду на возрождение, но в контексте повести ее имя контрастирует с общей безысходно-

стью семьи: «Все осуждали жизнь, но никто не хотел умирать <...>» [Андреев 1990 : 1 : 514]. Имя *Настя*, которое носят жена и дочь отца Василия, подчеркивает русскую тему ожидания чуда и воскресения через страдание, но в реальности повести это ожидание обречено. Таким образом, ономастика в повести кодирует русскую идею «наследственного греха» и страдания как семейного проклятия, где повтор имен усиливает ощущение фатализма и безысходности, а «попадья» как безымянная фигура подчеркивает растворение женской личности в выполняемой ей социальной роли и приносимой жертве.

В двух рассмотренных повестях «говорящие» антропонимы, кодирующие индивидуальную жертвенность и преображение через надрыв, отражающие русскую ментальность как способность к духовному росту в страдании, но также как неизбежность трагического цикла. Характерная для произведений Л.Н. Андреева оппозиция «именованные герои – безымянные массы» подчеркивает трагическую уникальность русской личности в эпоху кризиса.

Проведенный анализ ономастических стратегий Леонида Андреева показывает, что собственные имена, а также их сознательное отсутствие выступают в его творчестве одним из центральных механизмов семантизации русской ментальности в начале XX века. Через оппозицию нулевого и активного ономастического приема Л.Н. Андреев кодирует ключевые черты русской души: фатализм, коллективное растворение личности, индивидуальный надрыв, жертвенность и способность к преображению через страдание.

Таким образом ономастика Андреева выступает зеркалом русской души в эпоху кризиса ценностей и исторических катаклизмов: от обезличивания в коллективном ужасе к утверждению трагической уникальности личности через страдание и жертву. Полученные результаты демонстрируют высокую продуктивность ономастического подхода для интерпретации национального самосознания в литературе Серебряного века и открывают перспективы для дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Андреев Л.Н. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1, 2, 3. М.: Художественная литература, 1990–1994.
2. Бердяев Н.А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в. Paris: YMCA-PRESS, 1971. 258 с.
3. Бердяев Н.А. Судьба России. Репринт. воспроизведение изд. 1918 г. М.: Философское общество СССР, 1990. 240 с.
4. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 479 с.
5. Икитян Л.Н. Провокация именем: особенности провокативного имяназвания в романах Л. Андреева и И. Эренбурга // Вопросы русской литературы. 2016. №1-3. С. 20–31.
6. Икитян Л.Н. Узаконенная ошибка: об одной фамилии у Леонида Андреева // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 2. С. 199–212.
7. Ковалев Г.Ф. Направления исследования имен собственных в художественных произведениях // Материалы по русско-славянскому языкознанию: международный сборник научных трудов. Вып. 28. Воронеж: ВГУ, 2007. С. 283–289.
8. Попова Е.А., Елистратов А.К. Образы национальной персонификации в военной лирике П.Н. Шубина // Ономастический вестник. 2025. №4 (4). С. 30–39.
9. Cattani Alessandra. Биполярная ономастика: двойной антропоним в «Дневнике Сатаны» Леонида Андреева // Jagiellonian University Press eBooks. 2023. URL: https://www.academia.edu/126296379/Биполярная_ономастика_а_двойной_антропоним_в_Дневнике_Сатаны_Леонида_Андреева (дата обращения: 10.02.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Дрепина Ксения Евгеньевна,

аспирант кафедры русского языка и литературы

Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,

SPIN-код: 7551-0200,

e-mail: x.e.drepina@mail.ru

Drepina Ksenia Evgenievna,

Postgraduate student of the Department of Russian Language and Literature,

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyanshansky University,

SPIN-code: 7551-0200,

e-mail: x.e.drepina@mail.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИМЯТВОРЧЕСТВА PRAGMATIC ASPECT OF NAME CREATION

УДК 811.133.1

О.А. Саенко

*Иркутский государственный университет
(Иркутск, Российская Федерация)
e-mail: olsa7@list.ru*

Н.П. Степанова

*Иркутский государственный университет
(Иркутск, Российская Федерация)
e-mail: natalia.stepanova05@list.ru*

НАИМЕНОВАНИЕ РЕСТОРАНОВ ТРАДИЦИОННОЙ КУХНИ À LA FRANÇAISE

В России ономастикон города продолжает меняться. Особенно ярко это проявляется в названиях организаций, фирм, компаний, к которым относятся и заведения общественного питания. Подобное явление можно объяснить внешними геополитическими причинами, нестабильной экономической ситуацией в некоторых сферах жизнедеятельности человека, социальными причинами. Во Франции эргонимика городского пространства значительно стабильнее. В настоящей работе рассматриваются принципы наименований заведений общественного питания четырех французских регионов: Бретань, Нормандия, Савойя, Прованс. В ходе проведенного теоретического анализа авторы приходят к мнению, что применительно к наименованиям французских заведений питания целесообразнее использовать термин рестороним, поскольку во французском языке слово «ресторан» понимается более широко, многоаспектно. Авторами было выделено четыре принципа, которые отражаются в наименованиях заведений общественного питания: 1) гастрономический, 2) географический, 3) социальный, 4) культурный. Изучение примеров показало, что каждый принцип имеет свои категории, более полно раскрывающие содержание того или иного аспекта. Наиболее разнообразно выражен географический принцип, т.к. гастрономия Франции отличается от региона к региону, проявляясь в том числе в названии блюд, характерных для конкретного региона – la spécialité. Данный факт подтверждает предположение, что именно в названиях заведений общественного питания проявляется истинно традиционная французская кухня.

Ключевые слова: французская кухня, рестороним, гастрономический, географический, социальный, культурный принцип

О.А. Saenko

*Irkutsk State University
(Irkutsk, Russian Federation)
e-mail: olsa7@list.ru*

N.P. Stepanova

*Irkutsk State University
(Irkutsk, Russian Federation)
e-mail: natalia.stepanova05@list.ru*

NAMES OF RESTAURANTS SERVING TRADITIONAL CUISINE À LA FRANÇAISE

In Russia, the city's onomasticon continues to change. This is particularly evident in the names of organizations, firms, and companies, which include dining establishments. Such a phenomenon can be explained by external geopolitical reasons, unstable economic conditions in certain spheres of human activity, and social factors. In France, urban ergonomics is significantly more stable. This paper examines the principles behind the names of dining establishments

in four French regions: Brittany, Normandy, Savoy, and Provence. Through theoretical analysis, the authors conclude that for French dining establishments, the term *restoronym* is more appropriate, since the French word “*restaurant*” carries a broader, more multifaceted meaning. The authors identified four principles reflected in the names of dining establishments: 1) gastronomic, 2) geographical, 3) social, 3) cultural. The study of examples showed that each principle has its own categories, revealing the content of each aspect. The geographical principle is the most diversely expressed, as French gastronomy varies from region to region, including the names of dishes typical for a specific region – *la spécialité*. This fact supports the assumption that it is in the names of dining establishments that truly traditional French cuisine is reflected.

Keywords: French cuisine, restoronym, gastronomic principle, geographical, social, cultural.

Французская кухня на протяжении веков остается одной из самых известных и почитаемых гурманами и не только. В ней проявляются своеобразие культуры народа, особенности характера французов, специфика нации. Любовь к французской кухне выражается в бережном отношении к традициям приготовления блюд, в сохранении и передаче их другим поколениям. В 2010 году ЮНЕСКО признало французскую кухню нематериальным культурным наследием человечества. История ее развития и становления прошла огромный период времени, благодаря чему французская кухня имеет право называться изысканной кухней современной эпохи.

Гастрономический дискурс, терминология, наименования блюд и ингредиентов французской кухни, а также технология приготовления блюд до сих пор являются предметом изучения. В нашей работе мы бы хотели уделить внимание названиям ресторанов традиционной кухни во Франции на примере регионов Савойя, Прованс, Бретань и Нормандия.

Предметом исследования стали наименования мест общественного питания, где подают традиционные блюда французской кухни. Общее количество проанализированных нами наименований – 620.

Цель работы – изучить названия региональных французских заведений питания, определить принципы их номинации.

Материалом настоящего исследования стали названия мест общественного питания французских регионов Савойя, Прованс, Бретань Нормандия, представленные на сайтах www.tripadvisor.ru, www.petitfute.com, www.oumangerenbretagne.fr, www.normandie-tourisme.fr.

Исследование проводилось на основе метода сплошной выборки, описательного метода, метода интерпретации и классификации.

Практически каждый регион Франции обладает своей особой, ни с чем несравнимой кухней. Она уникальна тем, что в ней используются продукты местного производства, что в свою очередь отражает специфику географического положения региона. Так, если мы говорим об Эльзасе (L’Alsace), то это регион, граничащий с Германией. Соответственно, нотки немецкой культуры впитала себя и кухня: квашеная капуста, копченые колбаски, паштеты, глинтвейн – все это и многое другое можно попробовать именно там. Бретань (La Bretagne) – это прежде всего морепродукты: устрицы, лангусты, морские гребешки, крабы, лобстеры, разнообразие блюд из рыб – это местная кухня, привычная для местного населения и притягательная для туристов. В Нормандии (La Normandie), регионе известном яблочными садами, можно попробовать самые известные напитки региона – сидр и кальвадос. Здесь также умеют вкусно приготовить мясо. И, конечно, камамбер, сыр, который появился именно в Нормандии. Прованс (La Provence), регион юга Франции, где ароматы Средиземного моря, солнца и трав наложили свой отпечаток на местную гастрономию: морепродукты, рыба, овощи, приправы. Савойя (La Savoie) расположилась у подножия Альп. Здесь можно попробовать сытные блюда горной местности, которыми приятно наслаждаться в холодную промозглую погоду: мясо, сыры, бекон, фондю, красное вино.

Однако, отойдя немного от блюд местной кухни, вернемся к предмету нашего исследования, к наименованию ресторанов. Эргонимика – наука, которая занимается изучением названия организаций, предприятий, учреждений, фиксирует изменения, которые происхо-

дят в социальной жизни общества. Имена городской среды остаются в фокусе интереса лингвистов. Особенно хорошо изучены онимы городского пространства – названия городов, улиц, площадей. Их можно противопоставить названиям заведений общественного питания. Основное отличие этих наименований заключается в том, что первым названия дают органы власти, вторым – владельцы заведений. В настоящее время в каждом городе достаточно много мест, где можно вкусно покушать или просто перекусить, и их имена стали важной частью городского ономастикона. Для обозначения имени заведения общественного питания в одних исследованиях встречается термин «трапезоним» [Замальдинов 2022], другие используют термин «рестороним» в силу его краткости и прозрачности значения [Галимуллина, Коршунова, Феоктистова 2019; Фалеева 2024]. Во французском языке слово «*un restaurant – ресторан*» используется как родовое понятие для других заведений общественного питания, таких как «*une auberge – ресторан, стилизованный на сельский лад; деревенский отель-ресторан*», «*une taverne – ресторан; таверна; кафе в старинном стиле*», «*une brasserie – пивной ресторан*», «*un café – кафе*», «*un bistrot – кафе-ресторан; бистро*», «*une crêperie – блинная*», «*une cantine – столовая*», «*une cafétéria – кафетерий*», поэтому считаем логичным пользоваться термином «рестороним».

Сегодня владельцы ресторанов имеют возможность обратиться в специальные компании, которые занимаются созданием креативного нейминга разных городских заведений. Цель – привлечь внимание к своему ресторану, набрать клиентуру, поскольку в имени отображается языковая мода, оно создает положительный образ заведения, вызывает у посетителя эмоциональный отклик. Поэтому при наименовании ресторана учитываются такие факторы как экзотика, языковая игра, фактор позитива. Имя ресторана – это его лицо. Оно имеет значение, но это не самое главное для клиента, это дополнительный аргумент в пользу его выбора. Изучив названия российских заведений общественного питания [Галимуллина, Коршунова, Феоктистова 2019; Шмелева 2019; Замальдинов 2022; Фалеева 2024], мы пришли к заключению, что названия ресторанов в России носят аттрактивный характер. Для привлечения внимания к своему заведению, для создания необычного, информативного, порой, нестандартного названия, неймеры прибегают к разным приемам, например, используют прецедентные феномены, игру слов, приемы графического словообразования [Замальдинов 2021]. Как пишет французский лингвист П. Шародо, чем насыщеннее по содержанию имя, чем лучше оно запоминается, тем больше у него шансов не затеряться среди себе подобных. Имя должно вызывать ряд значимых ассоциаций [Charaudeau 1992 : 27].

В центре нашего внимания находятся наименования ресторанов, баров, кафе регионов Савойя, Прованс, Бретань и Нормандия. Говоря о названиях французских ресторанов традиционной кухни, можно отметить, что здесь современное течение жизни практически не откладывает свой отпечаток. В отличие от российских заведений общественного питания, где эта сфера, на наш взгляд, проходит еще стадию становления (происходят ребрендинги заведений, они часто меняют владельцев, теряя старые названия и приобретая новые), во Франции владельцы ресторанов как будто не гонятся за привлечением посетителей при помощи громких названий своих заведений. Для них кухня, качество еды, окружающая среда и атмосфера внутри заведения – это основной критерий привлекательности. Поэтому в примерах проанализированных нами заведений общественного питания мы не увидели яркое присутствие приемов аттрактивности. Они скорее отражают многолетнюю историю заведения. Имя – это репутация, которая зарабатывается годами. Его смена будет показателем несостоятельности заведения, знаком потерянной репутации. Хотя, конечно, фактор позитива, языковой игры, графического словообразования присутствует.

Детальное изучение принципов номинации ресторанов не говорит об узком понимании слова «ресторан». Со времени появления во Франции во второй половине XVIII века заведения питания под именем *restaurant* представление о нем значительно расширилось. В XXI

веке это понятие рассматривается в гастрономическом, культурно-социальном и географическом аспектах [Reyt 2024].

Наблюдение за ресторонами позволяет нам выделить следующие принципы наименований заведений общественного питания Франции:

1. гастрономический принцип, демонстрирующий принадлежность к национальной или региональной кухне, отражает ключевые продукты и блюда, способ их приготовления или подачи;
2. географический принцип, включающий местоположение заведения, его характеристики (климатические, ландшафтные; флора и фауна региона и т.д.), внешние контуры и внутреннее пространство ресторана, положение по отношению к другим объектам, способ времяпрепровождения;
3. социальный принцип, позволяющий выявить статус заведения, тем или иным образом представить личность шеф-повара или хозяина ресторана, продемонстрировать взаимоотношения между участниками, когда к посетителям относятся как к близким родственникам, друзьям или соседям по району, деловым людям или «высоким гостям»;
4. культурный принцип, отображающий обычаи посещения ресторанов (в какое время, как часто, сколько времени проводить, с кем, по какому случаю), связь с национальными традициями и историей, ценностные ориентиры.

На наш взгляд, именно многоаспектность представления о ресторане объясняет использование разных способов именования, поскольку в качестве основы для создания имени собственного для заведения общественного питания может быть взят любой элемент из упомянутых принципов.

Рассмотрим конкретное проявление выделенных нами принципов на примерах названий заведений общественного питания.

1. Гастрономический принцип:

- 1) принадлежность к национальной или региональной кухне: *Copiña Courchevel*, *L'Adress Vallandry*, *La Nice Étoilée*, *Bistrot L'Horloge Marseille*, *Le Terroir Savoyard*, *Le Bouchon Normand*, *Le Normand*. В представленных названиях прослеживается отсылка ресторана к городу или региону, его приверженность традиционной кухне;
- 2) блюда и ингредиенты: *La Fondue* – Фондю, *La Vieille Crêpe* – Старый Блин, *L'Écume Gourmande* – Лакомая Пенка, *Coquille - Bistrot Marin* – Морское бистро «Ракушка», *Le Mesclun* – Месклен (смесь из разных видов салата и ароматических трав), *La Maison des Mets* – Дом Яств, *Aux Délices des Rois* – Деликатесы Королей, *Olive&Artichaut* – Оливки&Артишоки, *Blé Noir* – Гречиха, *La Pomme d'Api* – Красное Яблочко, *Pomme de Reinette* – Ранетка. По названию ресторана можно понять, какое блюдо нам предлагают попробовать, какие продукты используются для приготовления разных блюд. Наименование типа заведения общественного питания может прямо указывать на значимые элементы местной кухни. Например, Бретань славится блинами, поэтому именно в этом регионе часто встречается *Блинная – Crêperie*. Нормандия – это регион, где производят сидр – *le cidre* и кальвадос – *le calvados*, отсюда и название *La Cidrerie* – Дом Сидра (Сидр-Бар). Кальвадос имеет защищенное наименование и не может использоваться в названии ресторана без разрешения. Напиток выдерживается в дубовых бочках, и ассоциация с крепким напитком устанавливается при помощи метонимического переноса: *Restaurant Les Tonneaux du Père Magloire* – Бочки *Père Magloire* (марка кальвадоса);
- 3) способ приготовления или подачи блюда: *La Carotte Rôtie* – Жареная (Запеченная) Морковь.

2. Географический принцип:

- 1) местоположение заведения: *L'Alpin*, *Alpen Art*, *Mont Blanc Restaurant & Gouter*, *1580 m* – в названиях используется наименование гор, что говорит о положении ре-

сторанов у подножия Альп или на высоте – регион Савойя. В примере *Plage Beau Rivage – Пляж Красивый Берег*, идет отсылка на пляжи Средиземного моря – регион Прованс. Указание на расположение относится к универсальным способам именования и достаточно частотно: *Café du Port – Кафе в Порту*, *Crêperie au Vieux Quimper – Блинная в Старом Кемпере*, *Le Bistrot du Coin – Бистро на Углу*, *Crêperie du Pont – Блинная на Мосту*;

2) климатические и ландшафтные особенности: *Le Flocon – Снежинка*, *Les 9 Névés* – в названии отражается состояние многолетнего снега, перед тем, как он превратится в лед, *L'Avalanche Restaurant – Ресторан Лавина*, *Les Quatre Vents – Четыре Ветра*, *Vue sur Mer – Вид на Море*, *Les Vagues Blanches – Белые Волны*, *Les Embruns – Брызги*, *Le Noroît – Норд-Вест*;

3) характерные представители региональной флоры: *Le Perce Neige – Подснежник*, *L'Alpage – Альпийский луг*, *L'Edelweiss* – всем известное название цветка, растущего в горах, *Le Marronnier – Каштан*, *Les Pommiers – Яблони*;

4) характерные представители региональной фауны: *Le Bouc Blanc – Белый Козел*, *L'Élan – Лось*, *Les Mouettes – Чайки*, *L'Hirondelle – Ласточка*, *La Table de l'Ours*, *La Marmotte Qui Fume*, *La Langouste*, *L'Albatros*;

5) строение, его внешние контуры и окружающее пространство: *Le Phare – Маяк*, *L'Écurie – Конюшня*, *La Terrasse du Village – Терраса в Деревне*, *Restaurant La Bergerie – Ресторан Овчарня*, *La Baraque – Хибара*, *Le Vieux Chalet – Старое Шале*, *La Cale – Трюм*, *Le Ponton – Плавающий Док*, *La Cabane du Pêcheur – Хижина Рыбака*, *L'Estrau – Прибрежье*, *Le Donjon – Главная Башня*, *Le Courtil – Домашний Садик*, *La Clairière – Полянка*, *Le Patio Du Lac – Патио у Озера*, *La Campagnette – Деревенька*;

6) элементы внутреннего пространства, способ времяпрепровождения: *Au Coin du Feu – У очага*, *L'Escale – Остановка в Пути*, *Le Bon Abri – Хорошее Укрытие*, *Le Comptoir – Барная Стойка*. Слово «*refuge*» включает в себя понятия «убежище», «приют», «укрытие», т.е. это место, где можно скрыться от непогоды или, наоборот, от знойного солнца. Такие названия как *Le Refuge*, *Le Refuge Gourmand* встречаются в разных регионах.

3. Социальный принцип:

1. категория заведения – ресторан, кафе, бистро, столовая: *Restaurant de L'Auberge d'Aillon et d'Ailleurs*, *Brasserie Le 80*, *Le Bistrot du Praz*;

2. социальные связи, которые представлены семейными, дружескими или соседскими отношениями: *Les Bons Amis – Хорошие друзья*, *Chez Pépé Nicolas*, *Les Fils À Maman Val D'Isère*, *Chez Les Filles*, *Chez Tonton Guy*, *Mamie crêpe*. В названиях перечисленных ресторанов присутствуют слова «дедушка», «бабушка», «сыновья», «мама», «дочери», «дядюшка», что предполагает блюда домашней кухни, атмосферу уюта и тепла. Использование имен собственных отражает дружеские или соседские связи: *Chez Marcel & Fonsine – У Марселя и Фонзин (В гостях у Марселя и Фонзин)*;

3. группы по интересам: *Les Bavardes – Болтушки*, *Les Gens Heureux – Счастливые Люди*, *Les Causettes – Непринужденные Разговоры*, *Les Convives – Сотрапезники*, *Au Rendez-vous des Chasseurs – На Встрече Охотников*, *Le Bouche à Oreille – Сарафанное Радио*, *Lieu de Convivialité – Радужная Атмосфера*.

4. Культурный аспект:

- элементы культуры, символы, прецедентные феномены, отображающие французский фольклор или заметные исторические события: *Le Chat Botté – Кот в сапогах*, *Le Gavroche*, *Le Petit Prince*, *Le Biniou – Бретонская Волынка*, *Le Poisson d'Avril – Первоапрельская Шутка*, *À la Table Ronde – За Круглым Столом*. Название *Les Terre-Neuvas* дано ресторану в честь французских рыбаков, которые отправлялись ловить треску у побережья Ньюфаунленда с XVI века до конца XX века.

Проведя анализ ресторонимов традиционной французской кухни, приходим к выводу, что принципы наименований заведений общественного питания представлены по-разному. Так, географический принцип выходит на первое место, предлагая большой выбор категорий. Далее следует гастрономический принцип, демонстрирующий непосредственно кухню ресторана. Социальный принцип представлен достаточно широко, поскольку заведения общественного питания – это не только вкусная еда, это место, где встречается семья, где ведутся долгие беседы с друзьями, это место проявления социальных отношений общества. Культурный аспект меньше всего обозначен в названиях ресторанов, но он ярче проявляется в отношении к кухне, к традициям того, что применительно к ресторанным заведениям можно объединить выражением *à la française*.

Библиографический список

1. Галимуллина Н.М., Коршунова О.Н., Феоктистова И.Р. Нейминг заведений общественного питания в контексте межкультурной коммуникации // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2019. № 3 (103). С. 19-27. DOI: 10.26293/chgpru.2019.103.3.003 (дата обращения – 22.01.2026).
2. Замальдинов В.Е. Креативный нейминг нижегородских заведений общественного питания: графический аспект // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. № 7 (2). С. 35-43.
3. Замальдинов В.Е. Трапезонимы приволжского федерального округа: структурно-грамматическая характеристика // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 4 (43). С. 458-461.
4. Фалеева А.С. Номинативные стратегии воздействия на адресата при наименовании заведений общественного питания // Филологический класс. 2024. № 29 (2). С. 119-128. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-2-119-128
5. Шмелева Т.В. Аппетитность городского имени: заведения еды // Journal of Applied Linguistics and Lexicography. 2019. № 1 (1). С. 117-126.
6. Charaudeau P. Grammaire du sens et de l'expression. Paris: Hachette Livre, 1992. 927 p.
7. Rey G. Les restaurants canadiens et canadiens-français dans les guides de restaurants de Montréal du *Montreal Star*, 1967-1976 // Ethnologies. 2024. № 46 (1). P. 83-115. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.7202/1113961ar> (дата обращения – 30.01.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Саенко Ольга Анатольевна,

кандидат филологических наук, заведующий кафедрой романо-германской филологии Иркутского государственного университета
SPIN-code: 7373-8238,
e-mail: olsa7@list.ru

Степанова Наталья Петровна,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии Иркутского государственного университета
SPIN-код: 6284-3522,
e-mail: natalia.stepanova05@list.ru

Saenko Olga Anatolievna,

Candidate of Philological Sciences, Head of the Department of Romano-Germanic Philology, Irkutsk State University,
SPIN-code: 7373-8238,
e-mail: olsa7@list.ru

Stepanova Natalia Petrovna,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Philology, Irkutsk State University,
SPIN-code: 6284-3522,
e-mail: natalia.stepanova05@list.ru

УДК 81'373

О.С. Корнеева

Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина

(г. Брест, Беларусь)

Белорусский государственный университет иностранных языков

(г. Минск, Беларусь)

e-mail: grabar_o_s@mail.ru

СТРУКТУРА ЭРГОУРБОНИМОВ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ МАЛЕНЬКИХ ГОРОДОВ БЕЛАРУСИ

В статье проанализирована компонентная и языковая структура эргонимических единиц в сфере общественного питания, представленных в лингвистическом ландшафте маленьких городов Беларуси. В качестве метода сбора и обработки эмпирического материала был использован метод анализа лингвистического ландшафта. Структурный анализ эргоурбонимов был проведен в трех направлениях: 1) выявление наличия/отсутствия номенклатурного термина, сопровождающего ономастический компонент (эргоурбоним/урботрапезоним, в частности); 2) выявление структурного и языкового состава номенклатурных терминов в случае их наличия; 3) выявление моделей согласования номенклатурного термина с проприальной частью на основании языкового состава. Наличие номенклатурных терминов было выявлено в 59% исследуемых единиц, наиболее распространенными из которых оказались моноязычные идентификаторы. С точки зрения языкового состава, русский язык является доминирующим как среди номенклатурных терминов, так и в рамках наиболее распространенной моноязычной модели согласования компонентов эргонимических единиц.

Ключевые слова: эргоурбоним, трапезоним, эргонимическая единица, лингвистический ландшафт, номенклатурный термин

O.S. Korneeva

Brest State A. S. Pushkin University

(Brest, Belarus)

Belarusian State University of Foreign Languages

(Minsk, Belarus)

E-mail: grabar_o_s@mail.ru

THE STRUCTURE OF ERGOURBONYMS IN THE LINGUISTIC LANDSCAPE OF SMALL TOWNS IN BELARUS

The article analyzes the component and linguistic structure of ergonymic units in the field of public catering, represented in the linguistic landscape of small towns in Belarus. The method of linguistic landscape analysis was used as a method of collecting and processing empirical material. The structural analysis of ergourbonyms was carried out in three directions: 1) identification of the presence/absence of a nomenclature term accompanying the onomastic component (ergourbonym/urbotrapezonym, in particular); 2) identification of the structural and linguistic composition of nomenclature terms, if any; 3) identification of models for matching the nomenclature term with the proprietary part based on the linguistic composition. The presence of nomenclature terms was revealed in 59% of the studied units, the most common of which were monolingual identifiers. From the point of view of linguistic composition, Russian is dominant both among nomenclature terms and within the framework of the most widespread monolingual model of matching components of ergonymic units.

Key words: ergourbonym, trapezonym, ergonymic unit, linguistic landscape, nomenclature term

Письменный язык в урбанизированном городском пространстве вызывает закономерный интерес лингвистов в силу того, что он является неотъемлемой частью обеспечения успешной коммуникации, выполняя не только идентифицирующую, но и символическую функцию. «Язык дорожных знаков, рекламных щитов, названий улиц, географических

названий, вывесок коммерческих магазинов и общественных указателей на правительственных зданиях» [Bourhis 1997 : 25], согласно Р. Лэндри и Р. Борхису, понимается как лингвистический ландшафт. В схожем ключе данное понятие трактуют и Н. Итаги, С. Сингх, Л.Л. Федорова, Ю.А. Лобина, Л.М. Погосян и др. Актуальность анализа лингвистического ландшафта обусловлена необходимостью выявления того, какую языковую идентичность стремятся продемонстрировать его акторы, а также необходимостью определения стратегий формирования и/или совершенствования языкового пространства города.

Основной целью лингволандшафтных исследований традиционно является выявление статуса языков на определенной территории, в связи с чем исследователи также учитывают и топографические средства письменного текста, с помощью которых проявляется доминантность того или иного языка (Д. Гортер, Э. Бен-Рафаел, Т. Хюбнер, П. Бэкхаус, Дж. Сеноз, З. Фаулк, Х.М. Сантос Ровира, С. Яо). Совокупность вывесок, надписей и табличек зачастую реализует в лингвистическом ландшафте коммуникативные стратегии единого актора. В данной связи возникает необходимость выделения укрупненных единиц анализа, включающих три компонента: урбаноним в качестве ядра; опциональное коммуникативное сопровождение; невербальные параграфические средства письменного текста. В контексте заведений общественного питания речь идет о таком разряде урбанонимов как эргоурбанонимы. Вслед за Т.Г. Никитиной, мы полагаем, что эргоурбанонимы представляют собой наименования коммерческих предприятий, вынесенные на городские вывески [Никитина 2019 : 137], что делает правомерным выделение их в качестве объектов лингволандшафтного исследования.

Трактовки структуры эргонима разнятся в зависимости от подхода исследователя и включают компоненты от исключительно онима (А.М. Емельянова), до онима и словосопроводителей (Хоанг Тхи Бен) и даже включения в структуру коммуникативного сопровождения (Ю.В. Вайрах, А. Моради). В условиях указанной неопределенности, мы опираемся на подход В.Б. Шавлюк, согласно которому «эргоним в широком смысле характеризуется структурой «функционал, или слово-сопроводитель, плюс номинатив» ... Эргоним в узком смысле представляет собой номинатив, в том числе такой, который обязательно включает слово, традиционно являющееся функционалом, как составную часть» [Шавлюк 2019 : 255]. Структурный аспект эргонимов, равно как и эргоурбанонимов, в широком смысле выступает в качестве предмета исследований Т.П. Романовой, Ю.В. Вайрах, Н.В. Михайлюковой, Т.А. Новожиловой, В.Б. Шавлюк. Существующие исследования эргоурбанонимов в структурном аспекте, проведенные Е.В. Тихоненко, М.Г. Боговой и А.В. Жилинской, Н.А. Новик и А.М. Новик в крупных белорусских городах, посвящены их анализу в узком смысле. В то же время, структурный аспект эргоурбанонимов в широком смысле (как эргонимических единиц), представленных в лингвистическом ландшафте маленьких белорусских городов, представляется перспективным направлением исследований.

С целью выявления компонентной и языковой структуры эргонимических единиц, мы прибегли к использованию метода анализа лингвистического ландшафта, заключающегося в количественном и качественном анализе зафиксированных на фото письменных вербальных единиц, представленных в общественном пространстве маленьких белорусских городов. В рамках настоящего исследования мы определяем маленький город, основываясь на критерии численности населения, которая насчитывает от 5 до 50 тыс. жителей. Исследуемый нами лингвистический ландшафт представлен 18 городами, что составляет 21% от общего количества маленьких городов (85 городов по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь по состоянию на 2025 г.). Каждая из 6 областей Беларуси представлена тремя городами (Минская область: Смолевичи, Вилейка, Дзержинск; Брестская область: Ивацевичи, Лунинец, Берёза; Гродненская область: Новогрудок, Сморгонь, Волковыск; Витебская область: Глубокое, Поставы, Лепель; Гомельская область: Калинковичи, Рогачев, Добруш; Могилевская: Осиповичи, Горки, Кричев).

Источниками языкового материала для исследования послужили зафиксированные на фото вывески заведений и точек общественного питания, представленные в онлайн-сервисе «Яндекс Карты» с меткой «где поесть». Выбор данного источника обусловлен актуальностью информации о функционировании заведений. В случае отсутствия необходимых фото производился дополнительный поиск на сайте «Restaurant Guru» либо в социальных сетях по хештегам, а также в официальных аккаунтах заведений. В результате выборка составила 278 единиц анализа, представленных организациями сферы общественного питания, которые включают: рестораны, кафе, кафетерии, кофейни, бары, пабы, пиццерии, пекарни, булочные, столовые, точки быстрого питания. Объектом нашего исследования являются эргоурбонимы, представленные на доминантных вывесках, критерием выделения которых являются их типографические параграфемные свойства (надпись выполнена наиболее крупным шрифтом, зачастую расположена выше других информативных блоков).

По нашему мнению, целесообразно выделять два компонента в структуре текста доминантной вывески: 1) эргонимический компонент; 2) опциональное коммуникативное сопровождение. Структура первого компонента, согласно мнению ряда исследователей, насчитывает два компонента: функционал + номинатив (В.Б. Шавлюк), номенклатурный/ родовой термин + проприальная часть (И.Л. Ильичева, Т.В. Поплавская), слова-сопроводители + номинатив (В.А. Крыжановская). Т.А. Новожилова справедливо отмечает, что «одни предприниматели выбирают названия, значение которых предельно четко указывает на вид деятельности предприятия ... В таком случае необходимость номенклатурного термина (НТ) типа кафе, магазина и т. п. в сочетании с названием сводится к нулю» [Новожилова 2005 : 8]. В контексте настоящего исследования мы анализируем только полные эргонимические единицы, включающие номенклатурные термины. С учетом специфики отражения на вывеске в городском пространстве, ранее нами также было внесено предложение об использовании термина урботрапезоним по аналогии с понятием эргоурбоним [Корнеева 2025 : 58].

В результате анализа эмпирического материала нам удалось выявить наличие номенклатурных терминов в 163 из 278 исследуемых единиц, что составляет 59% от их общего количества. Номенклатурный термин может быть представлен идентификатором и, опционально, квалификатором. Структурное распределение номенклатурных терминов в исследуемом корпусе отражено в следующей таблице:

Таблица 1

Структура номенклатурных терминов

монокомпонентные				поликомпонентные			
идентификаторы			дубликативные идентификаторы	квалификатор + идентификатор		двойной идентификатор	
кафе	54	Cafe	кафе café 1 кафе cafe 4	fast food cafe	2	кафе пиццерия	2
кафэ	1	(упрощ. англ.)		ресторан быстрого питания	1	кафе-бар	4
ресторан	16	Café		night club	1	бар кафе	1
рэстаран	1	(англ.)		арт кафе	1	bar club	1
пиццерия	1	Café (фр.)		детское кафе	1	club bar	1
бар	11	Restaurant		мини-кафе	5	cafe & bar	1
шаурма	4	bar		lounge bar	1	cafe market	1
закусочная	3			диско бар	1	restaurant & bar	1
кофейня	12			кальян бар	1	ресторан бар	1
столовая	3					клуб кафе	1
						ресторан столовая	1

кафетерий	1				караоке-бар	1	ресторан кафе	1
паб	1				суши-бар	1	рест кафе	1
пекарня	1				крафт-бар	1		
фудтрак					кофе шоп coffee shop – 1			
					cafe lounge bar – 1			

Исходя из представленных в Таблице 1 данных, наиболее распространены номенклатурные термины, представленные моноязычными идентификаторами. Примечательным в исследуемых номенклатурных терминах является идентификатор «шаурма», выявленный 4 раза. Поскольку лексема «шаурма/шаверма», отражающая ассортимент, более распространена в проприальной части (11 случаев в исследуемом корпусе), можно наблюдать процесс, обратный переходу номенклатурного термина в проприальную часть (например, «Ресторан», «Кафе»). Специфичными в исследуемом корпусе также оказались 2 смешанных случая, представленных в следующих сочетаниях: дубликативный квалификатор + дубликативный идентификатор («кофе шоп/coffee shop»), а также квалификатор + двойной идентификатор («cafe lounge bar»).

Так как традиционно предметом лингволандшафтных исследований является соотношение языков в общественном пространстве, важно проанализировать и языковую структуру исследуемых единиц. Исходя из представленных в таблице данных, белорусский язык представлен лишь в 2 из 163 единиц анализа, что составляет лишь 1,23%. Поскольку один номенклатурный термин может относиться к нескольким языкам (например, заимствованное из французского языка «café» используемое в английском, испанском, немецком языках), возникает необходимость учета языка проприальной части. Номенклатурный термин в сочетании с проприальной частью на французском языке, был выявлен в одном эргоурбониме (0,61%). В свою очередь, английский язык представлен в 25 единицах (15,34%). Таким образом, русский язык является доминантным среди номенклатурных терминов в сфере общественного питания, представленной в лингвистическом ландшафте маленьких белорусских городов, поскольку 84,66% анализируемых единиц представлены русскоязычными номенклатурными терминами.

Также мы выделяем четыре модели языкового согласования номенклатурных терминов с проприальной частью: 1) моноязычная; 2) двуязычная; 3) дубликативно-двуязычная; 4) смешанная. К первым двум моделям мы относим те комбинации, в которых номенклатурный термин и проприальная часть моноязычны сами по себе, но функционируют в разных сочетаниях: 1) в моноязычной модели оба компонента представлены одним языком, например, «бар Дуэт»; 2) в двуязычной модели сочетаются два компонента на разных языках, например, «бар Joker». В дубликативно-двуязычной модели два языка могут быть представлены в рамках одного компонента (номенклатурного или/и проприального), например, «кафе / cafe Теремок» или «кафе Релакс / cafe Relax». В качестве смешанной модели мы выделяем те случаи, когда проприальная часть представлена цифрами либо словотворческими единицами, созданными с использованием полиязычных средств (графогибриды, транслитерированные слова и др.). В качестве примеров приведем следующие наименования: «кофейня СтартUP», «паб 1911», «cafe&bar PUDRA». Согласно приведенным в таблице данным, наиболее распространенной моделью является моноязычная модель, и, в частности, тип с использованием русскоязычного номенклатурного термина и проприальной части. Вторую по распространенности позицию занимают сочетания русскоязычных номенклатурных терминов с полиязычной проприальной частью, что свидетельствует о стремлении номинаторов к словотворчеству. Гипотетически возможно функционирование и дубликативно-смешанной модели, которая, тем не менее, не была выявлена в исследуемом корпусе. Вероятной причи-

ной является её максимальная сложность в построении, а перегруженная «языковая неопределенность» номинатора может помешать эффективной реализации аттрактивной функции эргоурбонима. Количественные показатели указанных моделей в исследуемом корпусе представлены в Таблице 2.

Таблица 2

Модели языкового согласования номенклатурных терминов с проприальной частью

моноязычная			двуязычная			дупликативно- двуязычная			смешанная		
тип	кол- во	%	тип	кол-во	%	тип	кол-во	%	тип	кол-во	%
англ.+ англ.	7	4,2	англ.+ белор.	2	1,2	дупл.+ англ.	1	0,6	англ.+ полияз.	10	6,1
белор.+ белор.	2	1,2	русск.+ англ.	5	3,1	дупл.+ дупл.	2	1,2	русск.+ полияз.	23	14,1
русск.+ русск.	93	57,1	русск.+ белор.	9	5,5	дупл.+ русск.	3	1,8	русск.+ цифры	2	1,2
франц.+ франц.	1	0,6	русск.+ франц.	1	0,6	русск. +дупл.	2	1,2			

Все дупликативные компоненты, обозначенные «дупл.» в таблице 2 представлены сочетаниями английского и русского языков. Соответственно, представленность языков в проприальной части выглядит следующим образом: русский – 100, английский – 17, белорусский – 13, французский – 2, полиязычные единицы – 33. При рассмотрении статуса белорусского языка в указанных моделях, прослеживается специфическая черта: белорусскоязычные эргоурбонимы в проприальной части чаще сочетаются с русскоязычными номенклатурными терминами, чем с белорусскоязычными (9 и 2 случая, соответственно). Также, в случае использования белорусскоязычных эргоурбонимов идентично количество белорусскоязычных и англоязычных номенклатурных терминов (по 2 случая).

Таким образом, русский язык является, с большим отрывом, доминирующим языком в полных эргонимических единицах, представленных с лингвистическом ландшафте маленьких белорусских городов в сфере общественного питания. Его доминирование проявляется как среди номенклатурных терминов, так и в рамках моноязычной модели согласования компонентов эргонимических единиц. Второе место по распространенности занимает английский язык, в то время как белорусский язык находится лишь на третьем месте. Данная тенденция позволяет сделать вывод о том, что среди двух официальных языков номинаторы отдают предпочтение русскому языку. Перспективными направлениями исследований эргоурбонимов, на наш взгляд, также являются: 1) углубленное исследование модели русскоязычный номенклатурный термин + русскоязычный эргоурбоним на предмет этимологии лексических средств в проприальной части, поскольку, при первичном ознакомлении с эмпирическим материалом обнаруживаются многочисленные заимствования; 2) выявление языков-основ в рамках полиязычных проприальных частей; 3) анализ путей реализации идентифицирующей функции номенклатурного термина в его отсутствии.

Библиографический список

1. Bourhis R., Landry R. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: an empirical study // Journal of Language and Social Psychology. 1997. № 16 (1). P. 23–49
2. Корнеева О.С. Семиотически осложненные эргоурбонимы в сфере общественного питания Москвы и Лондона // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2025. №1. С. 57–62
3. Никитина Т.Г. Городское ономастическое пространство: диалог номинатора и интерпретатора // Коммуникативные исследования. Омск, 2019. Т. 6, № 1. С. 137–151.
4. Новожилова Т.А. Номинация современных коммерческих предприятий (на материале русского, английского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Рост. гос. пед. ун-т. - Ростов-на-Дону, 2005. 16 с.
5. Шавлюк В.Б. О структуре эргонима // Вестник ННГУ. 2019. №6. С. 253–256.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Корнеева Ольга Степановна,

преподаватель кафедры английской филологии Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина;

аспирант кафедры речеведения и теории коммуникации Белорусского государственного университета иностранных языков,

SPIN-код: 2499-1480,

e-mail: grabar_o_s@mail.ru

Korneeva Olga Stepanovna,

Lecturer of the Department of English Philology at Brest State A. S. Pushkin University;

Postgraduate student of the Department of Speech and Communication Theory at Belarusian State University of Foreign Languages,

SPIN-code: 2499-1480,

e-mail: grabar_o_s@mail.ru

УДК 316.77:316.346.32-053

Н.С. Алешин

*АНОВО «Московский международный университет»
(Москва, Российская Федерация)
e-mail: nikita-aleshin-2003@mail.ru*

В.И. Чечетка

*Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: chechetkavalentina@yandex.ru*

БЭБИ-БУМЕРЫ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАКОНТЕНТЕ

В статье рассматриваются механизмы формирования и тиражирования стереотипов о поколении бэби-бумеров (родившихся приблизительно в 1946–1964 гг.) в современном медиаконтенте. Актуальность исследования обусловлена растущей межпоколенческой напряженностью, которая часто подогревается упрощенными образами в социальных сетях, кино и рекламе. Цель работы – выявить ключевые стереотипные характеристики, приписываемые бэби-бумерам, и проанализировать их влияние на общественное восприятие этой возрастной группы. Методологическую базу составили контент-анализ публикаций в Одноклассники.ру, ВКонтакте, и TikTok, а также анализ популярных кинолент и сериалов последнего десятилетия. Результаты показывают, что доминирующими стереотипами являются «технологическая некомпетентность», «финансовое благополучие за счет молодых», «консерватизм и сопротивление переменам». Особое внимание уделено феномену «Окей, бумер» (англ. «Ok, boomer») как маркеру медийной конфронтации. Делается вывод о том, что стереотипизация выполняет функцию возрастного разграничения, но при этом нивелирует индивидуальные различия, что может приводить к дискриминации по возрасту (эйджизму) в профессиональной и социальной сферах.

Ключевые слова: бэби-бумеры, стереотипизация, возрастные группы, медиаконтент, эйджизм, межпоколенческие конфликты, социальные сети, «Окей, бумер».

N.S. Alyoshin

*ANOVO "Moscow International University"
(Moscow, Russian Federation)
e-mail: nikita-aleshin-2003@mail.ru*

V.I. Chechetka

*Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: chechetkavalentina@yandex.ru*

BABY BOOMERS IN MODERN MEDIA CONTENT

The article examines the mechanisms of formation and dissemination of stereotypes about the baby boomer generation (born approximately between 1946 and 1964) in modern media content. The relevance of the study is driven by growing intergenerational tensions, often fueled by simplified images in social networks, cinema, and advertising. The aim is to identify the key stereotypical characteristics attributed to baby boomers and analyze their impact on the public perception of this age group. The methodological basis includes a content analysis of publications on TikTok, Instagram, and Facebook, as well as an analysis of popular films and series from the last decade. The results show that the dominant stereotypes are "technological incompetence," "financial prosperity at the expense of the young," and "conservatism and resistance to change." Special attention is paid to the phenomenon of "OK, Boomer" as a marker of media confrontation. It is concluded that stereotyping serves the function of age demarcation but at the same time levels out individual differences, which can lead to age discrimination (ageism) in professional and social spheres.

Keywords: baby boomers, stereotyping, age groups, media content, ageism, intergenerational conflicts, social media, "OK, Boomer".

Традиционно ономастика занимается изучением имён собственных – личных имён, фамилий, топонимов. Однако на стыке с социолингвистикой сформировалось направление, которое исследует переход нарицательных единиц в разряд имён «речевых масок» (никнеймов, прозвищ, групповых ярлыков). Одним из наиболее показательных примеров такого перехода является термин «бэби-бумер»/ Изначально демографический термин, обозначающий группу людей, родившихся после Второй мировой войны, сегодня он выполняет ономастические функции: выступает как уничижительное прозвище (в меме «ОК, Boomer») и даже как неформальное личное имя (Boomer).

Термин «baby boomer» возник в англоязычном мире как описание резкого подъёма рождаемости (baby boom) после окончания Второй мировой войны. Экономический и демографический «бум» привёл к появлению целого поколения, чья массовость стала их ключевой характеристикой. В ономастическом смысле на этом этапе «бэби-бумер» был ещё чистым апеллятивом – нарицательным именем для группы, объединённой общим историческим периодом. Однако уже к концу XX века, когда это поколение достигло возраста активного влияния на экономику и политику, термин приобрёл оценочный оттенок. Как отмечают исследователи, у бэби-бумеров появились альтернативные самоназвания: «me generation» (поколение «я»), а позже уничижительное «ОК, Boomer» закрепило за термином негативные коннотации [Чечетка, Пашковская, Рыжков 2025].

В современном медиапространстве, перенасыщенном контентом для различных аудиторий, все более отчетливо проявляется тенденция к упрощению образов целых социальных групп. Особенно ярко это выражено в отношении возрастных когорт, где категории «зумеры», «миллениалы» и «бэби-бумеры» превратились не столько в демографические понятия, сколько в набор ярлыков и характеристик. Поколение бэби-бумеров, занимающее уникальное положение – находясь одновременно на пике политического и экономического влияния и в зоне риска из-за возрастных изменений, – стало частым объектом насмешек, критики или, напротив, ностальгической идеализации [Манхейм 2020].

Цель данной статьи – провести комплексный анализ стереотипов о бэби-бумерах, которые транслируются через медиаконтент (кино, телевидение, социальные сети, рекламу), а также выявить социальные последствия такой стереотипизации. Работа построена на принципах социального конструкционизма, согласно которому медиа не просто отражают реальность, но активно конструируют её.

В настоящее время стереотип в массовой коммуникации определяется как схематизированный, эмоционально окрашенный и устойчивый образ социальной группы или явления, распространяемый с высокой частотой [Зырянова, Косяков 2022]. В лингвистических и социологических исследованиях неоднократно подчеркивалось, что стереотип в массовой коммуникации – это упрощённое, обобщённое и часто эмоционально окрашенное представление о социальных объектах, явлениях, группах людей или культурных нормах, которое формируется и распространяется через средства массовой информации (СМИ), рекламу, кино, сериалы и другие каналы [Мингазиева 2011].

Следует отметить, что в последние десятилетия в отношении возрастных групп действует механизм эйджизма – дискриминации человека только на основании его возраста. Как отмечает Е.А. Шапинская, медиа усиливают эйджизм, создавая бинарные оппозиции: «современное – устаревшее», «цифровое – аналоговое», где молодость неизменно ассоциируется с прогрессом, а старость (и даже просто «зрелость» бумеров) – с застоём [Шапинская 2011].

Специфика стереотипизации бумеров заключается в их «пограничном» статусе. Они еще не являются «глубокими стариками» в классическом понимании (многие продолжают активно работать), но при этом их модели поведения сформировались в доцифровую эпоху. Это создает почву для главного стереотипа – «цифрового отставания» – представление о том, что определённые группы населения, регионы или страны по каким-либо причинам не ис-

пользуют цифровые технологии в достаточной степени, что ограничивает их возможности в экономической, социальной и культурной жизни. Этот стереотип связан с понятиями цифрового неравенства, цифрового разрыва и цифрового отставания [Садырtdинов 2024].

На уровне собственно ономастики интерес представляет переход демографического термина в разряд личных имён и прозвищ. В англоязычном пространстве имя Boomer (без прилагательного baby) фиксируется как:

1. Неформальное личное имя (прозвище): самый известный носитель – американский футболист Норман Джулиус "Бумер" Эсиасон, который получил прозвище от матери за активное шевеление в утробе. Это пример того, как звукоподражательная лексема (от глагола to boom – гудеть, издавать громкий звук) становится индивидуальной характеристикой человека.

2. Сценический псевдоним/никнейм: в интернет-культуре «Boomer» часто используется как самопрозвище или как обращение, указывающее на возрастную принадлежность. На форумах и в соцсетях можно встретить никнеймы вроде «BoomerGamer», «BoomerLife», где компонент выполняет идентифицирующую функцию.

3. Брендовое и вымышленное имя: в кино и литературе встречаются персонажи с именем Boomer. Пример – Бумер (Boomer) из мультфильма «Лис и пёс» Disney, где это имя дано персонажу как указание на его неуклюжесть или шумность.

Важно подчеркнуть, что в русскоязычном ономастиконе прямое использование «Бэби-бумер» как имени практически не встречается. Однако в разговорной речи это слово активно функционирует как квази-имя: «Опять этот бумер пришёл...», где родовое имя замещает личное, выполняя стигматизирующую функцию.

Проведенный анализ контента (выборка: 500 постов в соцсетях за 2023-2024 гг. с хэштегами #boomer, #okboomer, 10 художественных фильмов и 5 сериалов) позволяет выделить три ключевых стереотипных портрета.

1. «Технологический имбецил» – это, пожалуй, самый распространенный образ. В ВКонтакте, TikTok и в Одноклассники.ру можно увидеть популярны сценки, где бумер не может распечатать PDF-файл, растерянно смотрит на сенсорный экран или просит «положить документы в облако в папку». В кинематографе этот образ часто служит комическим контрастом: опытный, но технически беспомощный персонаж, которому приходится спасать ситуацию, случайно нажав на клавиатуре не ту кнопку. Важно отметить, что медиа игнорируют тот факт, что многие пионеры IT-индустрии (Стив Джобс, Билл Гейтс) принадлежат к поколению бумеров, что указывает на избирательность стереотипа [Таратута 2022].

2. «Разрушитель экономики». В дискурсе социальных сетей, особенно на площадках вроде TikTok, бэби-бумеры представлены как поколение, «съевшее будущее». Аргументация строится на сравнении цен: стоимость образования, жилья и продуктов в 1970-х против современных. Медиа контент транслирует образ бумера – владельца трех домов, который укоряет молодежь за покупку «кофе с собой» вместо инвестиций [Williams 2019]. Этот стереотип игнорирует экономические циклы, кризисы и разницу в темпах инфляции, предлагая простую морально-оценочную схему.

3. «Консервативный моралист». В художественных фильмах и новостных сюжетах бэби-бумер часто выступает агентом «старых порядков»: он не принимает феминитивов, считает рок-музыку «сатанинской», а видеоигры – бесполезными [Рязанцев 2023]. Этот стереотип эксплуатируется как в либеральных медиа (для критики «отсталых» взглядов), так и в консервативных (как образ «защитника традиционных ценностей»). Однако данный образ вступает в противоречие с исторической ролью бумеров – именно это поколение было авангардом сексуальной революции и движения хиппи.

Рассмотрим феномен «ОК, Boomer» как кульминацию стереотипа. В 2019 году мир облетел мем «ОК, Boomer». («Окей, бумер» (англ. «Ok, boomer») – фраза, которая стала интернет-мемом и саркастическим ответом молодёжи (миллениалов и поколения Z) на нра-

воучения, критику и нелепые шутки старшего поколения.) Это фраза стала универсальным способом для поколений X, Y и Z отмахнуться от любого аргумента, произнесенного человеком старше 55 лет, без фактического обсуждения. Анализ показывает, что «ОК, Boomer» – это прецедентный феномен, где стереотип превращается в инструмент социальной борьбы. Медиа контент перестал просто изображать бумеров глуповатыми; он легитимизировал право молодежи не слушать их вовсе. Это привело к обратному эффекту – появлению контента, производимого самими бумерами в защиту (например, Rutube TV-каналы), что лишь упростило циркуляцию исходного стереотипа.

Особо следует подчеркнуть, что стереотипное изображение бэби-бумеров в медиа имеет реальные последствия [Анциферова 2021]. На макроуровне – это маргинализация опыта. Работодатели, посмотревшись мемов, могут воспринимать сотрудников 55+ как необучаемых. На микроуровне – это разрушение семейных связей, когда дети отказываются принимать советы родителей не потому, что они плохи, а потому, что родители – «бумеры». В то же время стоит отметить и позитивную функцию стереотипов для самой возрастной группы. В ответ на унификацию «плохими бумерами» внутри сообщества возникают солидаризирующие медиапроекты, транслирующие гордость за свой возраст и достижения. Например, в России есть несколько медиапроектов, которые транслируют гордость за возраст и достижения. Один из них – ток-шоу «Гордость „Московского долголетия“». В 2022 году в рамках данного проекта состоялось онлайн-ток-шоу, где участники старшего поколения рассказывали о своих достижениях. Они делились историями о том, как в «серебряном» возрасте стали актёрами, танцорами, художниками, начали писать стихи и прозу, выучили несколько иностранных языков и многое другое. Прямое включение велось из открытой студии «Московского долголетия» в Екатерининском парке. Заместитель руководителя Департамента труда и социальной защиты населения Москвы Владимир Филиппов отметил, что участники проекта стали примером для других жителей старшего поколения, так как преодолели стереотипы и изменили свою жизнь [<https://dszn.ru/press-center/news/9301>].

В заключение подчеркнем, что медиа контент играет двойственную роль в отношении поколения бэби-бумеров. С одной стороны, он упрощенно демонизирует их, приписывая технофобию, финансовое эгоистическое прошлое и моральный консерватизм. С другой – использует этот же стереотип для производства бесконечного количества «смешных» вирусных роликов. Проведенный анализ показывает, что стереотип о бумерах в современной медиасреде превратился в самостоятельный культурный код, который служит маркером межпоколенческих границ. Дальнейшие исследования могут быть направлены на поиск способов дестигматизации возрастных групп в цифровой среде, а также на создание более сложных, многомерных репрезентаций зрелого возраста в искусстве и массовой культуре.

Библиографический список

1. Анциферова А.В. Поколенческий подход в социологии: история и современность // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 45-53.
2. Чечетка В.И., Пашковская Н.Д., Рыжков О.И. Страноведческие и идеологические коннотации периферийных онимов (на примере немецкого и английского языков) // Актуальные вопросы филологии и журналистики. № 4 (59). 2025. С. 98-103.
3. Манхейм К. Проблема поколений // Новая литературная обозрение. 2018. № 2. С. 7-47.
4. Шапинская Е.А. Эйджизм в культуре постмодерна: стареть или не стареть? // Культура культуры. 2020. № 1. С. 12-19.
5. Таратута Е.О. Поколения Y и Z: новые медиа против бэби-бумеров // МедиаАльманах. 2022. № 5 (106). С. 78-85.

6. Williams, A. The Baby Boomers Are Here to Stay // Journal of Aging Studies. 2019. Vol. 51. P. 100-109. [Цит. по: русскоязычный реферат в журнале «Социальная психология»].

7. Рязанцев С.В. Образ пожилого человека в российских социальных сетях: от насмешки к дискриминации // Демоскоп Weekly. 2023. № 951-952. URL: <http://www.demoscope.ru> (дата обращения: 15.10.2024).

8. Мингазиева К.Р. Массовые коммуникации и социальные стереотипы // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2011. № 5-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/massovye-kommunikatsii-i-sotsialnye-stereotipy> (дата обращения: 01.05.2026).

9. Зырянова И.Н., Косяков В.А. Суггестивное воздействие стереотипов (на материале современных англоязычных СМИ, создающих образ России) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suggestivnoe-vozdeystvie-stereotipov-na-materiale-sovremennyh-angloyazychnyh-smi-sozdayuschih-obraz-rossii> (дата обращения: 01.05.2026).

10. Садырtdинов Р.Р. Цифровой разрыв в сельской России: последствия пандемии COVID-19 // Ars Administrandi. 2024. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-razryv-v-selskoy-rossii-posledstviya-pandemii-covid-19> (дата обращения: 01.05.2026).

11. ВКонтakte <https://vk.com/>

12. Одноклассники <https://ok.ru>

13. MAX <https://max.ru/mosdolgoletie>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Алешин Никита Сергеевич,

магистрант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации

АНОВО «Московский международный университет»

e-mail: nikita-aleshin-2003@mail.ru

Alyoshin Nikita Sergeevich,

Master's student of the Department of Linguistics and Intercultural Communication

Autonomous non-profit organization of higher education «Moscow International University»

e-mail: nikita-aleshin-2003@mail.ru

Чечетка Валентина Ивановна,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и технологии перевода

Воронежского государственного технического университета

SPIN-код: 1138-2588

e-mail: chechetkavalentina@yandex.ru

Chechetka Valentina Ivanovna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Translation Technology

Voronezh State Technical University

SPIN-код: 1138-2588

e-mail: chechetkavalentina@yandex.ru

ОНИМНАЯ ПЕРИФЕРИЯ ONYM PERIPHERY

УДК 811.161.3'373.21:7.024

М. А. Овсяник

*Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина
(Мозырь, Республика Беларусь)
e-mail: ovsyanyk.marina.mozyr@gmail.com*

ТОПОНИМЫ В СОСТАВЕ АРТИОНИМОВ СОВРЕМЕННЫХ БЕЛОРУССКИХ ХУДОЖНИКОВ

В настоящей работе приведен результат лингвокультурологического анализа топонимического компонента в артионимах современных белорусских художников. На материале конкретных картин выделены и классифицированы типы используемых топонимов (ойконимы, гидронимы, хоронимы, урбанонимы, дримонимы), а также выявлен специфический вид – гефиронимы (названия мостов), не отмеченный в базовой классификации Н. В. Подольской. Исследование демонстрирует, что доминирование топонимов, связанных с родным краем (Минск, реки Сож и Свислочь, регионы вроде Полесья и Браславщины), визуализирует центральную для национального искусства тему красоты и значимости родной земли. Артионимы с топонимическим компонентом рассматриваются как важные носители культурного кода и географические «метки», фиксирующие историческую, социальную и культурную память белорусского общества в его художественном самовыражении.

Ключевые слова: артионим, топоним, ономастика, ойконим, гидроним, урбаноним, географический образ, национальная идентичность.

М. А. Ovsyanik

*Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin
(Mozyr, the Republic of Belarus)
e-mail: ovsyanyk.marina.mozyr@gmail.com*

TOPONYMS IN THE COMPOSITION OF ARTIONYMS IN THE WORKS OF CONTEMPORARY BELARUSIAN ARTISTS

The results of a linguoculturological analysis of the toponymic component found in the artionyms of contemporary Belarusian artists are presented in this study. Based on the material of specific artworks, the types of used toponyms (oikonyms, hydronyms, horonyms, urbanonyms, drimonims) are identified and classified, and a specific type — gephyronyms (names of bridges) — not noted in the basic classification by N. V. Podolskaya, is revealed. The study demonstrates that the dominance of toponyms associated with the native land (Minsk, the Sozh and Svisloch rivers, regions such as Polesia and Braslavshchina) visualizes the theme central to the national art: the beauty and significance of the homeland. Artionyms with a toponymic component are considered important carriers of the cultural code and geographical "markers" that record the historical, social, and cultural memory of Belarusian society in its artistic expression.

Key words: artionym, toponym, onomastics, oikonym, hydronym, urbanonym, geographical image, national identity.

В современном научном дискурсе наблюдается устойчивая тенденция к комплексному изучению взаимосвязей языка и культуры. Язык все чаще становится объектом междисциплинарного анализа, осуществляемого в рамках лингвокультурологии, психолингвистики, этнолингвистики и других смежных областей знания. Данная исследовательская парадигма закономерна, поскольку язык представляет собой фундаментальный носитель и форму существования национальной культуры. Одним из объектов, находящихся в поле пересечения

этих феноменов, являются номинации произведений изобразительного искусства, для обозначения которых Н. В. Подольской в «Словаре русской ономастической терминологии» был введен специальный термин *артионим*. Артионим – это «вид идеонима, название произведения искусства (живописи, графики, пластики, музыки, кино, театра) [Подольская 1978 : 87]. Исследованием названий предметов духовной культуры занимались многие ономатологи (А.В. Антропова, Е.А. Бурмистрова, Д.Д. Дрошнев, Т.В. Ефремова, Л.А. Климкова, Т.И. Плужникова и др.).

Артионимы, составляющие главный фонд культуроведческой информации языкового сообщества, часто имеют в своем составе в качестве компонента определенный топоним. Популярность того или иного топонима в качестве компонента артионимической конструкции позволяет говорить о важности и значительности определенного географического объекта для культурного фонда всего языкового сообщества [Ахметова 2020 : 19]. Данное исследование направлено на выявление основных видов топонимического ономастикона, согласно классификации Н.В. Подольской, содержащихся в артионимиконах на примере произведений живописи современных белорусских художников.

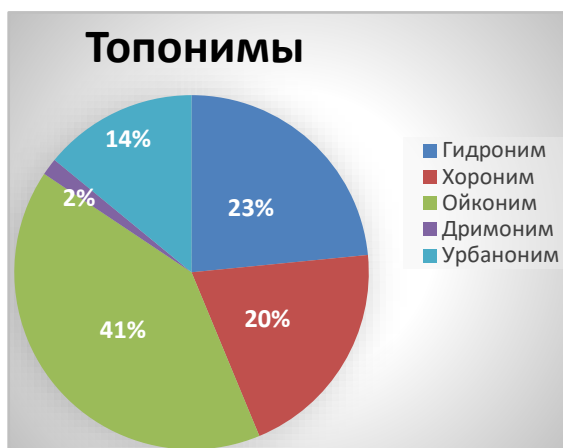
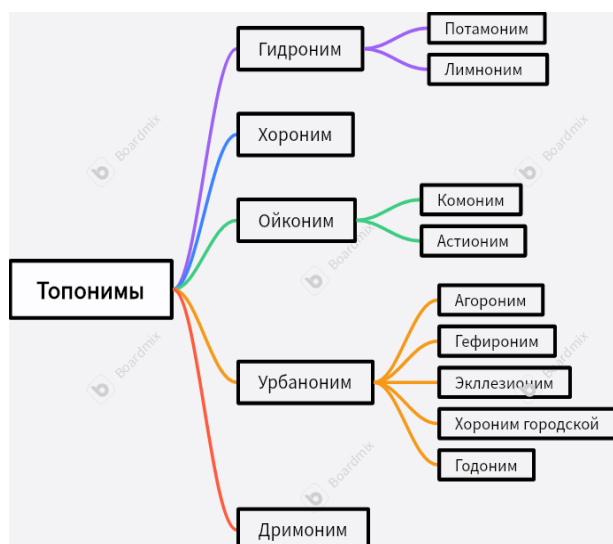
Произведения именно современных белорусских живописцев были определены для анализа так как II половина XX века характеризуется в истории развития изобразительного искусства Беларуси как «период оживления и новых тем». До 50-х годов XX века тематика художественных произведений была строго регламентирована государством. Главными темами того периода были: история революции и ВКП (б)/ КПСС, трудовая героика (строительство заводов, работа колхозников, портреты передовиков, вождей), оптимистические жанровые сцены из советской жизни [История белорусского искусства 1992 : 5 : 94].

В 50-е годы наблюдался постепенный отход от канонов соцреализма, обращение к личному, эмоциональному, возврат к национальной истории и памяти о войне [История белорусского искусства 1992 : 5 : 180] («Разрушенный Минск» М. П. Станюта, 1944), расцвет лирического пейзажа («На реке Сож» Кудревич В. Н., 1944), поэтизация простой белорусской природы, деревни («Свислочь. Ждановичи» Кудревич В. Н., 1951).

70-80 гг. XX называют "золотым веком" белорусской живописи. Доминирующей темой становится красота родной земли, выраженная через богатую, декоративную палитру. Ключевыми темами являются образ Родины как гармоничный, целостный мир [История белорусского искусства 1992 : 6 : 204] («Просторы Новополоцка» Ткаченко А.А., 1971, «Вечерний Брест» Шикин В.К., 1974); городские пейзажи («Вид на Мядель» Хорошевич К.И., «Улочка в Полоцке» Мемус Алесь, 1986); историческая живопись («Партизаны Минщины» Кроль А.И., «Форсирование Днепра», Крупский И.Г).

Распад СССР дал живописцам свободу для экспериментов и возврата к запрещенным темам. Ключевыми темами стали осмысление сложной национальной истории и потерянное культурное наследие [История белорусского искусства 1992 : 6 : 212] («Кастусь Калиновский на Яхимовщине. За нашу и вашу свободу. Памяти восстания в Беларуси 1863г.» Хорошевич К.И., 2003; «Владимир Короткевич. Через вечность» Левкович М.В. 2001).

Анализ топонимов в составе отобранных артионимов позволил выделить 5 типов топонимов – гидроним, хороним, ойконим, дримоним и урбаноним. Самую многочисленную группу составляют ойконимы – собственное имя любого поселения [Подольская 1978 : 93]. Общее количество ойконимов является суммой артионимов (названия городского поселения [Подольская 1978 : 39]) и комонимов (названия сельского поселения [Подольская 1978 : 66]).

Самым популярным астионимом является *Минск*. Минск – столица Беларуси, ее политический, экономический и культурный центр. Именно виды Минска представлены на полотнах художников в разные исторические эпохи, что позволяет сформировать представление о развитии мегаполиса и пути к независимости. («Разрушенный Минск» Станюта М.П., 1944; «Старый Минск» Дучиц Н.В., 1953; «Минск. Полдень» Басов И.М., 1960; «Новый Минск» Кроль А.И., 1969). Среди других астионимов можно назвать *Полоцк*, *Витебск*, *Заславль*, *Молодечно*, *Шклов*.

Комонимы, входящие в состав артионимической конструкции в качестве компонента можно представить следующими примерами: «Деревня Долгополле» Ковалев А.Ф., 1988; «Дорога в Гольшаны» Хорошевич К.И.; «Осень в Бешенковичах» Шиенок А.С., 2004.

Гидронимы – вид топонима, которые являются собственным именем любого водного объекта, природного или созданного человеком [Подольская 1978 : 46], являются второй по численности группой, определенной в составе исследуемых артионимов. Они составляют 23% от числа всех топонимов. В состав данной группы входят потамонимы – имена собственные любой реки [Подольская 1978 : 112]: («Дожливый день. Двина» Лейтман Л.М., 1934; «На реке Свислочь» Рей И.П., 1981; «На реке Сож» Кудревич В. Н., 1945) и лимнонимы – имена собственные озера, пруда [Подольская 1978 : 69] («Белое озеро» Драненко Н.А., 1987; «Восстание рыбаков на озере Нарочь» Цвирко В.К.). В ходе анализа нами не было выявлено ни одного океанонима (имя собственное океана [Подольская 1978 : 93]) и ни одного пелагонима (имя собственное моря [Подольская 1978 : 108]), что еще раз подтверждает основную тематику произведений белорусских художников II половины XX века: красота родного края.

Хоронимы, (собственное имя любой территории, области, района [Подольская 1978 : 160]) составляют $\frac{1}{4}$ часть от всех рассмотренных нами топонимов в качестве компонента артионимической конструкции. В качестве примера можно привести название работы Масленникова П.В. «На равнинах Полесья», 1980, Кроль А.И. «Земля колхозная. Браславщина», 1981.

В составе урбанонимов рассмотренных артионимических конструкций нами были следующие виды топонимов:

1. агороним (название городской площади, рынка [Подольская 1978 : 27]): «Площадь Победы» Ли С.Д.;

2. экллезιονим (собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии; в том числе название церкви, часовни, креста, источника, дерева [Подольская 1978 : 164] «Спасо-Ефросиньевская церковь в Полоцке» Иванов У.У., 1998; «В Полоцком Спасо-Ефросиньевском монастыре» Левкович М.В., 1994:

3.городской хороним (собственное имя части территории города, в том числе парка, района, квартала, кладбища» [Подольская 1978 : 160] «Центральный сквер» Станюта М.П., 1951;

4.годоним (название линейного объекта в городе, в том числе проспекта, улицы, переулка, бульвара [Подольская 1978 : 50] «Минск, ул. Кирова» Басов И.М.

В ходе исследования артионимических конструкций и определения видов топонимов в качестве главного компонента, нами был установлен еще один вид топонима – гефироним, который у указан в классификации Н.В. Подольской. Гефиронимы – названия мостов. Этот вариант написания термина предложили Г.Б. Мадиева и В.И. Супрун в работе «Система современной русской урбанонимической терминологии» [Мадиева 2023 : 112]. Примером гефиронима в качестве компонента артионима является название художественного полотна Шикина В. К. «Кобринский мост», 1947.

Единичным примером дримонима (собственное имя любого лесного участка, леса, бора, роши [Подольская 1978 : 56]) является Налибокская пуца, изображенная на одноименном полотне Н.И. Счасной, 1975.

Таким образом, семантический потенциал артионимов, связанных с топонимикой Беларуси, позволяет отражать наиболее яркие черты местности, обусловленные её исторической, социально-экономической, культурной жизнью. Такие артионимы являются своеобразной географической «меткой» и содержат культурный код территории. При этом, как отмечает Т.И. Петухова, «внешняя речевая деятельность, представляющая собой вербальную оценку произведения живописи, может иметь место непосредственно в момент восприятия, а также может реализовываться спустя некоторое время в определённой коммуникативной ситуации» [Петухова 2006 : 20].

Библиографический список

- 1)Ахметова А. Р. Артионимы как культурный феномен текста города [Электронный ресурс] // Вестник Приамурского государственного университета им .Шолом-Алейхема. 2020. № 2 (39). С. 19–24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/artionimy-kak-kulturnyy-fenomentekstageroda/viewer> (дата обращения: 29.01.2026).
- 2) История белорусского искусства: в 6 т. Т. 5: 1941–да 1960-х гг. / ред. тома П.А. Карнач. Мн: Навука і тэхніка, 1992. 255 с.
- 3) История белорусского искусства: В 6 т. Т. 6. Начало 1960-х – середина 1980-х. / ред.тома В.И.Жук). Мн.: Навука і тэхніка, 1994 375 с.
- 4) Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Система современной русской урбанонимической терминологии [Электронный ресурс] // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20, № 3. С. 100–120. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=>(дата обращения: 29.01.2026).
- 5) Петухова Т.И. Развитие речи младших школьников в процессе восприятия произведений живописи (на материале пейзажа) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Петухова Татьяна Ивановна; [Место защиты: Моск. пед. гос. ун-т]. М., 2006. 24 с.
- 6) Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 198 с.
- 7) Проект «Наши люди»: биобиблиографическая база данных деятелей Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://nashi-lyudi.by/> (дата обращения: 29.01.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Овсяник Марина Александровна

магистр филологических наук,
преподаватель кафедры иностранных языков
и методики преподавания ИЯ

Мозырского государственного педагогиче-
ского университета имени И. П. Шамякина,
SPIN-код: 5678-9495,

e-mail: ovsyanik.marina.mozyr@gmail.com

Ovsyanik Marina Alexandrovna,

Master of Philological Sciences, lecture of the
Department of Foreign Languages and teach-
ing methods,

Mozyr State Pedagogical University named af-
ter I. P. Shamyakin,
SPIN-code: 5678-9495 ,

e-mail: ovsyanik.marina.mozyr@gmail.com

УДК 811.111

М.А. Ананьина

*Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина,
(г. Екатеринбург, Российская Федерация,
e-mail: ananinama@yandex.ru)*

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА АЛЛЮЗИВНЫХ АНТРОПОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКОЙ ПРОЗЫ XX ВЕКА)

В настоящей работе рассматривается лингвокогнитивный потенциал аллюзивных антропонимов. Аллюзивный антропоним является средством категоризации личностных признаков в художественном тексте. Предметом исследования послужили лингвокогнитивные особенности аллюзивного антропонима как репрезентанта концепта. Основными методами исследования явились метод сплошной выборки, контекстуальный метод и метод концептуального анализа. Результаты исследования показали, что доминирующей в количественном отношении является характеристика личности по общности выполняемой деятельности и интересам, причем наибольшей плотностью обладают группы имен писателей, поэтов, музыкантов, ученых, религиозных деятелей, политиков, художников, скульпторов, актеров, ремесленников и банкиров. Затем следуют признаки, характеризующие личность по наклонностям и включающие имена диктаторов, путешественников и продюсеров. Менее номинативно плотной явилась группа признаков, характеризующих личность по особенностям внешности. Данная группа включает большое разнообразие имен писателей (Woolf), ученых (Einstein), библейских героев (Jezebel, Herodias), мифологических персонажей (Aphrodite, Siegmund) и других антропонимов. В классификацию был добавлен признак характеризации личности по внутреннему состоянию (Orestes, Gulliver, Dante, Hamlet, Ophelia и другие). Полученные результаты представляется возможным применить в курсах стилистики английского языка, когнитивной лингвистики, интерпретации художественного текста.

Ключевые слова: аллюзивный антропоним, аллюзивный антропонимический концепт-представление, художественный текст, когнитивная категоризация, современная британская литература.

М.А. Ananyina

*Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russian Federation)
e-mail: ananinama@yandex.ru*

FEATURES OF REALIZING THE LINGUOCOGNITIVE POTENTIAL OF ALLUSIVE ANTHROPONYMS (BASED ON BRITISH PROSE OF THE XX CENTURY)

This paper examines the linguistic and cognitive potential of allusive anthroponyms. An allusive anthroponym is a means of categorization of personal characteristics in a literary text. The subject of the study was the linguistic and cognitive features of allusive anthroponyms as representatives of concepts. The main research methods were continuous sampling, contextual analysis and conceptual analysis. The results of the study showed that the dominant characteristic in quantitative terms was categorization based on common activities and interests, with the highest density found in the groups of names of writers, poets, musicians, scientists, religious figures, politicians, artists, sculptors, actors, craftsmen, and bankers. This was followed by characteristics that define a personality on the ground of their inclinations and include the names of dictators, travellers, and producers. Less nominatively dense was the group of characteristics that qualify a person by their appearance. This group includes a wide variety of names of writers (Woolf), scientists (Einstein), biblical heroes (Jezebel, Herodias), mythological characters (Aphrodite, Siegmund) and other anthroponyms. A feature characterising personality by internal state (Orestes, Gulliver, Dante, Hamlet, Ophelia, and others) was added to the classification. The results obtained can be applied in courses on English stylistics, cognitive linguistics, and literary text interpretation.

Key words: allusive anthroponym, allusive anthroponymic concept-representation, literary text, cognitive categorisation, contemporary British literature.

В данной работе предметом исследования является лингвокогнитивная природа аллюзивного антропонима. Аллюзивный антропоним определяется как языковая единица, используемая автором художественного текста, с «целью раскрытия экспрессивного обозначения определенных персон с помощью аллюзивного использования имен известных личностей» [Исмаилова 2017 : 104]. Э.А. Исмаилова, вслед за Ю.Н. Карауловым, Д.Б. Гудковым, М.А. Соловьевой и М.А. Захаровой, считает, что аллюзивный антропоним актуализируется только в конкретном художественном тексте, является символом прецедентного текста, имеет определенную референтную отнесенность [Исмаилова 2017: 104]. Аллюзивный антропоним теряет связь с первичным референтом и может использоваться в составе стилистического приема для характеристики определенного лица или неодушевленного предмета. В основе переосмысления значения аллюзивного антропонима лежат различные процессы переноса смысла, такие, как метафора, метонимия, а также семантические сдвиги в виде синекдохи, сужения или расширения значения в контексте художественного текста.

Принимая во внимание наличие различных трактовок и схем анализа когнитивной составляющей концепта, мы применили при анализе аллюзивных антропонимов классификационные параметры проприальной лексики, предложенные А.А. Уфимцевой [Цит. по: Тхорик 2000 : 92]. Результаты исследования лингвокогнитивной природы аллюзивного антропонима как средства категоризации личностных признаков в романе Дж. Фаулза «Волхв» изложены в работе [Ананьина 2024]. В данной статье в качестве материала были взяты художественные произведения современных британских писателей XX века С. Моэма «Маг», «Театр», «Бремя страстей человеческих», «Пирог и пиво», Разрисованный занавес», Д.Н. Лоуренса «Нарушитель границ», В. Вульф «На маяк», «Орландо», О. Хаксли «О дивный новый мир». К основным направлениям структурализации системы антропонимов В.И. Тхорик относит, ссылаясь на классификацию А.А. Уфимцевой, такие характеристики человека, как: 1) трудовая деятельность; 2) специальность; 3) коллектив; 4) чьим последователем человек является; 5) общность деятельности, интересов; 6) подчиненность; 7) отношение к собственности; 8) место жительства; 9) возраст; 10) пол; 11) родство; 12) национальные, расовые признаки; 13) наклонности; 14) интеллект [Тхорик 2000 : 92]. Данные характеристики личности основываются на биологических, физиологических, природных свойствах человека, социальных, трудовых, родственных отношениях, сфере психической деятельности, интеллектуальных особенностях, эмоциональных переживаниях. Человек многогранен, его особенности могут быть изучены с разных позиций и точек зрения, в различных аспектах. В.И. Тхорик выделяет такие лексические группы, в которых ярче всего представлены коннотативные реалии, в частности, слова, выступающие в качестве символов; фольклорные, исторические и литературные, книжные аллюзии; языковые аллюзии, содержащие намек на какой-либо фразеологизм, пословицу или поговорку [Тхорик 2000: 272]. Таким образом, аллюзивные имена в этой классификации относятся к лексике, представляющей коннотативные реалии.

Выборку составили более 500 аллюзивных антропонимов, репрезентирующих аллюзивные концепты-представления, используемых в функции первичной номинации, преимущественно в прямом значении. Понятийный слой данных концептов находится в стадии формирования и не является профилированным. Результаты анализа личностных признаков, средством категоризации которых выступили аллюзивные антропонимы, в соответствии с классификацией А.А. Уфимцевой, показали, что самой многочисленной группой признаков явилась характеристика человека по общности выполняемой деятельности и интересам. Данная группа репрезентирована именами писателей, таких, как Browning, Tennyson, Shelley, David Macaulay, George Meredith, Walter Pater, John Ruskin; философы: Aristotle, Epictetus, Jean Jacques Rousseau; поэтов: Eliot, Auden, Baudelaire, Wordsworth; музыкантов: Haydn's, Mozart (3 times), Wagner, Joni Mitchell, Bob Marley, Michael Jackson; ученых: Cornelius Agrippa, Swedenborg, Pascal, Pascal, Pascal, Riemann; религиозных деятелей: Lactanius, Saint Augustine, Torquemada, Delancre, Hauber, Delrio, Sprenger, Saint Anne, Saint John the Baptist, Francis

Xavier; политиков: Caesar, Augustus, Kait Bey, the Mamluke Sultans, Louis XV; художников, скульпторов: Michael Angelo, Lawrence's portrait, Titian, McEvoy, Watteau, Fragonard, Claude Lorraine; актеров: Kemble, Mrs. Siddons, Kemble, Coquelin; ремесленников: Spode, Wedgewood, Chippendale, Savonnerie; банкиров: Rothschild, Diesel, Ford.

Была выделена значительная в количественном отношении группа, характеризующая личности по наклонностям. К ней относятся имена диктаторов (the Emperor Christophe (2 times), Castro, Hitler (3 times), путешественников (Columbus), продюсеров (Sam Goldwyn).

Меньшей в количественном отношении явилась группа аллюзивных антропонимов, актуализирующих признаки, позволяющие осуществить категоризацию по внешнему виду человека. К ним относятся такие аллюзивные антропонимы, как Worzel Gummidge's friend; Hitler; Renoir; El Greco, her Gorgonlike morning face, Michelangelo's Moses; Siegmund, Siegfried; Hogarth; Sherlock Holmes; a Guy Fawkes, Banquo's ghost; Endymion, Apollo, Pan, the Duke of Wellington, Jean-Claud Van Damme, modern Jesus; Aphrodite, Diane de Poitier, Clouet, Goya's *Maja Desnuda*, Récamier, Degas, Virginia Woolf (3 times), Pamela Anderson; the mother of Mary, the daughters of Herodias, Circe's wand, Jezebel, Cleopatra, Messalina, Mahomet, Pan, Dylan Thomas, Einstein (2 times), Ryan Giggs, Michael Jordan.

Затем следует группа имен, характеризующих человека по внутреннему состоянию. Данный признак был выявлен в выборке и добавлен нами в существующую классификацию личностных признаков. К ним относятся такие имена, как Orestes, Lewis Carroll's queens before Alice, Oedipus, *Don Quixote*; Gulliver; Dante, Hamlet, Ophelia; Robinson Crusoe; Adonis; Tristan, Isolde, Bazarof; Morgana, Beregaría.

Мифологические и библейские герои вербализуют культурно-исторические особенности бытования имен в первоначальных контекстах, поэтому они не могут быть полностью классифицированы в рамках предложенных А.А. Уфимцевой типов характеристики, однако некоторые имена используются для характеристики внешности героя (Daphne). Ряд вербализуемых признаков концептов служат для характеристики неодушевленных объектов и ситуаций, божества (устаревший язык (Dickens), катастрофа (Titanic), история с жестоким сюжетом (Maupassant), быстрый бег (Hector), красота природы (Titians, Carpaccio, Thomas Hood), божество (Brahma, Vishnu, Siva, Isvara, Ogoun Ferraille), морское божество (Neptune, Poseidon, my Poseidon), красота звучания поэтической речи, музыки (the divine music of Keats's lines, the sounds of Orpheus's lyre, the Phèdre of Racine, a Beethoven symphony, the Grail music); красота живописи, скульптуры (Cézanne, a print of Gioconda, Bronzino, Ribera, Valdes Leal, Gustav Moreau, Mona Lisa, Albrecht Dürer, Le Nain).

Наблюдаются группы когнитивных признаков, связанные с женской красотой, отсутствуют признаки жестоких поступков, неприятной внешности. Представления в начале XX века относятся к образам писателей, политических деятелей. На первый план выдвигается эстетическая составляющая. Концепты-представления вербализуются именами в первичной номинативной функции, актуализируется информационно-образный слой концептов, поэтому выделенные группы признаков наиболее приближены к классификации по источникам. Понятийный слой концептов находится в стадии формирования или не является профилированным.

Библиографический список

1. Ананьина М.А. Аллюзивный антропоним как компонент художественного концепта // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2024. № 3(34). С. 75-79. EDN MQHENK.
2. Вульф В. Орландо : книга для чтения на английском языке. Санкт-Петербург : КАРО, 2023. 320 с.

3. Исмаилова Э.А. Аллюзивные антропонимы в английском публицистическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5-1(71). С. 103-105. EDN YLPYIR.
4. Лоуренс Д. Г. Нарушитель: роман; на англ. яз. Новосибирск: Норматика, 2018. 140 с.
5. Моэм У. С. Разрисованный занавес. Роман. На английском языке. М.: Издательство «Менеджер», 2004б. 272 с.
6. Моэм У. С. Маг. Роман. На английском языке / Комментарий В.А. Ильиной. М.: Издательство «Менеджер», 2005. 256 с.
7. Моэм У. С. Пирог и пиво. Книга для чтения на английском языке. М.: Издательство «Менеджер», 2004а. 256 с.
8. Моэм У. С. Разрисованный занавес. Роман. На английском языке. М.: Издательство «Менеджер», 2004б. 272 с.
9. Тхорик В. И. Языковая личность (лингвокультурологический аспект) : дис. д-ра филол. наук : 10.02.19. Краснодар, 2000. 304 с. EDN NLSTPD.
10. Хаксли О. Brave New World = О дивный новый мир. СПб. : Издательство «Антология», 2018. 320 с.
11. Joyce J. A Portrait of the Artist as a Young Man. Penguin Random House UK, Vintage, 2022. 262 p.
12. Maugham W. S. Of Human Bondage. New York: The Sun Dial Press, 1936 (reprint). 684 p.
13. Wodehouse P. S. The Luck of the Bodkins. Arrow Books, 2002. 358 p.
14. Woolf V. To the Lighthouse. Hertfordshire: Wordsworth Classics, 2002. 160 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ананьина Марина Александровна,
канд. филол. наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация, доцент кафедры германской филологии,
SPIN-код: 8172-6078
e-mail: ananinama@yandex.ru

Ananyina Marina Aleksandrovna,
Candidate of Philological Sciences,
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia, Associate Professor at the department of Germanic Philology,
SPIN-code: 8172-6078,
e-mail: ananinama@yandex.ru

УДК 811.161.1

Е.А. Попова

Липецкий государственный педагогический университет имени

П.П. Семенова-Тян-Шанского

(Липецк, Российская Федерация)

e-mail: elenapopova2410@mail.ru

К.А. Хассан

Липецкий государственный педагогический университет имени

П.П. Семенова-Тян-Шанского

(Липецк, Российская Федерация)

e-mail: katya312001@gmail.com

ПАЛЕСТИНА И «ПАЛЕСТИНСКИЕ» ТОПОНИМЫ КАК КОННОТАТИВНЫЕ ОНИМЫ И ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается семантическая трансформация трех библейских топонимов – *Палестина*, *Иордан*, *Иерихон* – в русском языке и культуре. На материале лингвистических словарей русского языка, Национального корпуса русского языка, фрагментов из текстов разных видов (художественных, фольклорных, мемуарных, публицистических и др.) прослеживается семантическая эволюция данных имен собственных: от географических названий к средствам вторичной номинации – коннотативным онимам, прецедентным феноменам, апеллятивам, функционирующим в русской лингвокультуре. Авторы приходят к выводу, что эти элементы сакральной топонимии, претерпев семантическое развитие, в том числе связанное с десакрализацией, стали неотъемлемой частью языковой картины мира русского народа, русского культурно-языкового сознания, национального культурного кода, они выступают в качестве репрезентантов ключевых концептов русской культуры и языка (коннотоним *П(н)алестина* и фразема *родные палестины* входят в число репрезентантов концепта *Родина*).

Ключевые слова: коннотативные онимы, прецедентные феномены, библейские топонимы, Палестина, Иордан, Иерихон, русская лингвокультура, апеллятивы, семантическая трансформация.

Е. А. Popova

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

(Lipetsk, Russian Federation)

e-mail: elenapopova2410@mail.ru

K. A. Hassan

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

(Lipetsk, Russian Federation)

e-mail: katya312001@gmail.com

PALESTINE AND PALESTINIAN TOPONYMS AS CONNOTATIVE ONYMS AND PRECEDENT PHENOMENA OF RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE

The article examines the semantic transformation of three biblical toponyms – Palestine, Jordan, Jericho – in the Russian language and culture. Drawing on materials from linguistic dictionaries of the Russian language, the Russian National Corpus, and excerpts from various types of texts (fiction, folklore, memoir, journalistic, and others), the study traces the semantic evolution of these proper names from geographical names to means of secondary nomination – namely, connotative onyms, precedent phenomena, and common nouns (appellatives) functioning within Russian linguoculture. The authors conclude that these elements of sacred toponymy, having undergone semantic development, including processes of desacralization, have become an integral part of the Russian linguistic worldview, Russian cul-

tural-linguistic consciousness, and the national cultural code. They serve as representatives of key concepts in Russian culture and language, the connotative P(p)alestina and the phrase *native lands* are among the representatives of the concept of Homeland.

Key words: connotative onyms, precedent phenomena, biblical toponyms, Palestine, Jordan, Jericho, Russian linguoculture, appellatives, semantic transformation.

Географические названия, связанные со Святой землей – Палестиной, занимают особое место в русской языковой картине мира. Такие топонимы, как *Палестина*, *Иерусалим*, *Иордан*, *Иерихон*, *Вифлеем*, *Голгофа*, *Сион*, *Иудея* и др., давно перестали быть лишь обозначениями конкретных мест на Ближнем Востоке, т.е. средствами первичной номинации. В процессе их культурно-языкового освоения они превратились в сложные семиотические единицы – коннотативные онимы, содержащие дополнительные значения, эмоции и оценки. Более того, они стали неотъемлемой частью культурно-языкового сознания представителей русской нации, выступая в роли прецедентных феноменов русской лингвокультуры – устойчивых, узнаваемых образов, к которым носители языка обращаются для выражения таких ключевых концептов русской языковой картины мира, как *Родина*, *вера*. Данная статья на материале лингвистических словарей (толковых, исторических, специализированных), Национального корпуса русского языка, текстов разных видов прослеживает, как происходит трансформация палестинских топонимов в средства вторичной номинации (коннотонимы, прецедентные имена, апеллятивы), элементы национального культурного кода.

Рассмотрим последовательно три «палестинских» топонима – *Палестина*, *Иордан*, *Иерихон* – и начнем с имени, которое дало название всей Святой земле и является базовым для сакральной топонимии, – *Палестина*.

Изначально Палестина – это историческая область на Ближнем Востоке, ставшая для христиан Святой землей: «**ПАЛЕСТИНА**. Латинизированная форма *греч.* Παλαιστίνη от *евр.* Первоначальное название узкой полосы плодородной земли вдоль Средиземного моря, населенной филистимлянами; впоследствии Палестиной стала называться вся земля евреев, которую Бог обещал отдать им во владение» [Мокиенко, Лилич, Трофимкина 2010 : 350]. Палестина – «историческая область в Западной Азии (восточной провинции Римской империи), где в I в. н.э. возникло христианство, связанное с верой в Иисуса Христа как богочеловека, спасителя мира» [Отин 2006 : 287]. В следующих фрагментах из мемуаров А.Н. Вертинского и В.Н. Муромцевой-Буниной топоним *Палестина* употреблен в качестве средства первичной номинации, причем этот топоним вынесен в заглавие соответствующей главы мемуаров обоих авторов («Палестина» у А.Н. Вертинского, «В Палестине» у В.Н. Муромцевой-Буниной): «Огромный французский пароход “Теофиль Готье” увозил меня из Марселя. У меня имелся ангажемент на ряд концертов в **Палестине**» (А.Н. Вертинский. Дорогой длиною...) [Вертинский 1990 : 231]; «Д.С. Шор со своим отцом плыли в **Палестину**» (В.Н. Муромцева-Бунина. Беседы с памятью) [Муромцева-Бунина 1989 : 316].

В стихотворении М.Ю. Лермонтова «Ветка Палестины» (1837) топоним *Палестина*, употребленный в роли зависимого компонента в составе словосочетания, сохраняя географическое значение, вместе с главным словом словосочетания становится метонимическим обозначением Святой земли, ее символом: «Скажи мне, **ветка Палестины**: / Где ты росла, где ты цвела? / Каких холмов, какой долины / Ты украшением была? // <...> Заботой тайною хранима / Перед иконой золотой / Стоишь ты, **ветвь Ерусалима**, / Святых верный часовой! // Прозрачный сумрак, луч лампы. / Кивот и крест, символ святой... / Всё полно мира и отрады / Вокруг тебя и над тобой» [Лермонтов 1958 : 1 : 415–416]. Это стихотворение М.Ю. Лермонтова хорошо известно носителям русского языка: согласно данным «Русского ассоциативного словаря», словоформа *Палестины* – одна из реакций на стимул *ветка* [РАС 2002 : 1 : 87]. Вместе стимул и реакция образуют название одного из национально-прецедентных текстов. В этом стихотворении в качестве контекстуального синонима к словосочетанию *ветка Палестины* выступает *ветвь Ерусалима*. *Ерусалим*, являющийся вариан-

том библейского топонима *Иерусалим* – «название главного города Древней Иудеи (Иудея – часть Палестины. – Е.П., К.Х.), с которым связаны жизнь, проповедничество, страдания, распятие и вознесение Иисуса Христа» [Андреева, Баско 2023 : 92]. Поскольку *Иерусалим* стал в русском языке коннотативным топонимом, имеющим значение «святыня (о предмете материальной культуры)» [Отин 2006 : 192], то это значение распространяется и на синонимичные словосочетания *ветка Палестины, ветвь Ерусалима*. Это значение поддерживается и контекстом, в котором есть слова и словосочетания с сакральной семантикой: *святыня, символ святой, икона, крест, лампада, кивот* и др.

Слово *Палестина* давно вышло за рамки топонима как средства первичной номинации: уже с XVII в. оно употребляется как средство вторичной номинации – коннотоним, т.е. не только выполняет свою прямую и изначальную функцию – быть именем объектов окружающего нас мира, но и проникается вторичным, дополнительным понятийным содержанием, становится в речи экспрессивно-оценочным заместителем имен нарицательных [Отин 2006 : 11]. Это слово из имен собственных перешло в нарицательные, о чем свидетельствует его написание со строчной буквы и употребление в форме множественного числа. В значении «местность, край» это слово включено в «Словарь русского языка XI–XVII вв.», при этом в словарной статье отмечается, что слово *палестина* употребляется в форме множественного числа и с определением [СРЯ XI–XVII вв. 1988 : 14 : 132]. Как нарицательное существительное оно представлено практически во всех толковых словарях русского языка [см. БАС 2011 : 15 : 289; БТСРЯ 2000 : 776; Даль 1990 : 3 : 11; МАС : 3 : 13; ССРЛЯ 1959 : 9 : 54–55; ТСУ 1939 : 3 : 22]. Как отмечал еще В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка», в народе *палестина* означает «отечество, отчизна, родина, родные, домашние места» [Даль 1990 : 3 : 11]. Выражения *в нашей палестине* или *в наших палестинах* имеют значение «у нас на родине» [Даль 1990 : 3 : 11].

Наиболее полно значение этого коннотонима раскрывается в «Словаре коннотативных собственных имен» Е.С. Отина: «1. Родина, родные места; своя страна, свой край, где живут близкие люди, единовверцы (нередко во мн. ч. и с определениями *наши, родные, дальние* и др.). *Отец Павла Афанасьевича узнал также и прибытки Василия и спустя несколько дней – для “большой важности” – отправился в Лучиновку с намерением “поздравить любезного гостя с прибытием в родные палестины”* (Тургенев И.С. Три портрета). 2. Страна, край, область, местность. *Он был из правоведов и обладал наружностью, которая заставляла удивляться, как он попал в якутские палестины* (Короленко В.Г. История моего современника). 3. Участок земли неопределенных размеров. *Лег Пахом на пуховики <...>, все про землю думает. “Отхвачу, думает, палестину большую. Верст пятьдесят обойду в день-то”* (Толстой Л.Н. Много ли человеку земли нужно). 4. “Словарь Академии Российской” (1822 г.) слово “Палестина или Полестина” толкует так: “Простонар. Обширность, пространство ровного места”. 5. Нечто большое, значительное, обширное. <...> *Ты, мол, Гончар, не сумлевайся: вот как справимся, мы и то и то сделаем для себя. Понимешь? Ну, все будет в удовольствие. Оно точно, люди добрые, да годы вот, когда справятся ... с такой Палестиной* (Герцен А.И. Былое и думы). 6. Большое количество, уйма чего-то. *То есть, как перед Богом, ума не приложу, где это достать такую палестину денег – четыреста рублей – время же такое?* (Герцен А.И. Былое и думы). 7. Как медицинский термин с неясным значением (XVII в.)» [Отин 2006 : 287–289].

Следует отметить, что в одном из значений слово *П(н)алестина* (причем это прямое значение коннотонима и апеллиатива) становится обозначением своего пространства, родины, отечества, что передают семы “родина”, “родные места”, “отечество”, “отчизна”, “домашние места”, “своя страна”, “свой край”, “близкие люди”, “родное”, “свое” и под. Это значение в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова сформулировано как «местность, край (преимущ. о своем, родном)» [ТСУ 1939 : 3 : 22] и сопровождается стилистической пометой *разг.*

В «Толковом словаре библейских выражений и слов» В.М. Мокиенко и др. в словарной статье «Палестина» есть синонимичные разговорные фразеологизмы *родные палестины*, *здесьние палестины*, имеющие значение «родные места, родина» [Мокиенко, Лилич, Трофимкина 2010 : 350].

В «Словаре синонимов русского языка» З.Е. Александровой устаревшая фразема *родные палестины* является членом синонимического ряда с доминантой *родина* [Александрова 2001 : 436]. Следовательно, слово *П(н)алестина* и фразема *родные палестины* входят в число репрезентантов концепта *Родина*.

Словарь Е.С. Отина фиксирует фразеологизм, в состав которого включен рассматриваемый коннотативный топоним, – *В какие Палестины* (идти, направляться и т.д.), имеющий значение «Куда (идете, направляетесь и т.д.)?» [Отин 2006 : 289].

В произведении И.А. Бунина «Роза Иерихона» (1924) апеллатив *палестины* употреблен в значении «святые места» [Отин 2006 : 288]: «*В великом покое вековой тишины и забвения лежали перед нами ее* (Палестины. – Е.П., К.Х.) *палестины* – доли Галилеи, холмы иудейские, соль и жупел Пятиградия» [Бунин 1995 : 4 : 279–280]. Топоним *Палестина* в тексте отсутствует, его заменяет топонимическая перифраза *святая земля Господа нашего Иисуса Христа* [Бунин 1995 : 4 : 279]. По мнению Е.С. Отина, включившего фрагмент из произведения И.А. Бунина в словарную статью «Палестина», в этом примере имеет место каламбурное употребление собственного имени *Палестина* и отконнотонимного производного *палестины* «святые места» [Отин 2006 : 288].

В русском языке есть производные от коннотонима *П(н)алестина*: *палестинка* («красивое и уютное место в лесу» [Отин 2006 : 289]), *палестинский* («удобный для жизни, обжитой, родной» [Отин 2006 : 289]). В «Словаре современного русского литературного языка» слово *палестинка* дается с пометой *обл.*, характерной для диалектизмов, а его значение объясняется как «красивое, приятное местечко в лесу» [ССРЛЯ 1959 : 9 : 55]. В «Большом академическом словаре русского языка» это слово уже относится не к диалектизмам, а к устаревшей лексике (архаизмам), о чем свидетельствует помета *устар.*, и его значение объясняется следующим образом: «*Устар.* Уменьш.-ласк. к палестина (во 2 знач.); небольшая территория (леса, поля и т.п.)» [БАС 2011 : 15 : 289]. В «Словаре русских народных говоров» слово *палестинка* представлено как многозначное: «1. Небольшой участок земли. 2. Красивое место в лесу. // Полянка в лесу. 3. Тропинка в лесу» [СРНГ 1990 : 25 : 167].

См. примеры употребления слов *палестинка*, *палестинский*: «– Ты это помнишь, – сказал Митраша сестре, – как отец нам говорил о клюкве, что есть *палестинка* в лесу...» (М.М. Пришвин. Кладовая солнца) [Пришвин 1983 : 5 : 220]; «*Палестинкой* называют в народе какое-нибудь отменно приятное местечко в лесу» (Там же) [Пришвин 1983 : 5 : 220]; «Анисья Тихоновна, позвольте ручку, с благополучным прибытием поздравить в наши *палестинские места-с*» (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Золотопромышленники) [Цит. по: Отин 2006 : 289].

Таким образом, слово *Палестина* в русском языке представляет собой яркий пример того, как географическое название, уходящее корнями в библейскую историю, превратилось в многогранный образ русской лингвокультуры, наполненный глубоким чувством и теплотой русской души. *Палестина* – единственный топоним, называющий другую страну и при этом ставший в русском языке наименованием родных мест, родины, т.е. «своего» мира. Причина этого в том, что *Палестина* – это святое, глубоко почитаемое для христиан место. Анализ словарных дефиниций коннотонима *П(н)алестина*, его производных и примеров их употребления позволяет сделать вывод о том, что для указанных слов в русском языке характерна в основном положительная оценочность.

«Свой» мир в русской языковой картине мира, подобно слову *П(н)алестина*, обозначают также слова *Иордан* (*Иордань*), *иордань*, *ердань*, *иердань* и под., которые являются производными от гидронима *Иордан* – самой большой реки Палестины, протекающей через всю

страну. В мировой истории и культуре эта река известна тем, что, согласно Евангелию, «Иоанн Предтеча совершал в Иордане обряд крещения. Вместе с другими крещение от Иоанна принял и Иисус Христос» [Мокиенко, Лилич, Трофимкина 2010 : 242]. Память об этом событии отражена в названии одного из главных (двунадесятых) церковных праздников, который отмечается 19 января – *Крещение Господне*. Название этой реки в русской лингвокультуре стало высоким символом, поэтому одно из его переносных значений «книжн. высок. Иордан жизни»: «Как никогда нашему народу нужны нынче богомольцы, но еще более он нуждается в пастырях, в духовных вождях, в своих русских Моисеях, которые вывели бы нас из пустыни смерти к **Иордану жизни**. В. Бахревский. Литературная Россия, 1992» [Мокиенко, Лилич, Трофимкина 2010 : 242]. В этом примере антонимичные словосочетания *пустыня смерти, Иордан жизни* образуют антитезу. *Иордан (Иордань)* в поэтической реминисценции также означает «книжн. высок. Об исцеляющей силе любви»: «Стиснутое в руке комочком – // Что: сердце или рвань // Батистовая? Сим примочкам // Есть имя – **Иордань**. М. Цветаева. Земные приметы» [Мокиенко, Лилич, Трофимкина 2010 : 242].

Иордан представляет собой «сакральный локус» [Агапкина, Березович, Сурикова 2018 : 66]. Например, в «Голубиной книге» *Иордань-река* названа «всем рекам мати», где архаизм *мати* употреблен в переносном значении «основа, начало; источник» [СРЯ XI–XVII вв. 1982 : 9 : 47], что подчеркивает значимость этой реки как в русской народной культуре, так и в русской лингвокультуре в целом: «**Иордань-река всем рекам мати.** / Почему *Иордань-река* всем рекам мати? / Окрестился в ней сам Иисус Христос / Со силою со небесною, / Со ангелами со хранителями, / Со двенадцатью апостолами, / Со Иоанном, светом, со Крестителем, – / Потому **Иордань-река всем рекам мати**» [Голубиная книга 1991 : 38]. Данный пример демонстрирует сакральный статус этой реки: в одном контексте *Иордань-рекой* упоминаются *Иисус (Исус) Христос, Иоанн Креститель, двенадцать апостолов* и др.

Иордан, наряду с Дунаем, – это одна из важнейших рек славянского фольклора [Юдин 2004 : 55], «самый распространенный библейский гидроним в магическом фольклоре славян» [Агапкина, Березович, Сурикова 2018 : 86]. Образ *Иордана*, «пришедший с христианизацией, связывается с важнейшими событиями Священной истории (прежде всего с Крещением Спасителя). Сакральность, которой в результате этого был в христианских представлениях наделен *Иордан*, оказалась столь высока, что русские духовные стихи представляют его матерью всех рек (как Океан – отец всех морей, кит – мать всех рыб, Сион – мать всех гор, Иерусалим – отец всех городов и т.п.), т.е. первым, прототипическим элементом класса одnorodных объектов, берущих от него свое начало» [Юдин 2004 : 55–56].

Гидроним *Иордан* и его варианты (*Ердан, Иордан-река, Иердань-река*) входит в топонимию заговоров Русского Севера, являясь в этих текстах единственным библейским прецедентом. Подробнее см. [Агапкина, Березович, Сурикова 2018 : 85–87].

От гидронима *Иордан* были образованы коннотативные топонимы, в значении которых отразилось Крещение Господне как событие библейской истории, обладающее большой значимостью для русского языкового сознания: «1. Обряд освящения воды (водосвятия) и купания в проруби во время христианского праздника Крещения. 2. Сам христианский праздник Крещение» [Отин 2006 : 195].

Анализируемый гидроним претерпел в русском языке семантическое развитие, став в общенародном языке и диалектах апеллятивом, имеющим разные варианты: *иордан, иордань, иердань, ердан, ёрдан, ердань*. Почти во всех толковых словарях русского языка есть словарная статья *иордань* – «место на реке, озере или пруде, приспособленное для церковного обряда освящения воды» [БАС 2007 : 7 : 355]. Также см. [Даль 1989 : 2 : 68; БТСРЯ 2000 : 397; ССРЛЯ 1956 : 5 : 421; ТСУ 1935 : 1 : 1223; ТСРЯ 2007 : 305]. Во всех словарях указывается происхождение апеллятива *иордань*.

Слова *иордань, иердань, ердань* известны в русском языке с XVI–XVII вв. в значениях «1. Прорубь с помостом и временной часовней для совершения обряда освящения воды и ку-

пания. 2. Место водосвятия, где сделана прорубь с помостом и временной часовней» [СРЯ XI–XVII вв. 1979 : 6 : 87-88, 247]. Слова *ердань*, кроме указанных, также имело значения «резервуар, бассейн», «украшение в виде чаши», «часть церковной одежды (оплечье, та его часть, которая охватывает шею)» [СРЯ XI–XVII вв. 1978 : 5 : 56].

В диалектах прослеживается семантическое развитие анализируемого слова, в том числе в ряде значений наблюдается его «десакрализация»: *ердан* – «1. Прорубь, в которой освящают воду в день крещения. 2. Прорубь (вообще). // Прорубь для ловли рыбы» [СРНГ 1972 : 8 : 368]; *ердань* – «1. Прорубь, в которой освящают воду в день крещения. // Часовня, помост над прорубью, где освящают воду в день крещения. // Мостки или плот, с которых свявят воду в день “Преполовления” и 1 августа. 2. Христианский праздник – крещение. 3. Купель. 4. Прорубь (вообще). // Прорубь для ловли рыбы. // Широкая прорубь во льду для доставания оконных льдин. 5. Ручей» [СРНГ 1972 : 8 : 368]; *иордан* – «прорубь в реке для зимней ловли рыбы» [СРНГ 1977 : 12 : 207]; *иордань* – «1. В религиозных обрядах – праздник крещения. 2. Прорубь. Прорубь в реке для зимней ловли рыбы. 3. Колодец, из которого вытекает ручей – исток Волги» [СРНГ 1977 : 12 : 207].

Интересным является последнее из указанных значений. В текстах XIX в. имеются примеры употребления коннотативного топонима *Иордан* для называния истока Волги или часовни, построенной над истоком Волги. Так, в дневниках А.Н. Островского в записи от 25 мая 1856 г. читаем: «*Поутру в сильный дождь по мокрому и вязкому болоту ходили в часовню, называемую Иорданом, построенную над источником Волги*» [Островский 1978 : 10 : 370]. К.Д. Ушинский в учебную книгу «Детский мир», представляющую собой своеобразную детскую энциклопедию, в рамках раздела «Из географии» поместил очерк «Путешествие по Волге (Письма к приятелю)», в котором говорится о роднике под названием *Иордан*, из которого берет свое начало Волга:

«– Не широка же ваша хваленая Волга, – сказал я купцу с намерением вызвать его на беседу.

– Вы бы заехали еще повыше, к самому *Иордану*, – сказал он с маленькой досадой, – там можно, пожалуй, и перешагнуть через Волгу.

– Что за *Иордан*? – спросил я. – Конечно, это не знаменитая река Палестины?

– *Иорданом* называется, – отвечал мне купец, – родник, обделанный в колодезь, из которого берет начало свое Волга. Этот колодезь находится в Осташковском уезде Тверской губернии, при деревне, которую и зовут Волгино. Там Волга – маленький ручеек, и только» [Ушинский 1989 : 3 : 381–382].

Перенос наименования священной реки, какой является Иордан, на исток самой главной реки России – Волги, ставшей одним из национальных символов, подчеркивает значимость Волги для русского культурно-языкового сознания.

Слова *Иордан*, *иордань* входят в состав примет, закличек и других подобных фольклорных текстов. Например, в сборнике «Пословицы русского народа» В.И. Даля в разделе «Месяцеслов» представлены такие приметы: *В иордани купаются, кто о святках рядился; Когда прорубь (иордань) полна воды, разлив будет большой* [Пословицы 1989 : 2 : 339]. В раздел «Земледелие» В. Даль включил закличку о прекращении дождя: *Дождик, дождик, перестань, мы пойдем на Иордань, богу помолиться, Христу поклониться (кричат ребята на дождь)* [Пословицы 1989 : 2 : 379]. В закличке сакральный статус Иордани подчеркивают словосочетания *богу помолиться, Христу поклониться*.

В русском языке есть производные от слова *иордань* или его вариантов: *иорданный* – «к иордани относящийся» [Даль 1989 : 2 : 68]; *иорданичик, иорданищца* – «посетители, зрители на торжестве водосвятия» [Даль 1989 : 2 : 68]; *иорданка* – «запд. ружье, заговоренное при водосвятии, на иордани; оно не дает промаху, поверье» [Даль 1989 : 2 : 68]; *ерданка* – «прорубь во льду для установки снарядов подледного лова рыбы» [СРНГ 1972 : 8 : 368]. Слова

иорданицик, иорданицица, иорданка относятся к пассивному запасу языка; *ерданка* – к диалектизмам.

Хотя производные от слова *иордань* и выражения с этим словом отсутствуют в нормативных словарях русского языка XX–XXI вв., в статье Анны Виноградовой «Идем на иордань!», опубликованной 19 января 2011 г. на сайте «Православный Саров», не только приводятся слова *иордань, иорданицики*, выражения со словом *иордань*, но и объясняются их значения, в том числе отмечается семантическое развитие слова *иордань*: «В России это слово (иордань – Е.П., К.Х.) *сначала означало только крестообразную прорубь в естественном водоеме, в которой освящалась вода на Крещение. Иорданициками* называли зрителей на торжестве водосвятия. В городах, где храмы находились далеко от рек или прудов, *иорданью* называли площадку, где ставили большие емкости с водой, подготовленной для освящения (и сами емкости). К началу 20 века слово “иордань” стало настолько обиходным, что в некоторых областях *иорданью* называли прорубь вообще или котловинку, играющую роль колодца у болота, откуда течет ручей. А за время почти восьмидесятилетнего насаждения безбожия в нашей стране слово вышло из употребления и практически забылось. Сегодня мы его заново осваиваем вместе с обычаями – *готовить иордань, идти на иордань, купаться в иордани...*» [Виноградова 2011].

Таким образом, от библейского гидронима *Иордан*, связанного в сознании русского народа с крещением Иисуса Христа и поэтому ставшего рекой-символом, был образован апеллятив *иордань*, являющийся неотъемлемой частью праздника Крещение Господне (Крещение). Показательно, что коннотоним *Иордан*, апеллятив *иордань* и его варианты и в общенародном языке, и в диалектах стали номинациями этого праздника, его синонимами. Семантическое развитие слова *иордань* и его фонетических вариантов, в том числе их десакрализация, способствовали расширению значений этих слов. Поскольку *Иордан*, будучи одним из базовых компонентов сакральной топонимии, обладает сакральным статусом, вполне закономерен перенос наименования священной реки на исток великой русской реки Волги, являющейся одним из национальных символов. Коннотоним *Иордан (Иордань)*, апеллятив *иордань* и его варианты (в ряде значений) относятся к числу репрезентантов концепта *вера*.

Если *Палестина* в русском языковом сознании ассоциируется с родиной, родными местами, домашним уютом и теплом, *Иордан* – с праздником Крещения, водосвятием, прорубью, то *Иерихон* отсылает нас к совсем иному образу – к твердыне, мощи и разрушительному звуку.

Слово *Иерихон* в русском языке демонстрирует, как название древнего города, известного прежде всего по библейской истории, превратилось в источник для ярких образных выражений и слов, в том числе описывающих человека. Прямое значение, как фиксируют словари, это топоним, название города в Палестине в VII–II тысячелетиях до н. э. Его всемирную известность определил библейский сюжет о том, как неприступные стены Иерихона рухнули от звука священных труб израильских воинов [Ашукин, Ашукина 1987 : 144; Бирих, Мокиенко, Степанова 2001 : 549, 574; Мокиенко, Лилич, Трофимкина 2010 : 453, 480; Отин 2006: 191–192; Шулежкова 2011 : 282]. Этот сюжет породил фразеологизмы библейского происхождения, связанные с падением города – *иерихонские стены/стены Иерихона* и *иерихонская труба*. Библизм *иерихонские стены/стены Иерихона* имеет значение «*Книжн.* О том, что считается неприступным, непобедимым» [Мокиенко, Лилич, Трофимкина 2010 : 453]. В «Словаре русской фразеологии» А.К. Бириха, В.М. Мокиенко, Л.И. Степановой значение этого фразеологизма дается несколько иначе: «*Книжн.* Твердыня, падающая стремительно» [Бирих, Мокиенко, Степанова 2001 : 549]. Эта формулировка является более точной, так как, несмотря на то, что стены Иерихона считались такими прочными, что разрушить их не было возможности, «от звука священных труб иерихонские стены пали сами собой, и благодаря этому чуду город был взят евреями (Книга Иисуса Навина, 6)» [Бирих, Мокиенко, Степанова 2001 : 549].

Значение библеизма *иерихонская труба*, как правило, в словарях объясняется следующим образом: «*Книжн.* Громкий, трубный голос» [Бирих, Мокиенко, Степанова 2001 : 574]. Однако в «Большом академическом словаре русского языка» эта идиома представлена как многозначная: «Обычно шутол. и неодобр. а) О чрезвычайно громком голосе, звуке. б) О человеке с чрезвычайно громким голосом» [БАС 2007 : 7 : 67]. Второе значение у этого библеизма появилось в результате метонимического переноса. Следует отметить, что в указанном словаре у прилагательного *иерихонский* выделяется два значения: «1. Относящ. к Иерихону. 2. *Перен.* Очень громкий (звук, голос)» [БАС 2007 : 7 : 67]. Выражение *иерихонская труба* употребляется в устойчивом сравнении, что отмечается в «Толковом словаре библейских выражений и слов» [Мокиенко, Лилич, Трофимкина 2010 : 480]. Например: «*Я еще застал Акимову, с ее голосом как иерихонская труба <...>*» (С.М. Волконский. Мои воспоминания. Том 1 (1923-1924)) [НКРЯ]; «*Наконец зычный надзирательский голос проорал в коридоре, как иерихонская труба*» (Анатолий Жигулин. Черные камни (1988)) [НКРЯ].

Топоним *Иерихон* стал коннотативным и в этом качестве включен в «Словарь коннотативных собственных имен» Е.С. Отина: *Иерихон* употребляется в значении «шумное место; необычный шум, гам» [Отин 2006 : 192]. Например, шум футбольных трибун могут образно назвать «иерихоном»: «“*Иерихон футбольных трибун*” – название статьи Ю.М. Костинского (“Русская речь”, 1968, № 6), в которой содержатся наблюдения автора над речевым поведением болельщиков во время футбольных матчей» [Отин 2006 : 192].

Коннотоним *Иерихон* может употребляться в том же значении, что и фразеологизм *иерихонские стены/стены Иерихона*: «“<...> Я участвую в революции по своей воле, свободно, без надежды что-то выиграть, а не как политик. Я знаю, что времена Гедеона – прошли и триста воинов не сокрушат **Иерихон** капитализма”» (М. Горький. Жизнь Клима Самгина (Сорок лет)) [Горький 1975 : 23 : 58–59]. Контекст показывает, что слово *Иерихон* в этом фрагменте употреблено в значении «о том, что считается неприступным, непобедимым».

В народной речи употребляются отконнотонимные производные от топонима *Иерихон*: существительное *ерихон*, означающего взбалмошного, шумного человека, а также употребляющееся как бранное слово [Отин 2006 : 192]; глаголы *ерихониться*, *ерихориться*, *иерихонить*. В словаре В.И. Даля *ерихониться* означает «хорохориться, ерепениться, важничать, ломаться, упрямиться» [Даль 1989 : 1 : 521]. В «Словаре русских народных говоров» этот глагол имеет сходную семантику: «1. Упрямится, хорохориться. Капризничать, куражиться. 2. Сердиться, дуться» [СРНГ 1972 : 9 : 27]. В этом словаре есть также глагол *ерихориться* – «1. То же, что ерихониться. 2. Зазнаваться. 3. Задирать» [СРНГ 1972 : 9 : 27]. В словарь Е.С. Отина включены глаголы *ерихониться*, *иерихонить*. Последний имеет значение «капризничать, упрямиться, ломаться» [Отин 2006 : 192], т.е. является синонимом глагола *ерихониться*. В этимологическом словаре М. Фасмера отмечается, что *ерихон* – это «ругательство, *ерихонец* – прозвище подъячих» [Фасмер 1996 : 2 : 25]. М. Фасмер приводит в словарной статье «ерихон», кроме указанных слов, и глагол *ерихониться* со ссылкой на значение, выделяемое В. Далем «хорохориться, важничать, упрямиться», после чего высказывает предположение о происхождении этого слова: «Первонач., вероятно, шутол. сравнение хвастуна с *ерихонской трубой*» [Фасмер 1996 : 2 : 25].

Поэты XX и XXI веков упоминают Иерихон в своих стихотворениях не как географическое название, а как коннотоним, являющийся символом. Так, у Е.А. Шварц в стихотворении «Книга на окне» читаем:

Говорят – всю прочтешь – зачитаешься, съедешь с ума –
 Это видно, заметно – дрожит уже он.
 Тыква разума с радостью рухнет сама –
 Толстобокий надменный **Иерихон**.
 И я тогда шагну в дремоте легкой странной
 Под водопад теснящихся теней

*О Моисей, придя к земле обетованной,
Ты чувствовал, что ты приснился ей?*[Шварц 1990 : 70].

В этих строках *Иерихон* – это метафора ложной достоверности или высокомерного ума, который сам считает себя неприступным, но быстро рушится сам по себе, как стены библейского Иерихона, которые упали без боя.

Таким образом, слово *Иерихон* в русском языке прошло путь от конкретного географического и исторического названия к коннотониму, являющемуся образным обозначением шумного места и шума в целом; стремительно падающей твердыни. Фразеологизмы библейского происхождения, в состав которых входит прилагательное *иерихонский*, стали экспрессивными обозначениями, во-первых, неприступной твердыни, которая долго считалась несокрушимой, но в результате все-таки оказалась побежденной (*иерихонские стены*), во-вторых, чрезвычайно громкого голоса, а также человека с таким голосом (*иерихонская труба*). Отконнотонимные производные негативно характеризуют взбалмошного, шумного человека (*ерихон*) и его поведение – капризное, взбалмошное, т.е. «шумное» по своей сути (*ерихониться, ерихориться, иерихонить*). Для значений всех этих слов характерна отрицательная оценочность.

Таким образом, Палестина – Святая земля – превратилась в русском языке в обозначение родного края, родины (коннотоним *П(н)алестина* и фразема *родные палестины* относятся к числу репрезентантов концепта *Родина* – ключевого для русской языковой картины мира); местности, края. *Палестина* – единственный топоним в русском языке, который, будучи названием другой страны, стал для носителей русского языка наименованием родных мест, родины, отчества, отчизны, т.е. «своего» мира. Название священной реки *Иордан* стало названием крещенской проруби и народным словом для именования любой проруби, а также названием истока великой русской реки Волги. Коннотоним *Иордан (Иордань)*, апеллятив *иордань* и его варианты (в ряде значений) входят в состав репрезентантов концепта *вера*. Иерихон из города, стены которого пали от звука священных труб, превратился в символ шума, шумного места; стремительно падающей твердыни, а затем и в характеристику взбалмошного, шумного, капризного человека.

У каждого из рассмотренных коннотонимов есть производные, использующиеся в общенародном языке и диалектах. Все рассмотренные библейские коннотонимы или их производные входят в состав фразеологизмов, примет, закличек и т.п. Объединяет все «палестинские» топонимы также то, что для русского культурно-языкового сознания библейская география перестала быть чужой. Она вошла в русскую лингвокультуру: повседневную речь, народные обычаи, литературу, фольклор. Русский язык не просто заимствовал эти названия, он освоил их, сделал «своими», наполнил новыми смыслами, в том числе десакрализованными.

Так далекая Святая земля и ее топонимы стали в русском языке не просто географическими названиями, а средствами вторичной номинации (коннотонимами, прецедентными феноменами, апеллятивами), неотъемлемой частью языковой картины мира русского народа, русского культурно-языкового сознания, элементами национального культурного кода.

Библиографический список

1. Агапкина Т.А., Березович Е.Л., Сурикова О.Д. Топонимия заговоров Русского Севера. I: Моря и реки // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 1. С. 65–114.
2. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 2001. 568 с.
3. Андреева И.В., Баско Н.В. Словарь православной лексики в русской литературе XIX–XX вв. (5–11 классы). М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2023. 272 с.

4. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. 4-е изд., доп. М.: Художественная литература, 1987. 528 с.
5. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 2001. 704 с.
6. Большой академический словарь русского языка. Гл. ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. М.-СПб.: Наука, 2004–2024.
7. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с. (БТСРЯ).
8. Бунин И.А. Собрание сочинений в 8 томах: Т. 4. М.: Московский рабочий, 1995. 527 с.
9. Вертинский А.Н. Дорогой длинною... М.: Правда, 1990. 576 с.
10. Виноградова А. Идем на иордань! // Православный Саратов. 19.01.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravсаров.ru/content/news/890/891/981.html> (дата обращения: 12.03.2026).
11. Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. М.: Московский рабочий, 1991. 351 с.
12. Горький М. Полное собрание сочинений: Художественные произведения в 25 т. Т. 23. М.: Наука, 1975. 412 с.
13. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4 т. М.: Русский язык, 1989–1991.
14. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1958. 755 с.
15. Мокиенко В.М., Лилич Г.А., Трофимкина О.И. Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 единиц. М.: АСТ: Астрель, 2010. 639 с.
16. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Советский писатель, 1989. 512 с.
17. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 06.02.2026). (НКРЯ).
18. Островский А.Н. Полное собрание сочинений. В 12-ти т. Т. 10. М.: Искусство, 1978. 720 с.
19. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. М.-Донецк: ООО «А Темп», 2006. 440 с.
20. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1989. 447 с.
21. Пришвин М.М. Собрание сочинений. В 8-ми т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1983. 486 с.
22. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 784 с. (РАС).
23. Словарь русских народных говоров. Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. М.-Л.: Наука, 1965–1990. (СРНГ).
24. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. (МАС).
25. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–1988. (СРЯ XI–XVII вв.).
26. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1950–1965. (ССРЛЯ).
27. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940. (ТСУ).
28. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. 1175 с. (ТСРЯ).

29. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: В 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1989. 512 с.
30. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 2. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 3-е изд., стер. СПб.: Терра – Азбука, 1996. 672 с.
31. Шварц Е.А. Стихи. Л.: Асс. «Нов. литература», 1990. 120 с.
32. Шулежкова С.Г. «И жизнь, и слезы, и любовь...»: Происхождение, значение, судьба 1500 крылатых выражений русского языка. М.: Флинта: Наука, 2011. 848 с.
33. Юдин А.В. *Иордан и Дунай* в восточнославянском магическом фольклоре // Вопросы ономастики. 2004. № 1. С. 55–74.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Попова Елена Александровна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка и литературы
Липецкого государственного педагогического университета
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
SPIN-код: 8450-3052,
e-mail: elenapopova2410@mail.ru

Popova Elena Alexandrovna,
Doctor of Philology, Professor,
Head of the department of Russian Language
and Literature,
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University,
SPIN-code: 8450-3052,
e-mail: elenapopova2410@mail.ru

Хассан Катя Айман,
магистрант кафедры русского языка и литературы
Липецкого государственного педагогического университета имени
П.П. Семенова-Тян-Шанского,
e-mail: katya312001@gmail.com

Hassan Katya Ayman,
Master's student of the Department of Russian
Language and Literature,
Lipetsk State Pedagogical
P. Semenov-Tyan-Shansky University,
e-mail: katya312001@gmail.com

ОНОМАСТИКА В ЛИЦАХ ONOMASTICS IN FACES

УДК 81'373.2:929

С.А. Скуридина

*Воронежский государственный технический университет
(Воронеж, Российская Федерация)
e-mail: saskuridina@yandex.ru*

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА КЮРШУНОВА: ПРИТЯЖЕНИЕ РУССКОГО СЕВЕРА

Статья посвящена юбилею выдающегося российского филолога-ономатолога, доктора филологических наук, профессора Ирины Алексеевны Кюршуновой. В ней представлена многогранная научная деятельность юбиляра. Особое внимание уделено роли Ирины Алексеевны в изучении исторической антропонимии Русского Севера. Отмечается, что Ирину Алексеевну отличает не только высокий профессионализм, проявляющийся в ее научном служении, но и такие личностные качества как открытость, жизнерадостность, энергичность, а также заботливость о каждом, кому это необходимо.

Ключевые слова: И.А. Кюршунова, ономастика, русская антропонимия, личность ученого.

S.A. Skuridina

*Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russian Federation)
e-mail: saskuridina@yandex.ru*

IRINA ALEKSEYEVNA KYURSHUNOVA: THE ATTRACTION OF THE RUSSIAN NORTH

This article is dedicated to the anniversary of the distinguished Russian philologist and onomologist, Doctor of Philology, and Professor Irina Alekseyevna Kyurshunova. It presents the multifaceted scholarly work of this distinguished scholar. Particular attention is given to Irina Alekseyevna's role in the study of the historical anthroponymy of the Russian North. It is noted that Irina Alekseyevna is distinguished not only by her high professionalism, demonstrated in her scholarly service, but also by such personal qualities as openness, cheerfulness, energy, and caring attitude toward everyone in need.

Keywords: I.A. Kyurshunova, onomastics, Russian anthroponymy, the scholar's personality.

Ирина Алексеевна Кюршунова – известный российский лингвист, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного и прикладной лингвистики Петрозаводского государственного университета, специалист в области исторической и современной региональной ономастики, диалектологии и лексикографии, ведущий научный сотрудник Сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук. И.А. Кюршунова является автором фундаментального «Словаря некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV – XVII вв.» [Кюршунова 2010], который стал важным вкладом в отечественную историческую ономастику.

Мое знакомство с Ириной Алексеевной Кюршуновой состоялось почти 10 лет назад, в 2017 году, когда я подала заявку на международную научно-практическую конференцию, организуемую Петрозаводским государственным университетом «Притяжение Севера: язык, литература, социум», анонсированную в информационном письме на 15 по 17 февраля 2018

года. Ирина Алексеевна оказалась тем человеком, который по электронной почте отвечал на все мои вопросы. Уже тогда я поняла, что это не просто человек, а замечательный человек. Основываясь на опыте собственного общения, скажу, что наиболее значимым является первое впечатление, и неважно, является оно очным или заочным. Мой опыт меня не подвел.

Потом были другие поводы для профессиональной коммуникации, но всегда Ирина Алексеевна подходила к научным вопросам с «человеческой» стороны, а в 2020 году доктор филологических наук И.А. Кюршунова не только подготовила отзыв ведущей организации – Обособленного подразделения Федерального государственного бюджетного исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (ИЯЛИ КарНЦ РАН) – о моей докторской диссертации, но и присутствовала в режиме онлайн на моей защите. Сейчас юбиляр входит в редакционную коллегию настоящего издания, а также никогда не отказывается выступить рецензентом сборников материалов конференций нашей кафедры.

Отмечу, что все наши диалоги с Ириной Алексеевной, проникнутые душевным теплом и «воздушной легкостью», объясняются и близостью наших дней рождения – 23 мая родилась я, а 24 мая Ирина Алексеевна. Думаю, что даты нашего появления на свет неслучайно совпадают с такими праздниками, как День славянской письменности и культуры и День филолога.

Доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Карелии и России Л.В. Савельева в своем материале, подготовленном к предыдущему юбилею И.А. Кюршуновой, описывает ее такой, какой я и представляла: «Настоящая подвижница глубокого изучения родного края и его лучших традиций, Ирина Алексеевна обладает и замечательным даром семейного архитектора, что так важно в современную пору глобального разрушения семейных связей» [Савельева, URL].

27 мая 2026 года доктор филологических наук, профессор С.А. Скуридина и кандидат филологических наук, доцент С.А. Попов во главе с основателем Воронежской ономастической школы, доктором филологических наук, профессором Г.Ф. Ковалевым приняли участие во Всероссийском межрегиональном научном семинаре «Вопросы региональной лексикологии, лексикографии и ономастики», посвященном 65-летию доктора филологических наук, профессора кафедры Ирины Алексеевны Кюршуновой.

На мероприятии было отмечено, что И.А. Кюршунова, многогранная научная деятельность которой связана с лексикологией, лексикографией, диалектологией, ономастикой, лингвокраеведением, известна не только в России, но и за ее пределами. Коллеги юбиляра под руководством заведующего кафедрой русского языка как иностранного и прикладной лингвистики Института филологии Петрозаводского государственного университета Андрея Александровича Котова отметили, что «исследования И.А. Кюршуновой в области изучения ономастического пространства Карелии, представленные в том числе в лексикографических трудах, её изыскания, связанные с севернорусскими говорами, получили признание в профессиональной среде. Не менее плодотворными являются результаты ее многогранной научно-педагогической деятельности, связанной с подготовкой высококвалифицированных специалистов-филологов в системе высшего образования России» [Вопросы региональной лексикологии, лексикографии и ономастики, URL].

На мероприятии в адрес Ирины Алексеевны также прозвучали поздравления от коллег из Вологды, Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга и, конечно, Петрозаводска. Теплые слова адресовали юбиляру и студенты разных курсов.

На семинаре были представлены исследования, касающиеся разных аспектов ономастики. Г.Ф. Ковалев подготовил доклад «К истории слова “Воронеж”», в котором обосновал гипотезу о финно-угорском следе в названии этого топонима-гидронима.

Коллеги Ирины Алексеевны из Карельского научного центра РАН – доктор филологических наук, член-корреспондент РАН И.И. Муллонен и кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Сектора языкознания Института языка, литературы и истории

КарНЦ РАН Е.В. Захарова выступили с докладом «Лексикографическая реконструкция ойконимического ландшафта южной Карелии», в котором осветили особенности работы над словарями людиковской и ливвиковской топонимии. Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Сектора языкознания Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН С.В. Нагурная и Е.В. Захарова представили «Карельский язык в лингвистическом ландшафте Петрозаводска».

Кандидат филологических наук, доцент кафедры РКИ и ПЛ ПетрГУ И.Н. Дьячкова рассказала на материале поморских устойчивых выражений об истории региона в образах народной речи.

Доклады студентов кафедры затронули такие темы, как «Семантическое поле “дорогой” в русском языке: лексикографический и диалектологический аспекты» (Е.М. Радецкая), «Катойконимы Карелии: лексикографический аспект» (А.А. Лазуткина).

В конце семинара состоялось обсуждение актуальных вопросов современной лексикологии, диалектологии и ономастики.

Ирина Алексеевна Кюршунова представляет собой яркий пример учёного, чья научная и педагогическая деятельность глубоко укоренена в родной северной традиции. Её вклад в изучение исторической антропонимии, диалектологии и лексикографии Русского Севера получил признание в отечественном и международном научном сообществе. Сочетание исследовательской глубины, педагогического таланта и организаторской энергии позволяет ей успешно развивать карельскую филологическую школу и воспитывать новые поколения исследователей русского языка.

Несомненна значимость научной деятельности И.А. Кюршуновой, заключающаяся в разработке и обосновании антропоцентрического подхода к изучению исторической ономастики. В своих работах исследователь показывает, что историческая антропонимия – это не просто собрание имен, а ценный источник для реконструкции языковой картины мира, духовных ценностей и менталитета человека прошлого. По мнению И.А. Кюршуновой, наибольшим «антропоцентрическим потенциалом» обладают некалендарные личные имена и прозвища. В отличие от календарных (христианских) имен, их мотивация часто напрямую связана с характеристиками человека, его внешностью, родом занятий или обстоятельствами появления на свет. Для определения мотива именования необходимо учитывать не только семантику самого имени, но и географический, культурно-исторический и этнографический контексты [Кюршунова 2016 и др.].

Ирина Алексеевна Кюршунова внесла в ономастику вклад, который сложно переоценить. Она не просто собрала и описала огромный пласт исторического материала, но и создала новые теоретические и методологические подходы к его изучению. Работы И.А. Кюршуновой не просто позволяют узнать, как называли людей в прошлом, но и являются ключом к пониманию того, как они мыслили, во что верили и как воспринимали себя и окружающий мир [Кюршунова 2019 и др.]. Благодаря деятельности Ирины Алексеевны историческая ономастика Русского Севера превратилась в одну из самых разработанных и плодотворных областей современной лингвистики.

Дорогая Ирина Алексеевна, Воронежская ономастическая школа поздравляет Вас с юбилеем и выражает признательность за научное сотрудничество! Желаем Вам крепкого здоровья и благополучия! Пусть годы добавляют только мудрости, но не убавляют сил! В Вас удивительно сочетаются строгость учёного и душевная теплота, требовательность и удивительная отзывчивость. Ваш оптимизм, жизнелюбие и искренний интерес к каждому человеку создают ту особую атмосферу, которая делает Ваше окружение счастливее.

Библиографический список

1. Вопросы региональной лексикологии, лексикографии и ономастики: в ПетрГУ прошёл всероссийский семинар, посвящённый юбилею Ирины Алексеевны Кюршуновой. URL: <https://petrsu.ru/news/2026/158591/voprosy-regionalnoi-> (дата обращения – 1.06.2026).
2. Кюршунова И.А. Антропоцентрический аспект семантико-мотивационной реконструкции региональной исторической антропонимии // Научный диалог. 2016. №11(59). С. 54-75
3. Кюршунова И.А. Личное имя как антропонимическая презентация человека в документах Карелии XV-XVII веков // Научный диалог. 2019. №9. С. 103-129.
4. Кюршунова И.А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV-XVII вв. СПб: Дмитрий Буланин, 2010. 667 с.
5. Савельева Л.В. Ими славна Карелия. Слово об Ирине Кюршуновой. URL: <https://gazeta-licey.ru/science/97046-imi-slavna-kareliya-slovo-ob-irine-kyurshunovoj> (дата обращения – 1.06.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Скуридина Светлана Анатольевна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка и
межкультурной коммуникации
Воронежского государственного
технического университета,
SPIN-код: 5975-9507,
e-mail: saskuridina@yandex.ru

Skuridina Svetlana Anatolyevna,
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Russian Lan-
guage and Intercultural Communication,
Voronezh State Technical University,

SPIN-code: 5975-9507,
e-mail: saskuridina@yandex.ru

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Файл со статьей в формате .doc, .docx, .rtf должен быть назван Статья_ФИО

Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный курсив, выравнивание по центру);
- 3) место работы автора, город, страну (шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив, выравнивание по центру);
- 4) название статьи (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) аннотацию (150–200 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) перевод пунктов 2-6 на английский язык;
- 8) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 9) библиографический список на русском языке (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов);
- 10) сведения об авторе на русском и английском языках в виде таблицы: ФИО полностью - жирным шрифтом, степень, звание, должность, место работы, SPIN-код elibrary, e-mail (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов);

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в квадратные скобки, указывается фамилия автора работы или название издания (в случае коллектива авторов), год издания, после двоеточия приводятся номера страниц, например: [Иванов 1996 : 54–67], [Фольклор Русского Устья 1986 : 115], если издание многотомное, то ссылка оформляется следующим образом: [Достоевский 1975 : 3 : 4–6], где 3 – том издания.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в алфавитном порядке по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- 1) предмет, тему, цель работы;
- 2) метод или методологию проведения работы;
- 3) результаты работы;
- 4) область применения результатов;
- 5) выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 81

С.А. Скуридина

Воронежский государственный технический университет

(Воронеж, Российская Федерация)

e-mail: saskuridina@yandex.ru

**МИКРОТОПОНИМЫ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»**

В настоящей работе рассматриваются особенности выбора Ф.М. Достоевским микротопонимов в романе «Братья Карамазовы». Автором статьи отмечается, что писатель использовал семантически маркированные онимы для обозначения топосов анализируемого произведения, что способствовало созданию особой атмосферы и глубины повествования. Включенные в апеллятивно-онимное единство, имеющее автобиографический подтекст, микротопонимы играют важную роль в формировании хронотопа произведения, способствуя, с одной стороны, возникновению у читателя ощущения достоверности происходящего, с другой – выводя повествование на символический уровень. (150-200 слов).

Ключевые слова: Достоевский, микротопонимы, оним, хронотоп, «Братья Карамазовы» (5-10 слов).

S.A. Skuridina

Voronezh State Technical University

(Voronezh, Russian Federation)

e-mail: saskuridina@yandex.ru

**MICROTOPONYMS IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL
«THE KARAMAZOV BROTHERS »**

Microtoponyms in F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov" This paper examines the features of F.M. Dostoevsky's choice of microtoponyms in the novel "The Brothers Karamazov". The author of the article notes that the writer used semantically labeled onyms to denote the toposes of the analyzed work, which contributed to the creation of a special atmosphere and depth of narration. Included in an appellative-onym unity with autobiographical overtones, microtoponyms play an important role in shaping the chronotope of a work, contributing, on the one hand, to the reader's feeling of authenticity of what is happening, on the other – bringing the narrative to a symbolic level. ..

Key words: Dostoevsky, microtoponyms, onym, chronotope, «The Brothers Karamazov».

По мнению основоположника Воронежской ономастической школы Г.Ф. Ковалева, онимы в художественном тексте кодируют информацию в соответствии с четырьмя факторами: авторским сознанием, системностью именника, социальными характеристиками, историческим хронотопом [Ковалев 2014 : 5]. Под хронотопом вслед за М.М. Бахтиным понимают «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Бахтин 1975 : 234].

Текст, текст, текст.....

Библиографический список

1. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград: «Наука», 1983. 191с.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.,1975. 504 с.
3. Бессонова А.С. Неизвестное Даровое (по архивным материалам) // V Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна: Лига, 2019. С. 193–200 [Электронный ре-

супс]. URL: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2020/06/Blok_LCH.pdf (дата обращения - 18.12.2024).

4. Ковалев Г.Ф. Аспекты изучения имен собственных в художественных произведениях // Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Новая книга, 2014. С. 3–27.

5. Ковалев Г.Ф. Хронотоп и автобиографизм, как они понимаются в литературной ономастике // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2017. № 3 (26). С. 10-22.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Скуридина Светлана Анатольевна,

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка и
межкультурной коммуникации
Воронежского государственного техническо-
го университета,
SPIN-код: 5975-9507,
e-mail: saskuridina@yandex.ru

Skuridina Svetlana Anatolyevna,

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Russian Language
and Intercultural Communication,
Voronezh State Technical University,
SPIN-code: 5975-9507,
e-mail: saskuridina@yandex.ru

Научное издание

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 3 (7) 2026

Издается с 2025 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 17.08.2026. Формат 60х84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 14,6. Усл. печ. л. 16,9. Тираж 25 экз. Заказ № 128.
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84